

12+

Сергей Устименко

**ТАК БЫЛО. НЕСТАНДАРТНЫЕ
СЮЖЕТЫ**

Сергей Владимирович Устименко

Так было.

Нестандартные сюжеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314065

SelfPub; 2022

Аннотация

Непросто подсчитать и перечислить страны и путешествия, с которыми мне пришлось иметь дело. Были и туристические поездки, и круизы, и командировки, и поездки в гости. При этом всегда можно было примерно представить, что тебя будет ожидать. Но иногда в ходе путешествий случались истории, о которых, при всем богатстве воображения, нельзя было и предположить. Это – нестандартные сюжеты с которыми пришлось столкнуться в наших путешествиях.

Но ведь и вся наша жизнь – это тоже большое путешествие. Случаются, наверное, у каждого человека такие удивительные вещи, которые не укладываются в обыденные рамки. Есть такие события и в моей жизни, это тоже нестандартные сюжеты. О них я попробую рассказать в этой книжке.

Приходится многократно повторять местоимение «Я», но куда деться, если это все происходило со мной, так было. Возможно, несмотря на все мои старания, не удалось избежать где-то налёта «мемуарности», за что я прошу снисхождения у читателей.

Искренне ваш, Сергей Устименко.

Содержание

Введение	6
1. Хоть стой, хоть падай. Ленинград 1971-го	8
2. Первый «зарубеж»	24
ГДР, Молодежный фестиваль. Нацисты	24
3. Смерть красавицы «Ноны» и другое	42
4. Хождение в аспирантуру	60
5. Почем она, копеечка	71
6. На счастье, Нина Васильевна!	89
7. Противопехотный лепесток	108
8. Аргентинское танго профессора Петуховой	118
9. Перекушенная уздечка и коломенские трамваи	133
10. Умные верблюды	146
11. Три дня в семизвездочном коммунистическом раю	154
12. Болезнь гениев и королей	162
13. Лос-Анджелес, вино и пиво	172
14. Птицы Пномпеня	180
15. Предвыборный парад, или Заговор трех генералов	186
16. Змеи Вьетнама	196
17. Венская музыка и Черноусов	205
18. На Гоа со сломанной рукой	209

Сергей Устименко

Так было.

Нестандартные сюжеты

Введение

Непросто подсчитать и перечислить страны и путешествия, с которыми мне пришлось иметь дело. Были и туристические поездки, и круизы, и командировки, и поездки в гости. При этом всегда можно было примерно предположить, что тебя будет ожидать. Когда действительность превосходила ожидания, то возникала приятная радость, иногда переходившая в восторг. Но всё-таки это были как бы стандартные ситуации путешествий. Они запечатлены на фото и видео, о них можно узнать из интернета или телепередач. Это интересные темы, но не о них речь. Иногда в ходе поездок случались истории, которые при всем богатстве воображения нельзя было предвидеть и даже предположить. Это *нестандартные сюжеты*, с которыми пришлось столкнуться в наших путешествиях.

Но ведь и вся наша жизнь – это тоже большое путешествие. Среди будней и даже среди очень важных событий – первый класс, последний звонок, первая любовь, первая глу-

пость, студенческая пора, первое изобретение, защита диссертации, свадьба, дети, внуки и многое, многое другое. Об этом написана масса книг, сняты тысячи фильмов. Мне, как и многим моим современникам, пришлось жить в эпоху тектонических перемен. Распад СССР, путч августа 1991-го, почти гражданская война 1993-го, переход от социализма к капитализму, переход из одного века и тысячелетия в другие. События в стране последнего десятилетия. Техническая революция – мобильная связь, интернет, искусственный интеллект, электромобили и т.д.

Но случаются, наверное, в жизни каждого человека такие необычные вещи, которые не укладываются в обыденные рамки. Есть такие события и в моей жизни, это тоже *нестандартные сюжеты*. О них я попробую рассказать в своей книжке. Эти события были в реальности, хотя и не исключают элементов субъективности. Приходится многократно повторять местоимение «я», но куда деться, если это всё происходило со мной, *так было*. Возможно, несмотря на все мои старания, не удалось избежать где-то налета «мемуарности», за что я прошу снисхождения у читателей.

Вот, наверное, и всё. *Так было*.

1. Хоть стой, хоть падай. Ленинград 1971-го

Звучит банально, но я люблю этот город на Неве. Я здесь даже теперь часто живу, потому что в моём Питере и Ленинграде у нас есть своя квартира на наб. Мойки, 40, почти рядом с Невским. Так получилось, и это хорошо. А тогда, в ноябре 1971-го, я приехал в Ленинград первый раз. Но этому предшествовали определенные события.

Чуть больше года назад я стал студентом МВТУ им. Баумана. Теперь кажется, что каждый год, проведенный в Бауманке – это почти целая жизнь, а первый курс – это игра на выживание. Мало того, что я поступил в училище легко и случайно, не набрав нужного количества баллов на экзаменах в свой вождеденный Физтех, я еще и остался в буквальном смысле без крыши над головой. Немножко поясню, скорее для проверки своей памяти.

Я должен был окончить школу с золотой медалью, все к этому шло, но получил за сочинение сомнительную четвёрку по русскому языку. Таких медалистов-неудачников в нашем классе оказалось пять человек. Четверо из них вместе с родителями начали бороться за справедливость, писать жалобы, ездить по инстанциям и, кажется, добились чего-то. Я остался без медали, но ни разу об этом не то что не по-

жалел и, кажется, и не вспомнил, молодец. На следующий день после выпускного вечера собрал вещички и, несмотря на печаль мамы и папы, ведь мне было только 17 лет, уехал в Москву.

Я спешил, вступительные экзамены в Московский физико-технический институт начинались на месяц раньше, чем в других вузах, и только туда мне надо было поступить.

Физтех был моей мечтой, и вот почему. В школьные годы я увлекался физикой, астрономией, космонавтикой и собирался этому посвятить свою жизнь. Для этого важной ступенью мне казался Московский физико-технический институт – храм науки и практики. Другого я себе не представлял. Но это ещё не всё. В конце шестидесятых годов прошлого века очень популярной была телеигра «Клуб весёлых и находчивых». Она захватила всю страну, студенты и школьники повсеместно играли в КВН. Не обошла игра и нашу школу, в том числе и меня. Я был даже капитаном школьной команды, и мы обыгрывали команды из других школ, чем был несказанно горд. А в Физтехе была моя любимая кавээновская команда. Её капитан Ефим Аглицкий представлялся мне чуть ли не супергероем. Только Москва, только Физтех, на меньшее я не согласен!

Я успел к вступительным экзаменам, экзамены сдал, но недобрал нескольких баллов, 120 человек на место не шутка! Помню, мне предлагали с этими результатами без экзаменов поступить в Горный институт, Институт стали и сплавов и

в Нефтехимический институт – знаменитую сегодня «керосинку». Я гордо отверг эти недостойные предложения. Только Физтех, поступлю через год, какой там Горный! Это сейчас видно, что именно оттуда появились сегодняшние миллиардеры и олигархи, так что я промахнулся и снова об этом никогда не пожалел.

Хотя нет, не совсем так. Вера в ослепительный Физтех несколько пошатнулась. Во-первых, я увидел на газоне около главного здания института компанию студентов, которые, развалившись на траве, пили пиво и громко галдели. Они были очень далеки от моего идеала физика-космонавта. Во-вторых, когда я ездил в город Долгопрудный, где расположен Физтех, из Москвы на электричке, мне случайно встретился мой кумир Фима Аглицкий, живой капитан! Он сидел напротив меня с товарищем, они разговаривали. Я сделал вид, что не узнал всесоюзную телезвезду, уткнулся в книжку, а сам прислушался к разговору. Речь шла о том, что они заканчивают Физтех и не знают, что делать дальше. Запомнил одну фразу, которую произнес Аглицкий: «Вот мы непонятно кто. И как физики никакие, и как инженеры никудышные». Это и правда, и неправда. Многие выпускники физтеха, мои знакомые, стали не только известными учеными, но и предпринимателями и политиками. Недавно я решил узнать в интернете о судьбе моего бывшего кумира. Погуглил и узнал. Он, бывший одесский еврей, выпускник физтеха – известный американский физик, профессор.

Я, конечно, расстроился, что не поступил с первого раза в Физтех, но не растерялся и решил так. Поступлю в какой-нибудь технический вуз, а через год обязательно переведусь в Физико-технический институт! Начал искать, куда бы временно поступить, обошел штук 15 вузов, всё не то. Помню, прихожу в «Менделеевский» – Московский химико-технический институт. Похожи МФТИ и МХТИ. Смотрю на объявление в приемной комиссии: Физико-химический факультет, специальность «радиохимия», что-то близко к физике! Я, как победитель Всесоюзной олимпиады по химии, мог поступать в этот вуз без экзаменов. А, пойду! Заполнил анкеты, подготовил документы, захожу в приемную комиссию, подаю. Студент-старшекурсник в очках, принимая документы, внимательно смотрит на меня: «Ты точно хочешь поступить именно на радиохимию?» «Да, – как бы с юмором говорю я, – не хочу кирпичи обжигать!» Там был какой-то керамический факультет. А студент мне вполне серьезно говорит: «Ты хоть понимаешь, что это обогащение радиоактивных изотопов? Знаешь, что тебя ждет? Ты будешь работать на обогатительном химкомбинате под радиацией. Если не женишься до 25, у тебя не будет детей, в 30 ты будешь абсолютно лысый, а в 40 уйдешь на пенсию и будешь потихоньку умирать от лучевой болезни. Понятно?» И отдал мне документы обратно.

Чтобы убедиться в своей готовности к новым вступительным экзаменам, я решил позаниматься с репетиторами. Предложений было полно, объявления «готовлю в вузы» на

каждом столбе. Вот я выбрал наугад своего наставника по физике, прихожу по адресу, это было где-то в районе Садово-Кудринской, за большим столом нас собралось человек 10–12. Репетитор собрал с каждого по 10 рублей, дал нам задачу из учебника и куда-то удалился, наверное, чай пить или что другое. Я и еще один черноволосый кудрявый парень решили задачу за несколько минут. Другие возились дольше. Вернулся репетитор, мы рассказали ему наши решения, он похвалил нас, дал следующую задачу и опять ушёл. Мы с черноволосым парнем снова решили её быстрее всех. Так продолжалось ещё несколько раз. На этом занятия закончились. Мы с этим парнем познакомились, его звали Марком, идём к Маяковке и понимаем, что нам от таких репетиторств никакого толку, только лишние расходы родительских денег. Я рассказал своему новому приятелю историю про Физтех, про свои сомнения. Выяснилось, что Марик подал документы в МВТУ на гражданский факультет автоматизации и механизации производства, и рассказал мне немного про это училище. Оказывается, на других факультетах готовят инженеров для оборонной промышленности, но его, как еврея, туда не взяли, несмотря на то, что его отец был военкомом Кашкадарьинской области Узбекистана, а бабушка – членом ЦК партии Бунда, лично знала руководителей большевиков. Он посоветовал мне попробовать поступить туда, что я и сделал. Наше случайное знакомство с Мариком переросло в крепкую дружбу, которая продолжалась всю жизнь, до самой

его преждевременной кончины в израильском городе Назарете, где, по приглашению Марика, я неоднократно бывал.

С поступлением в МВТУ проблемы не закончились. Я оказался в прямом смысле без крыши над головой. Дело в том, что я думал жить в общежитии. Для этого надо было представить пакет документов: справки о зарплате родителей, копии паспортов, сведения об иждивенцах и ещё что-то. Если получался определенный минимум денег на человека, то студенту предоставляли общежитие за 12 рублей в месяц. Если минимум превышен, живи где хочешь. У меня все получалось нормально. Все справки были собраны и отправлены мне заказным письмом до востребования. Но письмо не пришло. Никакие попытки найти его, жалобы, объяснения ничего не дали, а повторно собирать справки было бесполезно, сроки прошли, места в общежитии распределены. Поезд ушел. Что делать? Из знакомых в Москве только семья студентов Стоматологического мединститута, которые сами снимали комнату в коммуналке на Бакунинской и временно приютили меня. Жена – Таня Попова – была мамина выпускница. Она блестяще поступила в престижный московский вуз и вышла замуж за своего однокурсника Колю Власова. Но молодожёны к тому же не вовремя собрались разводиться и разъезжаться. После занятий я ходил по московским дворам, спрашивал у старушек на скамеечках: «Никто не сдаст комнатку бедному студенту?». Всё оказалось бесполезно. И вот экс-муж, Коля Власов, как и я, должен был куда-то пере-

езжать. Мы с ним как-то поехали к его знакомым на улицу Фонвизина, и надо же, те согласились сдать нам комнату на двоих за 50 рублей. Ура! Правда, через месяц Николай переехал в другое место, и с тех пор я его не видел. Все финансовые тяготы легли на меня, точнее, на моих родителей. К тому же оказалось, что мой хозяин, слесарь высшего разряда авиационного завода, – алкоголик и бабник. Он то сводился, то разводился со своей женой и часто приходил ночевать в мою комнату, иногда не один. В общем, хватило семнадцатилетнему первокурснику новых жизненных впечатлений.

В нашей группе училось поровну москвичей и иногородних. Одним из последних был Сергей Комаров, он приехал из Пятигорска и тоже снимал комнату на Чистых прудах. Остальные «немосквичи» получили общежитие. Сложности сблизили нас с Комаровым, мы подружились, вместе готовили контрольные работы и чертежи. Я часто даже оставался ночевать у него на улице Машкова после занятий, спал на чертежной доске, накрывшись офицерской шинелью. Все-таки Машкова гораздо ближе, чем Фонвизина, от МВТУ. Сергей был очень общительным человеком, со всеми в группе тоже подружился, рассказал, что у него отец – генерал КГБ, за что и получил второе имя – Феликс. Я его до сих пор так называю, он не обижается. Меня поражали его раскрепощённость, легкость, с которой он знакомился с девушками, как рисовал картины с хиппи. Он научил меня азам игры на гитаре, любовь к бардовской песне нас еще больше сблизила.

Мы ходили на концерты, в театры, выставки, ездили в Троице-Сергиеву лавру.

Но нам приходилось самим думать о еде, стирке, глажке, бане, экономии денег. У Феликса за стеной жила сумасшедшая старуха, которая всё время искала своего сына, в том числе и в комнате Комарова. То есть ему тоже жилось неспокойно. Мы помогали друг другу как могли, и год, проведенный вместе, был как целая жизнь. Кстати, обе сессии мы сдали без троек, что для Бауманки, где отсеивалось до трети студентов, очень неплохо.

На даче в Ленинградском поселке Володарка с Фе-

ЛИКСОМ

И вот происходит в жизни Феликса такое событие: его отца, Аркадия Ильича, переводят в Ленинград, дают, как и положено генералу КГБ, прекрасную квартиру на Петроградской стороне, на улице Рентгена. Феликс в раздумье, что делать: оставаться в Москве в сложных бытовых условиях, но с друзьями из МВТУ, или переезжать в Ленинград к родителям и переводиться в похожий вуз – Военмех. Мы долго обсуждали ситуацию и пришли к выводу – надо перебираться к родителям, а друзья, если они стоящие, друзьями и останутся. Жизнь показала правильность этого решения – мы с Феликсом общаемся и дружим всю жизнь, а Москва для него, как и Питер для меня, – родной город.

И вот второй курс, Феликс приглашает меня в гости на ноябрьские праздники в Ленинград. Конечно, я поехал, остановился в квартире родителей, с которыми Феликс меня уже заочно познакомил, и они считали, что я «положительно на него влияю». Ну и ладно! Отношения у меня с ними сразу установились хорошие и не изменились с годами. Я приезжал в Ленинград к Феликсу, а он в Москву очень часто. Как ни банально это звучит, но я люблю город на Неве, может быть, немножко больше, чем Москву.

На 7 ноября Аркадий Ильич сделал нам с Феликсом необыкновенный подарок – приглашение на парад на Дворцовую площадь, да ещё и на гостевую трибуну, недоступную для простых смертных. Это было незабываемо, но вполне

предсказуемо, парад на Красной площади мы смотрели по телевизору два раза в год. Конечно, увидеть войска живьем – это другое дело. Может быть, об этом не стоило даже писать, если бы не одно нестандартное «но».

Питерская погода, как известно, непредсказуемая. И нет ничего необычного в том, что накануне парада пошел дождь со снегом или снег с дождём, потом ударил легкий морозец и Дворцовая площадь, как и другие места города, покрылась гололедом. Мы, два Сергея с Аркадием Ильичом, приехали к Адмиралтейству. Кстати, я впервые ехал по Ленинграду на только что выпущенной черной «Волге ГАЗ-24» и очень этим гордился. Генерал пошел на главную трибуну, где разместилось все партийное, советское, военное и прочее большое руководство Ленинграда. Мы с Феликсом оказались на гостевой трибуне, где тоже были начальники, но рангом поменьше. То есть мы с Феликсом оказались почти рядом с великими. Вот он – Романов, первый секретарь Ленинградского горкома, член Политбюро ЦК КПСС, в каракулевой шапке, рядом маршалы, генералы, адмиралы в папахах и фуражках и другие члены в «пыжиках».

На Дворцовой, рядом и напротив центральной трибуны тоже приглашенный народ, но еще менее важный. Здесь же расположились парадные расчеты солдат и моряков, ещё дальше к Адмиралтейству и на Невском – военная техника.

1917 **1971**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОПУСК № 2116

тов. Устиченко С. В.

на Дворцовую площадь 7 НОЯБРЯ 1971 года.

Трибуна № 2 Вход со стороны Адмиралтейства

Предъявление документа, удостоверяющего личность, обязательно.

В это же время на Дворцовой происходит интересное действие, для нас, будущих инженеров, очень любопытное, нестандартное, это уж точно. Какие-то умники решили победить питерскую погоду. По площади взад-вперед перемещается военный тягач. К нему прикреплена платформа, на которой под наклоном установлен самолетный реактивный двигатель соплом вниз. Двигатель работает, издавая немыслимый рёв, из него вырываются пламя и горячий воздух, который направлен на покрытие площади. После прохождения этого агрегата лёд тут же испаряется и остается сухой асфальт. Таким образом площадь, по замыслу авторов этого рацпредложения, должна перед парадом быть абсолют-

но чистой, ровной и сухой. Шум и свист от двигателя стоят такие, что невозможно говорить. Начальство недовольно хмурится, но поделаться ничего нельзя, остаётся только ждать. И дождались. 10 часов, тягач уезжает. Наступает долгожданная тишина. Командующий парадом генерал объезжает на «Чайке»-кабриолете войска, приветствуют друг друга: «Ура!». Потом генерал поднимается на трибуну, играет оркестр, звучит голос диктора, парад начинается.

Примерно так маршировали военные и на параде 7 ноября 1971 года

Но погода в Ленинграде непредсказуемая, начинает идти

снег. Он попадает на разогретую реактивным двигателем поверхность и тут же превращается в ровную ледяную корку. Если до «просушки» покрытая гололедом Дворцовая площадь напоминала не очень ровный каток, то после «реактивной» обработки она превратилась в ледяное зеркало, но его не видно. Причем перед трибунами, где особенно старались умники, лёд получился идеальной ровности.

И вот парад начинается. Четкими колоннами, чеканя шаг, локоть к локтю, идут «коробки» военных. Командиры идут впереди, смотрят прямо, а солдаты и матросы – «равнение на трибуны», под ноги никто не смотрит. А там лёд. И тут происходит нечто невообразимое. Участники парада начинают падать как подкошенные. И это причем, как назло, перед трибунами. Шансы не поскользнуться у военных малы. Только стоит упасть одному человеку, как весь ряд оказывается на льду. На упавших по инерции падают и те, кто идет сзади. Пытаются подняться, не уронить оружие, а парад остановить нельзя. И жалко бедных солдат и матросов, но одновременно очень смешно, правда, не всем. Это нам с Феликсом, желторотым студентам-второкурсникам, вспоминается детская куча мала, а генералы и адмиралы на трибуне мрачнеют, Романов хмурится. Будет гроза.

Кое-как заканчивается пешая часть парада, потом военная техника проходит безупречно. Я взял с собой фотоаппарат и, получив от Аркадия Ильича добро, отснял две пленки. И, конечно же, конфуз на льду. Но когда приехал в Моск-

ву и отдал их в проявку, обе оказались засвечены. Почему? Неизвестно. Неизвестно так же, как сложилась судьба у рационализаторов-умников, решившихся победить питерскую погоду. Скорее всего, если у них были погоны, изобретатели их лишились. А может, надо было просто перед парадом посыпать Дворцовую площадь песочком?

Нам с Феликсом по пятьдесят

Прошло почти полвека. Накануне Дня Победы в мае 2019 года мы были на выставке в здании нового Эрмитажа (бывший генеральный штаб). Оттуда, из окон, как на ладони

видна Дворцовая площадь. Проходит репетиция очередного парада. Маршируют колонны солдат и матросов. Идёт дождь, но пресловутую репетицию никто не останавливает. Мокнут бедные ребята. За что? Кому нужна эта демонстрация российского милитаризма? Ветеранам? Их уже нет. Мирным гражданам? Вряд ли, есть другие зрелища. Может, злобный коронавирус, когда отменили эти парады, чему-нибудь научит?! Не научил.

2. Первый «зарубеж»

ГДР, Молодежный фестиваль. Нацисты

Не знаю, с чего и начать. 1973 год. Давно. Но в памяти сохранилось многое. С чего начать? Без занудства. Всё нестандартно.

Ну, начну сначала. Мне 20 лет. Я учусь в МВТУ им. Н. Э. Баумана. Карьера космонавта сорвалась. Подвело зрение. Подсадил. Чёртовы ночные чертежи и профессор Арустамов, завкафедрой черчения, будь он не ладен. (Даже есть студенческий фольклор: «К нему придёшь, не сдав чертёж, рявкнет он: «Инженер не получится!!!») Начертательная геометрия, сопромат, теоретические основы электротехники, теория часовых механизмов – мертворожденные «науки». Зачем мучали студентов, как профессор говорю?! А занятие черчением никому в жизни не пригодилось. Так говорят все бауманцы. А сегодня оно, черчение, в компьютерную эпоху вообще бессмысленно.

Я на втором курсе забыл про Физтех, но не оставлял свою мечту – стать космонавтом. И подходил к ее осуществлению прагматично: поступил в аэроклуб, летал на планере, прыгал

с парашютом, посещал научный кружок космонавтики, который вел профессор Тихонравов, соратник С. П. Королева. Но всё оказалось перечеркнуто черчением.

Я, пытаясь обмануть ВЛК (врачебно-летную комиссию), выучил наизусть весь зрительный тест, его достала для меня будущая первая жена моего друга Сергея Трякина Галина, студентка-медичка, хороший человек. До сих пор помню тест: «Н К И Б М Ш И Б» и т.д. Но врач-офтальмолог оказался хитрее, он надел мне на глаза линзы и заставил читать текст. После чего я был изгнан с позором за попытку провести ВЛК. Помню, как иду по Воротниковому переулку, вроде бы и не слабак, а слёзы катятся сами. Я пропускал занятия в МВТУ из-за аэроклуба. Меня чуть не выгнали за это. Мечта рухнула, жизнь пропала.

Аэродром Дубровицы. Мой планер «Бланик»

В Бауманке после первого и второго курса отсеивалось в наше время до 40% студентов. Учиться было не просто трудно – на пределе человеческих сил и возможностей. Я уже говорил – сопромат, ТОЭ, ТММ и всякое. Были и полезные предметы: математика, физика, технология материалов. Но от этого не легче. Некоторые бедняги-студенты, мои знакомые, попадали даже в дурдом. Поэтому «выжившие» бауманцы узнают и сегодня друг друга с полуоборота, и всегда поддерживают.

Но нет худа без добра. Мой однокурсник Александр Баландин стал космонавтом. Установил рекорд по пребыванию в открытом космосе, стал Героем Советского Союза. Мы с Александром были в приятельских отношениях. Он рассказывал, что в этой профессии нет романтики, это тяжелый рутинный труд, любой полет в космос подтачивает здоровье. И не всем кандидатам в космонавты удастся полететь на орбиту, идет борьба, нередки интриги, ведь полет в космос – это гарантированное материальное благополучие на всю жизнь.

На третьем курсе я переключился от космонавтики, хватило сил и мозгов, даже стал почти отличником и комсомольским активистом, членом курсового бюро! А МВТУ – вуз закрытый, ракетно-космический, все подписывали форму допуска к государственным секретам. Конспекты после лекций складывали в специальный чемодан, его опечатывали и сдавали в Первый отдел. Всё серьёзно. Я это пишу потому, что полететь в космос для нас было легче, чем попасть

за границу. Не надо забывать и о железном занавесе тех лет, расцвета холодной войны.

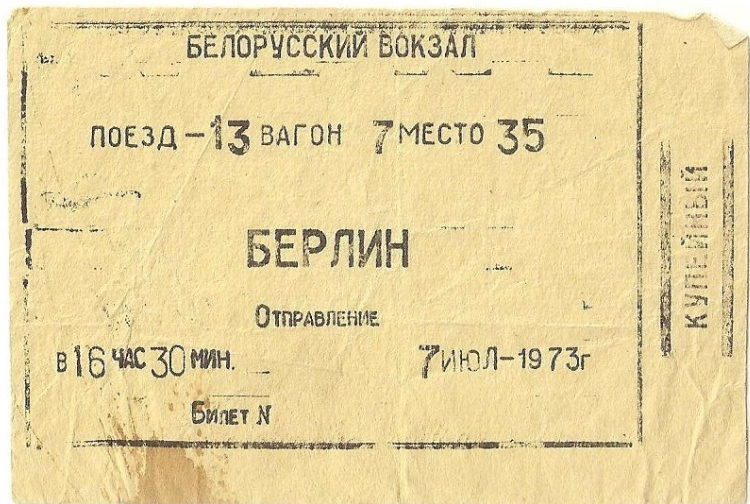
И все-таки мы поехали на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине, 1973 год! Я после третьего курса, мне 20 лет. Это невероятно, но факт!

Отбор в фестивальную делегацию был жёсткий. Надо было из всего вуза отобрать 20 человек, которые назывались интеротрядом. Конкурс проходил в несколько этапов, учитывались успеваемость, общественная работа, опыт стройотрядов, творческие способности. С каждым этапом ряды претендентов таяли, а конкуренция росла, и в то же время стал образовываться костяк коллектива интеротряда.

Мне как-то удалось преодолеть все препятствия, и я попал в двадцатку счастливчиков. До сих пор для меня это загадка. Средний балл за три года учебы у меня был около четверки, сказались старые грехи второго курса, а конкуренты – сплошь отличники. Скромная общественная работа, тоже не аргумент. Правда, я уже дважды побывал в стройотрядах, научился кое-что делать, но для фестиваля этот опыт не очень нужен. Немного умел играть на гитаре и даже петь, а также, хоть и посредственно, но знал немецкий язык. Я при поддержке уже новых друзей из нашей компании проходил все этапы конкурсной фестивальной комиссии, через партийных бонз и завидовавших мне комсомольских чинуш. Как-то сложились звезды.

В те времена существовала практика вербовки или внед-

рения в любые коллективы «кураторов» из КГБ. Конечно, такой человек должен обязательно быть и в нашем зарубежном интеротряде. Нам удалось вычислить его, это студент, отслуживший в армии, член КПСС, командир народной дружины в общежитии, держался надменно и недружелюбно. Благодаря тому, что наша компания была уже неординарная (были дети и родственники крупных парработников, министров, генералов), мы смогли сделать так, что он не прошел последний этап отбора, и мы остались без всевидящего чекистского ока! Это тоже невероятно.

На фестиваль!

Потом происходило сплачивание нашего интеротряда. Изучали историю, географию стран – участниц фестиваля, тренировались в дискуссиях, разучивали песни. Мы обычно собирались в двухэтажной квартире молодоженов Пивоваровых, Володи и Наташи, на улице Жолтовского около Маяковки. У Наташи отец был командующий МВО, а их сын Алексей стал впоследствии известным телеведущим, режиссером и блогером. Это к слову. Кстати, когда мой сын Артемий, тоже бауманец, пришел на экзамен по теории приборных устройств, профессор Пивоваров поинтересовался, не я ли его отец, и когда узнал, что я, не говоря ни слова, поставил в зачетку «отлично».

Поездка в ГДР была незабываемой. Мы сначала, до открытия фестиваля, жили в Магдебурге вместе с немецкими студентами из Высшей технической школы, побратиме нашего Высшего технического училища. Почти две недели адаптировались к новой жизни. Были совместные дискуссии, вечера, субботники, экскурсии. В состав нашего интеротряда были не то чтобы внедрены, но включены два немца – бетройлера, сопровождающих помощников со стороны FDJ – Фрайе Дойче Югенд – немецкого аналога комсомола.

Один – Петер Йорг – нормальный, спокойный, просоветский парень. Петер мне помогал. Он разбирался в радиотехнике, помог купить прекрасные динамики, из которых я

сделал потом в Москве отличные звуковые колонки. Другой бетройлер – Берnard (Беня) Шимус – шустрый антисоветчик, его тётка жила в Западном Берлине, склонный к мелкому жульничеству. С ним тоже было интересно, но об этом позже.

Берлин, 1973 год. Молодежный фестиваль

Я общался с обоими. Поэтому очень неплохо продвигался мой разговорный немецкий. Потом были поездки в Берлин, Дрезден, Веймар, Росток, Лейпциг. Везде встречи, дискуссии, концерты, экскурсии, и так продолжалось два месяца.

Была в этой поездке еще одна особенность. В те годы в Восточной Германии находилась так называемая Группа советских войск. Воинских частей было разбросано по стране немерено. А в нашем интеротряде был Володя Галёв, сын бывшего командующего ракетными войсками в ГСВГ, гене-

рал-лейтенанта. Мы с ним подружились, и у нас часто была своя программа (чекистской опеки не было!) – нас принимали советские военные. Возили по гарнизонам, на рыбалку, на обеды и ужины с офицерами и их семьями. Генерала Галёва уважали, и это передавалось на его сына и на меня. Мы видели, как немцы вежливо и даже подобострастно относятся к нашим военным, но это было уважение, смешанное со страхом. Кто был искренен – местная партийная коммунистическая элита. Они держались за наши ракеты и танки.

В общем, у нас была в ГДР полная свобода. Нас особенно никто не контролировал – скажешь руководителю делегации, прекрасному парню, инженеру-аспиранту МВТУ Саше Воронову: мы едем в такой-то город, полк, Дом офицеров, будем тогда-то, и никаких проблем.

Я еще не знал, что это нестандартно и не надо лезть на рожон. Самоуверенность, переходящая в самонадеянность, иногда может привести к непредвиденным, опасным последствиям.

Однажды, это было, кажется, в одном из последних городов нашего постфестивального турне, Ростоке. Беня Шимус, «наш» немец, с которым я подружился, несмотря на его антисоветизм, предложил поехать с ним на ночную дискотеку. Дискотека была чисто немецкая, находилась где-то за городом в каком-то лесопарке. Мы приехали туда на трамвае. Надо сказать, что эта затея не казалась мне чем-то неординарным, мы уже были на многих дискотеках. За несколько

недель общения с немцами я уже мог довольно внятно общаться с ними на их языке. Но эта была самоволка в полном смысле слова. Я никого из нашего интеротряда не предупредил о том, где и с кем буду и когда вернусь.

Мы с Беней на субботнике

Итак, мы приехали поздно вечером часов в десять на дискотеку. Купили билеты, зашли в один из залов, нашли свободный столик, заказали бутылку вина. Вино оказалось дорогущим, а денег у меня было немного, просто не взял с собой, оставил в гостинице. Бенья сказал, что не беда, он заплатит недостающие марки, ну и ладно. Пригласил к нам за стол двух девушек. Выпили, познакомились, поговорили. Пошли танцевать. Бенья выбрал себе симпатичную блондинку, а мне досталась вторая, страшненькая брюнетка. Ну, в общем, все нормально, общаемся, веселимся, танцуем. Народу много, но ни одного иностранца, хотя немцы все вроде бы дружелюбные, но я на всякий случай не особо афиширую свою русскость.

Я, немка Герлинд и грузин Кононадзе на пароходе, река Шпрее

Время идёт, все хорошо, единственное, моя партнёрша совсем не умела танцевать. Я сам посредственный танцор, но она вообще... Полпервого ночи, пора собираться домой. Бенья сказал, что скоро поедет, пока трамваи ещё ходят. И вдруг он куда-то исчезает со своей подружкой. Моя девица говорит, что живет рядом и ей ехать никуда не нужно. Она уходит. Я пытаюсь найти Шимуса, но его нигде нет. Удрал

куда-то, сукин сын. Ситуация неприятная. Я в лесу с неизвестными людьми, у которых веселье в самом разгаре. Обнаруживаю, что у меня совсем нет денег, а проездные карты на трамвай остались у немца, будь он не ладен. Впрочем, они бы мне негодились, час ночи, трамваи перестали ходить. Ничего не остается делать, как идти пешком. Пошёл. Рядом с трамвайными путями тропинка, но темно, почти ничего не видно. Да и жутковато. Всякие недобрые мысли лезут в голову. Кто их знает, этих немцев, прибьют, бросят в лесу, и следов не найдешь...

Примерно через полчаса появляется окраина города, фонари, становится чуть веселее. Иду по городу, на улице ни души. Примерно знаю, где находится наша гостиница, надо перейти через мост и пройти по набережной, дальше высокое здание, да его уже видно. Вот и мост, высокий и длинный. Иду, а в голову опять лезут дурные мысли: подъедут на машине, сбросят в реку, и капут! И вдруг шум мотора, скрип тормозов, оборачиваюсь – машина, полная людей. Вот и всё, приехали... Выходит водитель, подходит ко мне и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, где находится отель такой-то» – и называет наш отель. Я со знанием дела показываю его. «Данке зер, ауфвидерзеен!» – вежливо прощается. Но лучше не надо таких встреч! Машина уезжает. Облегченно вздыхаю и почти бегу к гостинице. Третий час ночи. У рецепции меня встречает наш руководитель Саша Воронов и, ничего не спрашивая, отправляет спать.

Утром состоялся тяжелый, но справедливый разговор. Если бы был у нас в группе кагэбэшник, меня бы точно выгнали из института с волчьим билетом, не поздоровилось бы и нашим руководителям и в интеротряде, и на факультете. Но самый главный урок, который мне преподнес Александр и за что меня особенно ругал, – никогда не оставаться без денег: «Так бы тебя просто бы ограбили, а без денег могли бы запросто и убить!» Этот урок я запомнил на всю жизнь, и он мне пригодился в Париже, когда ночью на темной улице потребовал от меня денег громадный бандитообразный чернокожий. Я отделался двумя евро.

Что касается Бернарда Шимуса: он пришел утром с помятой мордой, пытался что-то объяснить, но я не разговаривал с ним до самого отъезда. А деньги за вино этот жулик списал на представительские расходы.

Студенты-бауманцы любят пиво. И вот, после нашего вечно разбавленного «Жигулевского», мы оказались в немецком пивном царстве. В каждом городке ГДР были свои пивоварни, поэтому возможностей для изучения пивного многообразия у нас было предостаточно, и мы этим пользовались, но умеренно и познавательно. Мы научились, бауманцы – народ любознательный, отличать пиво по множеству параметров: вкус, цвет, запах, скорость осаживания пены, ее количество на краях кружки, на верху пены хорошего пива должна спокойно лежать монета – одна дойчмарка – и другое.

Бауманцы любят пиво

Как-то в ходе нашего путешествия интэротряд оказался в Лейпциге. После обязательной фестивальной программы мы втроем: Володя Галёв, я и ещё один парень, Слава Соколов, решили со знанием дела попить пива в каком-то интересном месте. Наше внимание привлек один гаштет, ресторан-подвал в нешумном нетуристическом месте, туда захо-

дили только немцы, а уж они знают, куда ходить.

Спускаемся по длинной каменной лестнице. В нескольких залах подвала полно народу, в основном пожилые немцы, как-то подозрительно косящиеся на нас, табачный дым, шум, играет аккордеон. Мелодия мне показалась знакомой – это, конечно, не «Катюша» и не «Подмосковные вечера», это нацистский гимн «Дойчланд, дойчланд, убер аллез!». В нас борются два чувства: страх и любопытство. Мы понимаем, что это странное место, но убегать из него тоже не хочется, всё-таки почти два месяца в Германии, многое знаем. Решили остаться. Пытаемся найти место, столы большие, деревянные, мест достаточно, но никто не пускает к себе: «Нихт фрай! Занято!» И вдруг один подвыпивший немец машет рукой: «Садитесь!» Садимся. Почему-то я чувствую, если эти немцы узнают, что мы русские, могут быть у нас большие неприятности. Я говорю нашему гостеприимному соседу, мы, мол, из Польши, зашли выпить пива, какое посоветуете?

Немец, Пауль, ему лет около пятидесяти, предлагает выпить водки за знакомство, мы поддерживаем, тем более знаем, что немцы пьют водку из дуплей, десятиграммовых рюмашек. Пауль угощает, что для немцев нехарактерно, выпиваем, знакомимся: Серж, Влад, Владислав. Общаемся, я, как переводчик, нажимаю на шипящие, чтобы симитировать польский, мои друзья кивают, но делают вид, что немецкий не понимают. Пиво хорошее, теперь мы угощаем Пауля пи-

вом и водкой. Пауль, подвыпивши еще, разоткровенничался. Рассказывает о своей жизни, неплохо живет, получает хорошую пенсию, где-то работает. Показывает рисунки своей внучки, интересные. Запомнил один: немец чокается пивной кружкой со своим отражением в зеркале. Окружение уже не кажется особенно враждебным. И тут наш немец начинает рассказывать, что в конце войны он был гитлерюгенд, стрелял по русским танкам из гранат-фаустпатронов, что после войны он был бандитом и стрелял с крыш по русским солдатам. (Мы же «поляки», нам можно рассказать!) Мы начинаем присматриваться к публике. У этого нет руки, этот на костылях, у этого шрам на лице, интересная компания недобитых фашистов.

Потом Пауль вдруг заводится и начинает кричать, что здесь все ненавидят русских. Что все здесь «наци», и этот, и этот, и этот... Публика начинает напрягаться, немцы встают с мест, что-то кричат Паулю, показывают на нас. Мы оставляем деньги кельнеру и задом, задом выползаем из подвала, бежим по лестнице вверх. Вот мы уже на улице. Свежий воздух, свобода и радость, что мы уже не в нацистском логове. С окончания войны прошло 28 лет, но в мозгах война продолжается.

После этой первой зарубежной поездки на фестиваль у большинства членов бауманского интеротряда возникло чувство гордости за наш СССР и нашу КПСС. Почему? Например, я видел во время встреч и дискуссий с иностран-

цами, как уважительно и даже с почитанием относятся они к нашей стране. Это касалось даже американцев, конечно, молодых. Никто, как ни странно, из иностранной молодежи не осуждал СССР за 1968 год, за вооруженное подавление Пражской весны – «чтобы дубчики не росли.

Брежнев, тогда еще не старьй, принял решение о том, что можно принимать в партию студентов. И многие из нашего интeрoтpяда после возвращения на родину подали заявление в КПСС, я тоже. Хотя я критически относился ко многим моментам нашей действительности, но мне нравилось, что партия, как такая арматура, пронизывая общество, обеспечивает порядок во всей стране. 1990 год показал, что это совсем не так, да и я тогда был уже совсем не тот.

3. Смерть красавицы «Ноны» и другое

После окончания МВТУ я по распределению, как это было принято в те времена, попал на Софринский ракетно-артиллеристский полигон, который легально назывался «Институт «Геодезия», кстати, никто не знает, почему. Он находился в ближнем Подмосковье, в городке Красноармейск, о котором я ничего раньше не слышал, но потом случилось так, что он стал для меня очень близким, но это, как говорится, совсем другая история.

Я никогда не мог себе представить, поступая в МВТУ по необходимости, что под названием «Машиностроительный факультет», названием специальности «приборные устройства» и надписью в дипломе «инженер-электромеханик» скрывалось совсем другое. А именно факультет ракетно-артиллеристской техники, или ракетостроительный факультет, специальность – взрыватели, если коротко – мозги боевых ракет и снарядов. Почему я – электромеханик, не знаю до сих пор, наверное, потому что могу вкрутить электролампочку, но это может каждый. Вот такая конспирология, то есть почти никто, поступая в МВТУ, не знал, чем ему придется заниматься после завершения учебы. Как пелось в нашей студенческой песне:

*Куда ты поступаешь, чудак, в МВТУ?
Ты сам того не знаешь, что будешь жить в аду.
Ведь в мире обстановка давно накалена,
В ракетных установках нуждается страна!*

Взрыватели – мозги снарядов

Вот так я попал на ракетно-артиллерийский полигон. Должность моя называлась «инженер-испытатель». Звучало солидно. Еще более убедительно звучала на испытаниях моя роль – «руководитель испытаний». И это был не пустой звук. Представьте себе, проводятся испытания новых боеприпа-

сов. В них принимают участие те конструкторы, кто их разрабатывает, специалисты полигона: артмастера, наводчики орудий, прибористы, кино-, фотооператоры, полевые мастера, метеорологи, телефонисты и т.д. Все эти люди во время работы временно подчинялись руководителю испытаний (сокращенно РИ). Подчинялись безоговорочно. На решения РИ не могли повлиять никакие начальники.

Единственные люди, которым РИ сами должны беспрекословно подчиняться (как в авиации), это диспетчеры. Они видели всю картину испытаний, и от них зависела безопасность и сама жизнь работников полигона. *«Устименко! Остановите работу на 20 минут, на трассу на дистанцию 1200 выходят полевики!»* Все, это приказ, люди на трассе! Испытания прекращаю. Сидим, ждем разрешения продолжать стрельбу. Проходит 20 минут, полчаса, диспетчер молчит. Я звоню сам: *«Владимир Яковлевич! Что там полевики, заблудились? Обед скоро, всех придется отпустить, а у меня снаряды в термостате остывают!»* Диспетчер: *«Продолжай, Сергей! Не успел еще тебе позвонить! Всех ведь пришлось останавливать».*

Особое положение занимали почти всегда присутствующие на испытаниях представители военной приемки, как правило, офицеры. Ведь именно для них, для армии, мы и работали. Если РИ отвечал за всю организацию испытаний, то задача военпредов – контролировать соблюдение технологического процесса при испытаниях. От руководителя ис-

пытаний и от военпредов напрямую зависели безопасность наших военных, которые будут потом стрелять, и эффективность убийства тех врагов, по кому будут стрелять. Вот такая диалектика. Ответственность у руководителя испытаний была колоссальная, а зарплата издевательски мизерная, кстати, у военпредов в разы больше. Как говорили, нет такого испытателя, который не хотел бы стать военпредом.

Военпредов можно условно разделить на три категории. Первая – «придирасты», они всегда и во всем видели злой умысел и РИ, и других работников. Им казалось, что их всегда хотят обмануть. Они проверяли каждую бумажку, паспорта, допуски, дневники и т.д., часто не понимая суть и цель испытаний. Про них даже была загадка: *«Чем отличается петух от военпреда? Петух в куче навоза может найти зерно, а военпред – наоборот»*. Да ищите, пожалуйста, если вам так хочется, у меня не найдете!

Вторые – это военпреды, которые хорошо понимали всю логику испытаний, не придирались по мелочам, а наоборот, помогали РИ дельными советами. С ними работать было приятно, и не грех было налить им после испытаний в боксах при температуре – 60 С⁰ фляжечку сэкономленного спирта.

Третьи – раздолбай в хорошем смысле этого слова. Они знали, что РИ – грамотный, ответственный, не хуже военпреда всё понимает. *«Сергей! Ты работай, а мне надо тут в охототдел к егерям заглянуть, я после обеда к тебе зайду подписать результаты испытаний»*. Да, конечно, иди! Я

знал свое дело и находил общий язык со всеми.

Но сейчас я хочу сказать, что моя работа в качестве испытателя была, творческой, через год мне стали поручать специфические испытания, все-таки я был профессиональным специалистом по взрывателям, окончившим к тому же знаменитую Бауманку.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

на рационализаторское предложение

№ 1078

15.10.76г.

(дата подачи)

В соответствии с пунктом 75 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584, настоящее удостоверение выдано _____

Устименко С.В.

(фамилия, имя, отчество)

на предложение, признанное рационализаторским и принятое **инст. Геодезия**

(наименование предприятия,

организации, когда)

18.10.76

к использованию

под наименованием: _____

Оптико-электронный регистратор

/ **Руководитель предприятия**

(организации)

1976

Через два года я уже считался вполне профессиональным испытателем. Через три года у меня были уже несколько внедренных рационализаторских предложений и заявка на изобретение, я проводил сложнейшие испытания радиовзрывателей и гиперзвуковых активно-реактивных снарядов. Я уже профессионально перерос многих своих коллег и даже поступил в заочную аспирантуру на свою выпускную кафедру. Все-таки в Бауманке нас неплохо учили.

Полигон, или НИИ «Геодезия», представлял собой сложную систему. Он занимал громадную территорию, испытательная трасса заканчивалась где-то во Владимирской области. Здесь находился ряд специализированных комплексов для стендовых испытаний ракетных двигателей, аэродинамических испытаний, испытаний артиллеристских снарядов и мин всех калибров, ракет и реактивных снарядов и многое другое. В каждом комплексе были свои испытательные площадки. У нас в отделении они имели мощные защитные кирпичные сооружения – рубки, расположенные в торце трассы. Перед ними размещались орудия при проведении испытаний. Эти рубок было, кажется, шесть, в каждой из которых могли одновременно проводиться несколько испытаний. Рубки образовывали так называемую батарею. Кроме того, были выносные испытательные площадки, расположенные впереди фронта батареи. Там были временные стальные укрытия. Я рассказываю об этом для того, чтобы было по-

нятно происшедшее событие.

Ежедневная работа на батарее, кроме всего прочего, приводила к тому, что ты воспринимал выстрелы или шипение реактивных снарядов как своеобразную музыку, зная каждый инструмент. Вот треск ЗУ-23, вот мерный звук ТКБ-24, вот свист «Града», вот глухое буханье 82 мм миномета. Особенно в конце месяца (штурмовщину и план любой ценой никто не отменял) батарея превращалась в необычный симфонический оркестр.

Музыку батареи дополняла живопись. Очень красивы были ночные испытания разноцветных трассеров, осветительных снарядов, подвешенных на парашютах, завораживали вспышки самоликвидирующихся снарядов, особенно выпущенных очередью. Испытываемые боеприпасы и установки имели, как правило, ласковые названия: осколочно-фугасный снаряд «Гиацинт», миномет «Фиалка», 122 мм гаубица «Ландыш». Соответствовали своим названиям системы активной защиты танков и кораблей «Дикобраз» и «Удав». Кстати, я впервые узнал, что «Тулумбас» – не только реактивный снаряд, а еще и боевой барабан русской армии. Так что среди смертоносного оружия на полигоне была и своя романтика.

Симфонический оркестр полигона

Однажды, поздней весной 1979 года, в наш НИИ направили группу студентов четвертого курса из МВТУ на ознакомительную практику. Им предстояло, кроме прочего, познакомиться с работой нашего комплекса. Меня пригласили к начальству и попросили заняться студентами, освободив на несколько дней от испытательской работы. Я с удовольствием согласился, бауманцы – родственные души!

Составил график практики, договорился с руководителями подразделений комплекса, почти со всеми я уже был в добрых отношениях. Проинструктировал студентов о прави-

лах безопасности, рассказал о полигоне, об испытаниях, о трудностях и радостях работы. Я был рад тому, что ребята заранее могли узнать, что бы их ожидало, если бы они попали сюда на работу. Я-то был лишен такой возможности! А студенты пока не знали.

Я показывал студентам работу нашего комплекса: артиллеристскую мастерскую, радиолокационную станцию, запуск шаров-зондов, измерительную аппаратуру, пороховые склады, компрессорные залы и боксы для термических испытаний. Мои коллеги, специалисты полигона, рассказывали о своей работе. Практика проходила интересно. Единственное, чего нельзя было делать, это приводить студентов на батарею во время испытаний. А им это было чрезвычайно интересно. Я тоже не видел ничего страшного, чтобы показать будущим инженерам-оборонщикам хотя бы несложное, но настоящее живое испытание.

Поговорил с начальником отдела и предложил познакомить наших практикантов с прочностными испытаниями мелкокалиберных снарядов. Работа простая, безопасная, но настоящая, пусть студенты понюхают пороху, а то что получается, были на испытательном полигоне и видели все, кроме испытаний. Я сам буду РИ. Начальник моего испытательного отдела, Александр Изотович Захарчук, опытный профессионал, немного подумал, дал добро и сам рассказал студентам о технике безопасности, главное – во всем слушаться руководителя испытаний, то есть меня.

Прочностные испытания – это, конечно, громко сказано – проводились на выносной площадке в ста метрах впереди фронта батареи. Нам из Тулы привозили инертные образцы 23 мм и 30 мм авиационных выстрелов (выстрелом у нас назывались снаряд и гильза с порохом и детонатором). Инертные – значит с холостым взрывателем и снарядами, заполненными вместо взрывчатки пластмассой такого же веса. Такие безопасные железки. Надо было посмотреть, что происходит после стрельбы с медными поясками, которые обеспечивают вращение и устойчивость снарядов при полете. Стрельба велась из баллистического ствола – толсто-стенной нарезной трубы, но с точными баллистическими характеристиками авиационной пушки, по большим ящикам с опилками, в которых улавливались снаряды. После стрельбы с помощью расположенных сверху мощных электромагнитов снаряды извлекались из опилок, потом осматривались и доставлялись в Тулу для изучения. Что там изучали, нас это не касалось. На такие испытания, учитывая их простоту, даже не приходили военпреды. Все элементарно, неопасно и в то же время по-настоящему. На всё испытание два человека: я – РИ и наводчик самого высокого, шестого разряда, опытный веселый парень Коля Морозов. Единственной сложностью было то, что после стрельбы часть снарядов обязательно куда-то девалась, а заказчики из Тулы требовали вернуть все. Наводчики не любили эти работы, им приходилось, надев респираторы, перетряхивать несчастные ящики с опил-

ками на вибростенде. Пыль, грязь, а подлые снаряды всё равно не находились. Приходилось РИ, оправдываясь, писать заказчикам всякую муть, что, мол, *«в результате флуктуационной неоднородности состава уловителя некоторые испытываемые снаряды резко меняли траекторию и уходили за пределы досягаемости»*. Но эти тонкости студентам знать не обязательно.

И вот я веду на выносную площадку студентов, их двенадцать человек. Рассказываю о программе испытаний, показываю матчасть, знакомлю с Колей Морозовым. Объясняю, что наводчик – это не тот, кто наводит воров на квартиры, а тот, кто работает с вооружением, наводит орудия на цель, заряжает их, производит выстрел и многое еще другое. Второй человек, я думаю, после РИ на испытаниях.

Запрашиваю диспетчера, получаю добро. Производим зарядание выстрела (снаряда с зарядом), отводим студентов в укрытие, начинаем стрельбу. И так 20 раз.

В метрах трехстах от нас гремит своей музыкой батарея, конец месяца. Аврал. А мы впереди планеты всей.

В это время происходили интересные события. К нам на полигон прибыла собственной персоной красавица по имени «Нона». На самом деле «Нона-С» – новейшее авиадесантное самоходное артиллерийское орудие. 120 мм гладкоствольная пушка размещалась на базе гусеничного бронетранспортёра. Башня и защита БТР были выполнены из броневого алюминия. «Нона» была барышней легкой, всего-то около

10 тонн. Любила летать на военно-транспортных самолетах, прыгивая, когда надо, с парашютом, чтобы поддержать на земле бойцов ВДВ.

Красавица «Нона»

Предстояли какие-то важные учения, в которых должна принимать участие и «Нона», но поскольку у нее были вновь разработанная пушка и экспериментальный снаряд, армейское начальство приняло решение: предварительно перед учениями провести контрольные стрельбы на нашем полигоне.

Добро пожаловать! «Нона» прибыла своим ходом с экипажем из трех человек, боекомплект доставили отдельно. Её разместили во второй рубке первой батареи, недалеко от нашей выносной площадки, выставили вооруженное охранение из экипажа, чтобы никто из любопытных работников полигона не касался секретной красавицы.

Руководителем испытаний определили Нину Андрееву, опытного специалиста, жену нашего главного инженера. Она готовилась к испытаниям, изучала документацию, вместе с военпредами обсуждала техпроцесс, с БТРами у нас никто пока не работал. Командир «Ноны», разухабистый старший лейтенант, боевой десантник, всячески подчёркивал свое превосходство над работниками полигона и над офицерами военпредами – тыловыми крысами. Особенно его возмущало то, что руководителем испытаний его боевой «Ноны» была женщина. И ещё очень задевало его десантное самолюбие то, что стрелять надо было дистанционно, привязав какую-то верёвку к спусковому крючку. Он смеялся над всеми этими приготовлениями: *«Чего время тянуть, давайте я отстреляю за полчаса все эти снаряды, и дело с концом!»*. Причем серьезно так и хотел сделать! Но с руководителем испытаний спорить было бесполезно, десантник был с позором изгнан из рубки и, злой, сидел со своим экипажем в беседке-курилке.

У нас на выносной площадке была своя жизнь, мы закончили стрельбы, я проверил, не осталось ли снаряда в кана-

ле балствова, это было обязательное правило, как и многие другие правила при испытаниях, написанные кровью. Мы со студентами двинулись из укрытия к уловителю собирать снаряды. От орудия до ящиков с опилками было метров 70.

Только мы сделали несколько шагов по асфальтовой дорожке, как со стороны батареи раздался непонятный глухой хлопок, явно диссонирующий с привычной полигонной симфонией. Я оглянулся: из второй рубки поднимался чёрный дым, похожий на маленький атомный взрыв. Мы с Николаем не сговариваясь крикнули: «Ложись!» и вместе со студентами плюхнулись на асфальт. Я до конца жизни буду помнить свистящий звук сначала летящих, а затем рикошетирующих осколков. Несколько секунд под осколочным дождем казались вечностью. Страх не было, просто никто не успел испугаться. Когда звук осколков прекратился, мы вскочили на ноги. Я приказал студентам бежать в административный корпус, но это было лишним, они и так уже летели с выносной площадки. Мы же с Николаем побежали ко второй рубке.

В сторону батареи мчались машины скорой помощи, пожарные машины, приехали руководство полигона и кагэбэшники. Взору престала ужасная картина: на месте красавицы «Ноны» стояло, другого слова подобрать не могу, большое корыто, состоящее из нижнего поддона и гусениц. Кругом валялись куски искореженного металла. Это все, что осталось от БТР. Причина случившегося была нам, испытате-

лям, ясно – произошла детонация ВВ снаряда в самом начале ствола орудия. Пять килограммов «морской смеси», так называлась взрывчатка, а ключья разнесли и орудие, и башню, а двигатель нашли за десятки метров от машины. Силумин, бронированный алюминий, из которого сделан корпус «Ноны», был хрупким сплавом и разлетелся как шрапнель. Так закончила свою короткую жизнь красавица «Нона». Хорошо, что это не произошло во время учений десантников. Невозможно представить, сколько человек могло погибнуть, ведь на учениях был еще и полный боекомплект.

Всем людям, кто проводил испытания, повезло просто каким-то невообразимым, чудесным образом. На батарее было полно народу, очевидцы рассказывали, что сверху на них подали обломки, но никого не повредили. Даже мы, находясь в самом опасном месте, остались живы и здоровы. Ранение получила только одна женщина-телефонистка. Ей осколком пробило грудь, хотя она была в полукилометре от места взрыва.

Все испытания были временно прекращены. Мы с Николаем вернулись на свою выносную площадку. Сделали то, что надо было сделать, собрали снаряды, они оказались все до одного на месте, в уловителе. Сложили их в ящик, потом я опечатал его, взял документы и побрел к себе в административный корпус. Николай остался чистить балствол, это тоже обязательное – почистить орудие после стрельбы и сдавать ящик с железками. Через полчаса он зашел ко мне. Вытащил

из кармана завернутые в бумагу осколки и обломки, которые он собрал на выносной площадке, положил на стол. *«Вот, Владимирыч, сохрани их, каждый из них мог быть твоим».* *«Нашим»*, – сказал я. Мы засмеялись, смех был нервным.

Десантник-старлей потерял свой лоск, собрал в гостинице всех участников испытаний покойницы «Ноны», напоил водкой и сам напился, и все повторял, что Нина Андреева – его вторая мать.

Дальше все было стандартно. Учения ВДВ, конечно, отменили. Была создана государственная комиссия. На полигон приехало много начальства с большими звездами на погонах. Стали искать виноватых в ЧП. Разработчики БТР сваливали вину на оружейников. Оружейники сваливали вину на разработчиков боеприпасов. Те в свою очередь не могли прийти к причине детонации: заряд? снаряд? взрыватель? Были даже проведены повторные испытания оставшихся боеприпасов, уже без БТР, – результат тот же. Так и непонятно, кто виноват. Но больше таких испытаний на моей памяти не было.

Что касается студентов, то я им всё рассказал, но не думаю, что кто-то из них, после пережитого, согласился бы на работу испытателя.

Конечно, когда осенью 1975-го я попал сюда на преддипломную практику, сначала мне было очень страшно, ведь приходилось иметь дело со смертоносным оружием, причем опытные образцы всегда могли преподнести и преподносили

опасные для жизни сюрпризы. Но со временем смертельно опасная работа, которой занимаешься каждый день, уже не казалась такой. К ней привыкаешь, наверное, так же привыкали к смертельной опасности фронтовики. Поэтому когда меня спрашивают, служил ли я в армии, мне смешно - я пять лет был каждый день на фронте. Конечно, я благодарен судьбе за то, что остался живой, за ту привычку отвечать за свою работу, от которой зависит обороноспособность страны и премия целых коллективов разработчиков вооружения. Я получил неоценимый опыт взаимоотношений с людьми в экстремальных условиях. Мне нравилась моя работа. Нравились мои учителя, среди которых были уникальные специалисты. Спасибо им. Эти пять лет жизни важны и незабываемы.

Но еще одно «но». Со временем пришло осознание, чем я занимаюсь на самом деле. Участвую, причем самым активным образом, в создании оружия, несущего смерть людям. Чем лучше я и мои коллеги будут выполнять свою работу, тем более смертоносными будут наши ракеты и снаряды. Я понимал, что необходимо защищать страну, я не превратился в пацифиста. Просто не хотел в этом участвовать. Хотя до сих пор уважаю тех, кто думал иначе или вообще не думал об этом, работал, и все.

4. Хождение в аспирантуру

Немного повторюсь, это важно. В 1975 году я приехал на преддипломную практику, а по сути дела начал работать на ракетно-артиллерийском полигоне под мирным названием «Геодезия». Через два-три года я уже считался вполне профессиональным специалистом по испытаниям новейших опытных образцов взрывателей для снарядов к мелкокалиберным авиационным, морским, зенитным пушкам и реактивным снарядам. Поскольку через меня проходили интересные, а иногда и уникальные испытания, я их начал систематизировать, а иногда и моделировать.

Чтобы на равных разговаривать с конструкторами и военпредами, в свободное от работы время просиживал в секретной библиотеке, изучая новейшие разработки вооружения. Честно говоря, меня стимулировало и то, что, пусть нерегулярные, премии за рацпредложения в этой области приносили к скудной зарплате инженера-испытателя заметную прибавку. Итак, у меня родилась и постепенно окрепла мысль, что я созрел для поступления в заочную аспирантуру в родной Бауманке. Поделился этой идеей с начальством, меня поддержали.

В МВТУ на нашей выпускной кафедре работал профессор Батуев Герман Семёнович, приятный человек, добрый, любящий студентов. Он был невысокого роста, с большим

лбом и большими очками, чем-то напоминал добродушного инопланетянина. Его занятия – и лекции, и семинары, и практикум – были интересны, а главное, я это позднее почувствовал, полезны.

Герман Семёнович был уникальным и авторитетным специалистом как раз в той области взрывателей, которые приходилось испытывать мне. Если где-то в армии случались ЧП, связанные с несанкционированными подрывами боевых частей, профессора Батуева всегда призывали в государственную комиссию, где он с другими специалистами расследовал случившееся, его слово было решающим.

Профессор Г. С. Батуев

Я приехал к Герману Семёновичу, он припомнил меня как студента, рассказал ему о своей испытательской работе, о собранном материале и попросил его стать моим научным руководителем. Профессор Батуев, как мне показалось, с удовольствием согласился, но предупредил, что работать и учиться в аспирантуре будет очень нелегко, и тут же дал мне первое задание.

Мои однокашники и преподаватели нашей кафедры

(сидит первый слева Г. С. Батуев, стоит второй справа

С. В. Устименко)

Я легко сдал вступительные экзамены и был зачислен в заочную четырехгодичную аспирантуру. Мы стали работать с Германом Семёновичем регулярно встречаться на кафедре, отношения складывались добрые и конструктивные. Постепенно обозначились контуры темы диссертационного исследования. На полигоне просил, чтобы мне почаще давали испытательные проекты, соответствующие, как я уже представлял, своей диссертации, начальство шло навстречу, авторитет Батуева и здесь был непререкаемым.

Параллельно, как и любой аспирант, я должен был сдать в течение года так называемый кандидатский минимум – экзамены по специальности, философии и иностранному языку. Если с первыми двумя у меня не было проблем, то с немецким все было непросто. Я уже подзабыл без практики то, чему научился на Молодежном фестивале 1973 года в ГДР, к тому же требовалось знать новую научно-техническую терминологию. Поэтому пришлось заниматься полгода на специальных курсах в соседнем НИИ. Экзамен оказался сложным, мы сдавали его комиссии в каком-то, уже не помню, гуманитарном вузе. Я получил свою заслуженную четвёрку, соответствующий документ – свидетельство о сдаче канди-

датского минимума, и был очень рад. Отметим с моими новыми товарищами это событие и выпили, кроме всего, за то, чтобы немецкий язык нам больше никогда не пригодился. Не понимали тогда, что будет в недалеком будущем.

Пошел второй год моей аспирантуры, казалось, что всё складывается как нельзя лучше. Но однажды я звоню на кафедру, чтобы договориться о встрече с научным руководителем, а мне говорят, что Герман Семёнович в больнице. Я спросил, в какой, чтобы навестить его, но коллеги сказали, что это делать пока нельзя. Прошло ещё некоторое время, я продолжал работать над диссертацией, регулярно звонил на кафедру, узнавал, не поправился ли мой профессор, и вот наконец мне сказали, что Батуев будет на работе в такой-то день. Я, естественно, отпросился у начальства и поехал в предчувствии долгожданной встречи.

Профессор сидел за своим рабочим столом, казалось, что совсем не изменился – лоб, очки, всё на месте. Я радостно подхожу к нему: «Здравствуйте, Герман Семёнович!» Обычно Батуев всегда здоровался со мной за руку, и рукопожатие всегда было энергичным. Сегодня этого не случилось. Сажусь напротив и вижу, что он смотрит как-то сквозь меня: *«Здравствуйте, молодой человек, что вы хотели?»* Он не узнал меня, невероятно! *«Герман Семёнович, это же я, ваш аспирант, Сергей Устименко! Привез вам свои новые материалы и подготовленную для публикации статью».* *«Спасибо, оставляйте»*, – отвечает он, хотя должен был прекрасно

знать, что мои диссертационные материалы находятся в секретной тетради, которую я взял, как всегда, под расписку в Первом отделе. *«Герман Семёнович! Может, как обычно, вы сейчас посмотрите? Я же не имею права оставлять тетрадь!»* «Тогда до свидания», – говорит Батуев и продолжает смотреть сквозь меня. Я, ничего не понимая, вышел.

Больше я никогда Германа Семёновича не видел. Позже мне рассказали коллеги по кафедре, под большим секретом, что произошло. Батуев по доброте душевной в последнее время настолько сближался со студентами, что позволял себе иногда выпивать с ними. И вот однажды, после экзамена, прямо в аудитории студенты угостили профессора портвейном, он не отказался. Потом вышел из факультетского здания, переходил дорогу, поскользнулся на гололеде, упал и попал под троллейбус. Скорая. Больница. Клиническая смерть. Врачам удалось вывести Батуева из комы, но он почти потерял память. Учитывая бывшие заслуги, профессора не стали увольнять из МВТУ, и даже иногда его родственники привозили на работу. В один из таких приездов я и встретился с ним. Теперь всё стало и ясно, и очень жалко этого замечательного человека, моего учителя.

Больше я не стал заниматься диссертацией. Тема была настолько специфичной и сложной, что, кроме Германа Семёновича, никто не мог быть моим научным руководителем. Правда, я пользовался льготами, которые мне давало «обучение» в целевой аспирантуре – дополнительный ежегод-

ный месячный оплачиваемый отпуск. Уезжал на шабашку, мы нелегальными бригадами строили разные сельскохозяйственные объекты в Нечерноземье России. Мне довелось заниматься возведением льносушилок в Новгородской области, где я вдобавок к своим строительным навыкам освоил профессию тракториста.

Вскоре произошли изменения и на работе, мне предложили должность освобожденного секретаря комитета комсомола, я согласился. Хотя я и был искренним патриотом, но мне уже не хотелось повышать эффективность смертоносного оружия, особенно после нашего вторжения в Афганистан.

Прошло несколько лет. В моей жизни произошло много перемен. И вот я – старший преподаватель Московской высшей партийной школы, опять пишу диссертацию, но уже не о взрывателях, а о философских аспектах социальной справедливости. Опять сдаю кандидатские экзамены, теперь уже по истории философии, научному коммунизму. По иностранному языку не сдаю. Зачем, ведь в отделе аспирантуры МВТУ, в архиве, наверняка лежит свидетельство о сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку, надо только заехать и забрать его. А всё некогда. И вот диссертация готова, все предзащитные процедуры пройдены, осталось только приложить последнее свидетельство. Я еду на 2-ю Бауманскую в отдел аспирантуры МВТУ. Знакомые стены, коридоры альма-матер. Захожу в нужный кабинет, объясняю, зачем пожаловал. Сотрудница приносит из архива мое личное де-

ло аспиранта со словами: *«Ну наконец-то вы пришли!»*. И дает мне папку с документами. Я начинаю листать и не верю своим глазам.

Так, моя аспирантская аттестация после первого года обучения – готовность диссертации 25%, моя подпись, подпись Батуева, подпись членов аттестационной комиссии. Это было.

Аттестация после второго года – готовность работы 50%! Моя не моя подпись, другой научный руководитель. (Герман Семёнович уже тяжело болел и не работал). Подписи членов аттестационной комиссии.

Аттестация третьего года – готовность 75%, подписи те же.

Четвертый год. Диссертация готова на 100%! Назначены оппоненты, ведущая организация. Отзывы. Предзащита прошла успешно. Подписи членов.

И заключение (это супер!): *«Аспирант в назначенное время на защиту не явился»*.

«Ну что же вы нас так подвели, не пришли на свою защиту?!» – то ли серьезно, то ли с пониманием всего, что произошло, говорит сотрудница отдела аспирантуры МВТУ.

Я забираю из папки слегка пожелтевшее свидетельство о сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку. Прощаюсь, не скандалю, не прошу лживую папку. Зачем? Выхожу из Бауманки, как говорится, с противоречивыми чувствами. С одной стороны, мне стыдно за сотрудников своей кафед-

ры. Для получения каких-то копеек они фальсифицировали мое окончание аспирантуры. Даже не постыдились памяти профессора Батуева! С другой стороны, я теперь документально подтвержденный выпускник аспирантуры МВТУ. А что не защитил диссертацию – это мелочи, о которых я могу и умолчать!

Выстраданное свидетельство мне не пригодилось. Я успешно защитил свою настоящую кандидатскую диссертацию по социальной справедливости. Документы передали в ВАК, а оттуда сообщили, что мое свидетельство о сдаче иностранного языка годится только для технических специальностей, а для гуманитарных я должен сдавать язык снова. Что делать? Конечно, я ничего сдавать не стал. Немецкий я уже совсем подзабыл, да и ума набрался. Попросил своего научного руководителя – проректора, как лицо заинтересованное, поспособствовать «создать» для меня пресловутое свидетельство. Что и было сделано зав. кафедрой иностранного языка, председателем комиссии по сдаче кандидатского экзамена. Мы с ней были знакомы, застряли как-то в одном лифте.

Кстати, эта зав. кафедрой была женой секретаря ЦК КПРФ Антоновича Ивана Ивановича, его избирательная кампания по выборам в Верховный Совет РСФСР была одной из первых, в которой я учувствовал в качестве социолога. Антонович проиграл. СССР распался.

Я никоим образом не хочу бросить тень на кого-то из пре-

подавателей моей выпускной кафедры в МВТУ. Наоборот, к большинству из них у меня сохранились самые теплые чувства и уважение. Но когда говорят, что в Советском Союзе не было коррупции, я вспоминаю в том числе и этот нестандартный сюжет.

Сегодня, как профессор с многолетним стажем, могу с гордостью сказать, что ни от одного студента или аспиранта я не получил никакого «презента». Случались такие сюжеты. Приходилось принимать экзамены у студентов-заочников. Я знал, что знаниями они, мягко говоря, не блещут. Они знали это и лучше меня, поэтому приносили преподавателям всякие «сувениры», как правило, дорогой алкоголь. Я поступал так: «Поставьте ваши сувениры на подоконник, после экзамена посмотрим!»

Мне было жалко этих людей, я их прекрасно понимал, поэтому превращал экзамен в собеседование, больше говорил сам, стараясь дать какие-то дополнительные знания. Потом спрашивал, какую оценку они заслужили. Как правило, ожидали тройку. Ну и ладно. Не приезжать же им снова из Брянска передавать свою двойку! Но были и действительно сильные студенты, это радовало.

После окончания всех экзаменационных процедур я подзывал старосту и просил отнести «презент» на кафедру преподавателям. Профессура в те времена жила небогато и была явно довольна, я тоже.

5. Почем она, копейка

Говорят, что при Советской власти всё было хорошо. Было, но не всё. Когда я работал в НИИ «Геодезия», моя месячная зарплата (руководителя испытаний!) была 110 рублей, с премией – 132 рубля. Для сравнения скажу, что рядовой пенсионер в СССР тоже получал 110 рублей. Такое было у нас государство. Мы занимались сложнейшей работой, обеспечивали обороноспособность страны, ежедневно рисковали жизнями, трудились и в дождь, и в мороз, иногда по пояс в снегу, но с трудом могли прокормить свои семьи. Существовал даже такой анекдот: инженера-испытателя спрашивают: «*Что ты испытываешь?*» Он отвечает: «*Нужду!*»

Чтобы как-то вырваться из этой нищенской ситуации, приходилось предпринимать определенные усилия, иногда стандартные, иногда не очень. Небольшую надбавку мне давали вознаграждения за рационализаторские предложения. Этим я занимался активно, но доход был нерегулярный и небольшой, к тому же существовала традиция делиться этой премией с коллегами в «булькающем» виде. Большинство моих работ были креативными и полезными, но малоденежными, 30–70 рублей. А однажды я прямо-таки сделал деньги из снега!

Предстояли испытания новых взрывателей для снарядов к мелкокалиберным пушкам. Такие снаряды должны были

пойти на вооружение в ближайшее время. Чтобы проверить их безопасность, конструкторы предложили испытать, как поведут себя различные взрыватели, если снаряд будет пролетать через полуметровый слой снега. Это вполне логично, ведь стрельба должна вестись из наземных, морских и воздушных систем в любую погоду, в том числе и в снежных «зарядах». При подготовке к испытаниям я попросил официально через ТЗ (техническое задание) наших технологов придумать приспособления для создания мишени с 0,5 м снега толщиной. Технологи долго возились с этой задачей и придумали сделать короба из фанеры с квадратными отверстиями по 70 см и такими открывающимися с двух сторон тоже фанерными щитками. По мысли технологов, в короб насыпается снег, потом щитки открываются, и образуется мишень. Стреляй! Кажется – пустяк, элементарно. Но сделать эти ящики оказалось непросто.

У меня были не только эти «снежные» испытания, но и многое другое. Когда мне принесли на утверждение чертежи, я взглянул и сказал: *«Сойдет, давайте быстрее запускайте в производство, а то зима кончится!»* Финансисты подсчитали стоимость 50 этих ящиков, сумма приличная, но мне-то что. Было принято, что на оборудовании для испытаний, в отличие от зарплаты, денег не жалели. Через пару дней мне звонит, начальник механического цеха, уже мой знакомый: *«Сергей, а что, делать эти ящики все сразу? Мы сделали пока три, а мастера уже замучались с этими отверсти-*

ями, шторами, легче мебель делать. Всё производство затормозили!» «Ладно, привозите эти три, посмотрим, больше пока не надо».

С утра назначаются испытания. Привозят на батарею ящики. Устанавливаем первую мишень. Рабочие лопатами заполняют снегом ящик, тоже не просто засыпать полтора куба снега. Засыпали, открыли щитки, вроде все нормально. Военпред доволен, бригада конструкторов волнуется, диспетчер дает добро. Наводим орудие на снежную мишень, сам ещё раз проверяю точность наводки, через ТХП (трубка холодного прицеливания) сверяю маркировку снарядов с документацией, знаю, что за этими взрывателями – громадный человеческий труд.

Все в укрытии, смотрим в перископы. Даем звуковой сигнал опасности, чтобы никто не оказался случайно поблизости. Командую: «Заряжай», наводчик заряжает снаряд, приносит коробку с контактами для капсуля-электродетонатора. Она на замке, ключ у меня, открываю. Все напряжены. Командую: «Орудие!» Выстрел, и тут же взрыв. Дым, снежное облако. Ящик разлетается в щепки. Но один выстрел – это еще не статистика. Производим второй, тот же результат, третий – то же самое.

Я останавливаю испытания, докладываю диспетчеру и начальству, конструкторы в унынии, понятно. Что будем делать? Надо отстрелять всю партию, там разные модификации взрывателей, а фанерные коробки будут делать ещё до вес-

ны! И тут я вспоминаю, что у нас на пороховом складе есть цинковые ящики для хранения пороха – в обиходе «цинки». Звоню туда, прошу замерить габариты. Точно, есть такие «цинки» 0,5 метра шириной. Тут же объясняю всем присутствующим свою мысль: берем «цинку», вырезаем верхнюю крышку и дно. Затем разрезаем по диагонали ребра, получаем два уголка по 0,5 метра. Устанавливаем их на постамент из ящиков для снарядов. Соединяем бандажом, насыпаем в эту формочку снег, разъединяем бандаж, и вот кубик – готовая мишень! Просто, как в детской песочнице! Все довольны: *«Ну ты и голова, Сергей!»* Все идут обедать, а я иду к начальству. *«Ну что, Сергей, сорвались испытания?!»* – недовольно говорит начальство. Тут я объясняю свою нехитрую мысль, конструкторы согласны, военпреды тоже, наводчики в восторге, намучались с ящиками. Получаю добро, и уже после обеда на площадку привозят то, что мне надо. Все на месте. Продолжаем испытания. Ставим уголки в формочку, затягиваем ремнем, насыпаем снег, снимаем ремень и форму. Стоит снежный кубик. Производим выстрел с той же модификацией взрывателей, результат такой же, взрываются при прохождении снега, только нет раздолбанных ящиков.

Из 50 взрывателей два вида по 10 штук были забракованы, а три дали позитивный результат. Все довольны, особенно конструкторы, теперь им всё ясно, а сколько времени сэкономлено! Благодарят меня, приглашают после работы в кафе... Посмотрим.

Вот такая обычная история. А необычное то, что я по горячим следам оформляю на свой снежный кубик рацпредложение. А что, все правильно. Мы обеспечили все нормативы, да ещё и сэкономили на ящиках приличную сумму. Придраться не к чему! Через пару месяцев я получаю в кассе 280 рублей, зарплата как начальника отделения. Правда, это был единственный такой удачный случай, да и пришлось поделиться с коллегами.

Когда я покидал работу испытателя, у меня с моим товарищем – технологом Мишей Быковым – уже была почти готова заявка на изобретение. Мы предлагали заменить один очень затратный вид испытаний для шестиствольной авиационной пушки другим – без стрельбы. Экономия громадная, а премия – тысячи рублей. Но не срослось, зато Михаил в недалеком времени стал главным инженером института – величина!

Итак, мы с коллегами, такими же бедолагами, как и я, искали возможность дополнительного заработка. Это было непросто.

В научно-исследовательском секторе руководителем был мой добрый приятель Толя Козлов, математик по образованию. Мы вместе писали рацпредложения, занимались «покосными делами», играли в преферанс. Он был коренастый, полный, добродушный сибиряк, такой Винни-Пух. Как-то раз он мне серьезно помог, выручил.

Был у меня один нестандартный сюжет. Я проводил пу-

стяковые испытания звеньев, соединяющих инертные боеприпасы, из двуствольной зенитной установки. Иногда такое случались. Начальство в лице начальника сектора, орденосной Тамары Григорьевны Беловой: *«Сергей, отстреляй там эту ерунду, а то Мальшиев заболел»*. Я оставлял свои сложные опытные испытания взрывателей и нехотя шёл на батарею, мы же коллектив!

Зенитная установка ЗУ-23

Чтобы не было отдачи во время стрельбы, ЗУ-23 закреплялось к грунту такими штырями, сошниками. Их забивали кувалдой. И вот, по непонятной причине, во время очереди пушку сорвало с сошников, и снаряды улетели чёрт знает куда. То ли грунт оказался слабым, то ли я не доглядел за наводчиком, непонятно. Но факт есть факт, как сейчас бы сказали, косяк налицо. Поставили пушку на место, собрали испытываемые звенья, соединяющие улетевшие «болванчики».

Но оказалось, что снаряды улетели не чёрт знает куда, а на дорогу так называемой восьмой площадки, где проводились трековые испытания – разгон ракет по железной дорожке до сверхзвуковой скорости. Километрах в четырех от нас. Мне звонит диспетчер. *«Ты что, с ума сошёл, обстрелял восьмую площадку?!»* Через несколько минут приезжает на «газике» начальник этой площадки. Тоже начинает орать. Я спокойно: *«Смотри: все закреплено. Установка на месте. Снаряды инертные. Военпред подтвердит. Покажите, что у вас там произошло»*. Едем все вместе на восьмую площадку. Я раньше там не был. Вдоль разгонного трека асфальтированная дорога. Подъезжаем. И прямо поперек асфальта воткнулись мои «красавцы» – 23-миллиметровые болванчики. *«Ну и что, из-за этой ерунды надо было паниковать?»* – почему-то опять спокойно говорю я, хотя в душе знаю – виноват. Мог кто-то пострадать, и серьезно. Но ведь не пострадал же!

Потом был большой шум, разбор полетов, на меня сыпались такие шишки, что не дай бог, дело незаурядное. И тут

Толя Козлов меня буквально спас. Я ему всё рассказал, и он, как специалист по баллистике, предположил, что это была *девиация* – изменение траектории, связанная с особенностями снаряда и возможным направлением ветра. Начальство, чтобы не раздувать костер, попросило его представить доказательства. И Толя, математик-баллистик с университетским образованием, написал отчет с какими-то немислимыми формулами. Короче говоря, всё свалили на конструкторов снарядов из Тулы. Те обиделись, но промолчали. С нами лучше не связываться, а то при очередной штурмовщине можно остаться без премии. Правда, на всякий случай премии лишили меня: «Девиация, понимаешь». Могло быть и хуже, смотреть надо внимательней! Это я себе.

Так вот, возвращаясь к нужде и дополнительным заработкам. Может попробовать разгружать вагоны? Инициатором был Толя Козлов. Я, по просьбе Козлова, якобы для совместной работы «отпрашивался» у своего начальства, а сам ездил по ближайшим товарным станциям: Северянин, Мытищи, Пушкино. Все безрезультатно. Уже везде были бригады грузчиков, и вакансий не предвиделось. И однажды повезло, я договорился с начальником станции Софрино о перегрузке мешков с сахаром из вагонов в грузовики.

Мы приехали бригадой в пять человек, такие же инженеры, как я, в Софрино, не даром же наш НИИ раньше назывался Софринский артиллерийский полигон. На станции нам тамошние грузчики показали, как надо работать: два чело-

века подают мешок с сахаром из вагона на спину третьему. Тот несет его к машине и поворачивается спиной к кузову. В кузове еще двое принимают мешок и укладывают в штабеля. После нескольких попыток работа нашей бригады наладилась.

Тут мы поняли, что разгружать сахар – это не сахар. Один мешок весил 60 кг. Машину почему-то, уже не помню, нельзя было подогнать к вагону вплотную, приходилось носить тяжеленные мешки на спине. Мы менялись по очереди на этом самом тяжелом участке работы. За день разгрузили всего полвагона – это 700 мешков, и нагрузили, кажется, 12 машин. Работа была адская. На следующий день у нас болели все мышцы, зато мы получили живые деньги, и это нас стимулировало. Мы еще не раз приезжали в Софрино и стали почти профессиональными грузчиками. Помню, мы разгружали вагон с водкой. На этот раз работа была не очень тяжелой, надо было ящики с 20 бутылками водки перемещать и устанавливать в фуру, подогнанную задом к вагону, затем ехать на склад и там ее разгружать. Разгрузили вагон и приступили к следующему. Экспедитор, сопровождавший вагоны с водкой, рассказал нам, что в каждом вагоне один ящик предусмотрен «на бой». А поскольку мы работали аккуратно и ничего не разбили, то он может этот ящик списать нам. Нас не пришлось уговаривать. Неплохой подарок! И после работы мы решили тут же отметить это дело. Купили в станционном буфете какие-то пирожки и лимонад, попросили под

честное слово стаканы. И вот сидим мы в вагоне с водкой, на ящиках с водкой и пьем водку!

Надо сказать, что эта затея с вагонами как-то сошла на нет. Работа была каторжная, непостоянная, а деньги небольшие. Тем более что от основной работы на полигоне нас никто не освобождал.

Полигон занимал площадь больше ста квадратных километров. Представляете, сколько здесь могло бы располагаться сенокосных угодий, так необходимых для нашего небогатого подмосковного животноводства! Но нельзя, земля отчуждена, да и дело это крайне опасное, на этой земле лежало несметное количество неразорвавшихся снарядов. Выход, конечно, был найден. Во-первых, создано свое подсобное сельхозхозяйство, со стадом, кажется, 400 коров. Его снабжали сеном наши сотрудники: инженеры, технологи, рабочие. Кроме того, многие сотрудники полигона в свободное время косили сено и продавали его в ближайшие колхозы. То есть дело было поставлено на широкую ногу.

Чтобы обеспечить безопасность сенокоса, весной, после схода снега, но до появления травы проводились так называемые дни отказов. Работники полигона, кто разбирался в снарядах, выстраивались в цепь поперек испытательной трассы и двигались в поисках неразорвавшихся «изделий». Если находили, то обозначали флажком. Работа была опасная, каждый снаряд мог взорваться под ногами, поэтому смотрели ответственно. И так проходили за метром метр,

километр за километром. После этого специально обученные люди производили подрыв «отказов» с помощью тротильных шашек. Площадки для покосов были условно очищены. Условно потому, что рассказывали, во время покоса были случаи, когда снаряды взрывались под косой. Я этого не видел, да и никто из знакомых, к счастью, не подорвался. Но вероятность этого не была равна нулю.

Уже в первое лето работы на полигоне я получил начальные навыки непростой сенокосной науки. Моими учителями были рабочие и коллеги, инженеры-испытатели. Хорошие люди, я им от души благодарен. Вообще у меня практически со всеми на полигоне были нормальные, добрые отношения. Сложная и опасная работа требовала взаимопонимания и взаимоуважения. Час назад во время испытаний я – начальник, а потом рабочий или мастер – мой начальник, он учит меня тонкостям покосного дела. Мне выделили «пикет», участок на трассе, где только я по неписаному правилу мог косить сено. Во время покоса время испытаний было сокращено, начинали стрельбы позже, заканчивали раньше.

Летом на батарее то здесь, то там раздавался звенящий стук: это косцы, работники полигона, в перерывах от стрельбы отбивали косы. У хорошей косы лезвие должно быть острым как бритва. Для этого его и отбивали молотками на таких стальных наковаленках, которые назывались «бабками». Коса должна быть правильно под определенным углом насажена на косьё, рукоятку из сосны. На высоте, извините,

пупка к косью крепилась горизонтальная рукоятка, тоже под определенным углом. Хорошая коса – это полдела. И еще одна тонкость. Размер косы. Он определялся «руками», числом обхвата лезвия от 6 до 12. Если трава высокая и густая, лучше короткая коса 6–8 «рук», если низкая и слабая трава, то коса нужна побольше, 10–12 «рук». Поэтому у каждого серьезного косца было как минимум две косы. У меня тоже.

Нет ничего прекрасней, когда на заре выходишь в поле, роса, стелется легкий туман, звенит коса, и скошенная трава ложится ровными рядами, а сзади остаются темные следы твоих ног.

Но идиллия недолгая. Первое – на тебя ополчается всякий гнус, мошка и комары, а чуть взойдет солнце, просыпаются слепни. И все норовят тебя ужалить. Первый урок у меня был показательным. Я вышел на покос в босоножках, рубашке в сеточку с короткими рукавами и через полчаса искусан был ужасно. Хорошо, что у соседа по покосу оказалась средство от комаров «Дэта». Но надо, как меня научили, обязательно надевать носки, белую рубашку с длинными рукавами и на голову – косынку, обрызганную слегка «Дэтой».

Итак, с гнусом покончено, но неприятности могут продолжиться. Через несколько минут начинаешь замечать, что коса с трудом косит или даже мнет траву. Она затупилась. Здесь вырывает оселок, продолговатый точильный камень. Берешь косу, упираешь носом лезвия в землю и правишь. Не дай бог забыть или потерять оселок, считай, день поте-

рян. Но всё на месте, под рукой. Опять коса звенит, опять выстилаются ряды и поднимается ни с чем не сравнимый, прекрасный запах скошенной травы.

Один раз мы с товарищами так увлеклись покосом, что забыли о начале стрельб. 10 часов, наш коллега РИ Федя Пронькин должен работать «кучность» 120 мм разрывными снарядами как раз на дистанции 10 км, где был наш покос. Слышим, летит снаряд, бросили косы, легли. Взрыв метрах в 70. Вскакиваем, бежим, летит второй, падаем. Он ещё ближе. И так перебежками добираемся до защитной лесополосы. Потом только приходим в себя. Играли со смертью, идиоты!

Сегодня сенокос скорее экзотика, поэтому коротко расскажу ещё о некоторых особенностях этого ремесла. Для того чтобы скошенную траву подсушить, через два-три дня ее переворачивают граблями. Ещё через пару дней, если нет дождя, «согребают» в валы и вилами делают копны. Беда, если в копне сено недостаточно сухое, тогда начинается самовозгорание, копна «горит», идет пар. Её можно спасти, если вовремя раскидать и просушить.

Если всё нормально, сено можно вывозить. Мы заказывали машины из колхозов, в них недостатка не было. Стояли всегда за проходной. Их пропускали на территорию без проблем, выписывая у охраны пропуск.

Для погрузки сена нужны несколько человек. Распахиваются борта грузовика, на дно кузова растягиваются по диа-

гонали две толстые и длинные веревки, почти канаты. Бор-та закрывают. Один человек поднимается в кузов, он глав-ный, остальные снизу подают ему вилами с длинными руч-ками сено из копен. Главный равномерно распределяет его в кузове и утаптывает. Машина медленно перемещается от копны к копне, стог в кузове растет и вверх, и вширь. Важно не допустить перекоса сена. Косцы стараются нагрузить сена как можно больше, но тут вступает в свои права водитель: *«Ребята, хватит, а то шины лопнут!»* Или что ещё хуже: *«Я перевернусь!»*. Не шутки, были случаи.

Дальше следующие манипуляции. Концы веревок подни-мают вверх. Внизу уже подготовленный кол из березы и сле-га, часть тонкого ствола. Они подаются вверх стога. Кол за-гоняется глубоко в центр стога. Концы веревок завязывают-ся по диагонали. Образуется такая большая «бандероль». На верх стога забирается еще один человек, и они вдвоем, ис-пользуя слегу как ворот, натягивают веревки, закрепляя стог в машине. Опасно, если вдруг не удержишь слегу, она рас-крутится и так даст тебе по зубам! Но закрутили, привязали слегу к одной из веревок, можно слезать, а высоко. Внизу подхватывают товарищи. Водитель подвязывает борта, оза-боченно стучит по шинам, качает головой, но трогается. Рядом садится главный. Едут тихонько, любая ямка, и стог на-чинает качаться. Добираются до асфальта. Теперь полегче. Правда, машина занимает всю дорогу, и встречные машины жмутся к обочине, а обгонять никто не решается. Проход-

ную проезжают без проблем, охрана делает вид, что проверяет, что в стогу, а как проверишь?! Провезти при желании можно что угодно, и иногда провозили доски, фанеру, листы железа. Но это нехорошо и редко.

Ну а дальше все просто. Приезжают в колхоз, взвешивают на автовесах машину с сеном, вес машины известен, его вычитают. Кладовщик выписывает квитанцию, старший идет в контору и получает деньги. Немного отдает водителю. Обычно за старшим кто-то приезжает. Потом деньги делят и идут отмечать. Всё. Завтра с рассвета опять «коси, коса, пока роса».

О деньгах. У всех подразделений НИИ был план сдачи сена в институтское подсобное хозяйство. За это сено денег не платили, зато можно было прихватить дней 10–15 для своих сенокосных дел. Когда сено сдавали в колхозы, за тонну платили 60–70 рублей. Одна машина вмещала три-четыре тонны сена. То есть от 180 до 280 рублей. 10 водителю, 5 охране, 10 на общественные нужды (купили бильярд для красного уголка). В первый год я накопил одну машину. В последующие годы, уже в составе бригады, больше, две-три. Откуда я это все знаю? Да потому что сам прошел всю непростую сенокосную науку.

Но на этом эпопея с поиском приработка не закончилась. Как-то мы с моим приятелем, испытателем Генной Шириковым, узнали от молодого военпреда, нашего товарища Вовки Верещагина, что в отделе ЖКХ освободилось место полоте-

ров. Дело в том, что в нашем НИИ в двух административных корпусах были паркетные полы. В те времена почему-то их не покрывали лаком, а раз в месяц натирали специальной мастикой. Мы договорились о «протекции» военпреда, его мама была начальницей отдела ЖКХ.

Мы встретились с Верещагиной, и предложили свои услуги, она очень обрадовалась, потому что на такую работу и такую зарплату желающих она найти не могла. А официально мы работать не можем, мы же инженеры-испытатели! Но поскольку мы были друзьями её сына, на нас можно было положиться. Придумали следующую «схему». На должности полоторов она оформляет трех старушек. Они получают раз в месяц зарплату по 90 рублей, по 80 отдают нам с Геной, а 10 забирают себе. То есть мы получаем дополнительно по 120 рублей в месяц, больше нашей основной зарплаты!

Нам показали технологию натирки паркета. Сначала мы в специальной комнате варим на электроплитке в ведре мастику. Состав такой: воск, хозяйственное мыло и краситель в определенных пропорциях. Пока эта смесь варится, мы заходим в какое-либо помещение, сдвигаем на одну половину мебель или, если её немного, выносим в коридор. Освободившийся паркет промываем водой с содой, и пока паркет высыхает, идем в следующий «офис», там проделываем ту же операцию. После чего готовую мастику наносим шваброй на высохший паркет и оставляем высыхать. Переходим в следующее помещение и так же наносим мастику. После того

как мастика высыхает, подгоняем полировочную машину и натираем паркет до блеска. Возвращаем на место мебель. Завтра работники будут в восторге. И так, как по конвейеру, движемся по всем кабинетам.

В общем, в месяц мы с Геннадием проходили все помещения, получали у старушек зарплату, и круг начинался сначала. Мы работали по вечерам и по выходным. На основной работе об этом никто не знал, мы были такие полотеры-невидимки. Наши финансовые дела резко пошли в гору, мы получали регулярный месячный доход больше всяких начальников.

Для чего и для кого я все это описываю? Ну, во-первых, сейчас уже нет такой профессии – полотёр, она стала «ископаемой», и я, как археолог, достаю её из глубины лет. Во-вторых, я задумываюсь: *«Неужели всё это было со мной?!»* Трудно самому поверить. И ещё. Меня поражала одна особенность нашего занятия. Мы могли проходить на территорию полигона в любое время суток и в выходные дни, хотя для всех остальных работников нужны были специальные пропуска. В нашем распоряжении были ключи от всех кабинетов, в том числе и самых секретных. Мы даже иногда совали свой нос, что, например, написано в наших личных делах в отделе кадров. Мы натирали полы в кабинете самого Николая Дмитриевича Зубова, директора «Геодезии», очень авторитетного человека в оборонной промышленности тех времён. У него на рабочем столе стоял телефон с «вертуш-

кой», и мы могли бы позвонить при желании и министрам, и даже Брежневу. То есть нам, как и любой уборщице, были доступны все секреты, которые охраняли и местные кагэбэшники, и всякие первые отделы. Вот такое дырявое было у нас государство! Но мы с Геннадием были ответственными людьми и не хотели своими возможностями злоупотреблять.

Правда, один раз в кабинете главного энергетика обнаружили бутылку спирта и не смогли удержаться. Подменили ее бутылкой с водой, кто подумает на нас, полоторов-невидимок, да и держать легковоспламеняющуюся жидкость в таком виде – злостное нарушение пожарной безопасности.

Прошло немало лет. Прошли советские времена. Но тогда можно было не только работать в удовольствие, но и иметь дополнительный заработок. Лучшее бы было, чтобы хорошая работа приносила хорошее материальное вспоможение. Но если этого нет, что делать? Даже в нашей непростой ситуации находились возможности. В социализме произрастали зародыши капитализма.

6. На счастье, Нина Васильевна!

После нескольких лет работы на ракетно-артиллерийском испытательном полигоне, с развеянными иллюзиями о будущей научной деятельности в области оборонной промышленности, о чем я уже писал, да и вообще с осмыслением своего участия в создании смертоносных вооружений, я потихоньку стал думать, как изменить жизнь и профессию. Случай не заставил себя ждать: мне, как комсомольскому активисту и члену КПСС, руководство полигона предложило возглавить комитет ВЛКСМ НИИ «Геодезия». К слову сказать, мое непосредственное начальство имело на меня совсем другие планы, но спорить не могло. Я же, немного покапризничав для виду, мол, хочу остаться испытателем, после всяких бесед согласился, только попросил оставить мне допуск к испытаниям, мало ли что...

Дальше стандартные процедуры: общее отчетно-перевыборное комсомольское собрание, избрание комитета комсомола, а затем его секретаря, то есть меня. Новая работа мне нравилась. Я постарался внести объединяющую струю в комсомольские организации города. Дело в том, что в Красноармейске было несколько оборонных предприятий, и их руководство не только не дружило, но и порой конфликтовало между собой.

Мы совместно с комсомольскими коллегами из других

НИИ нарушили эту традицию и объединились. Создали первую в Красноармейске молодежную дискотеку, комсомольский отряд дружинников, проводили совместные субботники на недостроенном стадионе и многое другое. Это была живая работа, приносящая и мне, и молодым людям Красноармейска, этого тупикового городка Подмосковья, настоящую радость.

Но свою полоторскую карьеру я не бросил, работа была отлажена, и даже раз в месяц сам натирал полы в своем помещении комитета комсомола. Я вполне освоился с должностью секретаря, которая, кроме всего прочего, позволяла мне приблизиться к своеобразной начальственной элите нашего института. У меня сложились добрые отношения с директором института, легендарным Николаем Дмитриевичем Зубовым. Он поддерживал все мои комсомольские начинания и помогал в решении материальных вопросов – покупки музыкальных инструментов для ансамбля, аппаратуры для дискотеки и т.д.

В те времена существовала такая практика. Ряд важных вопросов в институте, которые касались распределения жилья, автомашин, путевок, решал так называемый четырехугольник: директор, секретарь парткома, председатель профкома и секретарь комитета комсомола. Там же рассматривались всякие вопросы, связанные с производственными трудностями. Однажды на заседании четырехугольника директор Зубов распекал какого-то руководителя цеха за срыв

задания. Тот оправдывался, говорил, что не хватает рабочих, хоть самому к станку становись. Николай Дмитриевич строго сказал: *«Ну и встали бы, просто а не хотите, вон Сергей Владимирович, наш комсомольский секретарь, и тот не боится работать полотером в свободное время, помогает институту!»*. Два угла четырехугольника с удивлением посмотрели на меня. Так закончилась моя карьера полотера-невидимки.

Но меня, активиста, заметили, так скажем, вышестоящие товарищи из горкома и обкома комсомола и стали приглашать на всякие престижные мероприятия. Можно еще многое говорить о тех интересных для меня днях, но боюсь склониться к окончательному графоманскому занудству. Поэтому только скажу, что в Пушкинском горкоме комсомола и горкоме партии мне предложили идти на повышение. Даже возникла конкуренция, кем быть: инструктором горкома КПСС или вторым секретарем горкома ВЛКСМ. Я провел серьезные консультации. Во-первых, с начальником одного из отделов нашего НИИ, который до этого успел поработать инструктором горкома. Во-вторых, со своим дядькой, профессиональным партработником, который отдыхал в это время в санатории ЦК КПСС, недалеко от Красноармейска. Выслушав мнение обоих уважаемых мною экспертов, выбрал: секретарем горкома комсомола, чем нажил себе временных недоброжелателей в горкоме партии, но впоследствии превратил их в своих друзей.

С тех пор я стал (на время) партийным функционером, был в номенклатуре Пушкинского горкома КПСС. Заседал в так называемой партийной комиссии, где давали людям рекомендации в партию и снимали стружку с нарушителей партийной дисциплины. Заседал в комитете народного контроля, расправляясь с расхитителями социалистической собственности. Заседал в городском совете, куда меня избрали депутатом, и конечно, на бюро ГК ВЛКСМ. Побывал в Чехословакии, как руководитель областной делегации старшеклассников, и совершил для себя ещё много интересного и разного.

Потом, в 1982 году, меня избрали первым секретарем горкома комсомола, это номенклатура уже Московского обкома партии. Я стал членом Пушкинского бюро горкома партии, МК ВЛКСМ. Много новых формальных и неформальных связей, чёрная «Волга» с персональным водителем, прекрасный кабинет, секретарша, в общем, большой начальник районного разлива. И ещё масса карьерных перспектив, как потом я понял, мне не нужных. После чего я закончил свою «номенклатурную» деятельность и снова изменил профессию и жизнь. На этом предысторию закончу, может, вернусь к ней когда-нибудь в более просторной форме, а сейчас к сюжету.

Первым лицом любой структуры СССР, будь то страна, республика, область, район или отдельное предприятие, был секретарь КПСС. Партийная структура, как арматура, про-

низывала весь общественный механизм, придавая ему, с одной стороны, устойчивость, с другой, при отсутствии конкуренции, превращалась в тормоз для развития. Тем не менее такая модель общественного строя показала, при всех трагических издержках, свою жизнеспособность на протяжении жизни почти четырех поколений. Основой партийного руководства на всех уровнях были два принципа: подбор и расстановка кадров и контроль за принятыми решениями. Решения принимали одни, а партия контролировала их выполнение, практически не отвечая ни за что.

В Пушкинском районе первым секретарём горкома КПСС (так сложилось исторически, что в районе – горком, потому что в районе было три города – Пушкино, Ивантеевка и Красноармейск) во время моего «номенклатурного» периода жизни была Нина Васильевна Михайлова, человек по-своему особенный, заслуживающий уважения. Можно сказать, что это была железная леди партийной системы. Она твердой принципиальной коммунистической рукой проводила в районе политику партии. Я не припомню, чтобы Михайлова когда-нибудь сомневалась в правильности этой политики. Менялись, умирая, генсеки: Брежнев, Андропов, Черненко. Вместе с Ниной Васильевной и председателем горисполкома я, по должности как первый секретарь комсомольского горкома, ездил на прощания с усопшими в Дом Союзов. Но линия партии, как бы её ни прокладывали, всегда была для Михайловой основополагающей. Правда, мы работали вме-

сте с Ниной Васильевной в доперестроечные времена.

Все начальники района, в основном мужчины, побаивались первого секретаря, это относилось к директорам крупных предприятий, председателям исполкомов и даже к прокурору, начальникам УВД и КГБ. Благодаря такой авторитарной дисциплине обстановка в районе была в основном спокойной, а руководитель находилась на хорошем счету у вышестоящего областного начальства.

Нина Васильевна была внешне весьма привлекательной женщиной, в ней угадывалась прошедшая веселая жизнерадостная молодость, когда она была еще простой ткачихой. Но так сложилась жизнь, что она жила в одиночестве, без мужа, без детей. Подробностями её личных отношений я никогда не интересовался и даже не думал об этом, хватало своих проблем.

Наши рабочие взаимоотношения складывались хорошо. Во-первых, благодаря её кадровому решению я попал в горком комсомола, это было непростое решение для Нины Васильевны, были другие кандидатуры, их серьезно лоббировали, но она отстояла меня.

Кстати, так сложилось, что горком комсомола находился в одном здании с партийным горкомом. У нас были, не скажешь совсем, но почти равные отношения. Например, после заседаний, члены бюро горкома КПСС и заведующие отделами горкома партии частенько заходили ко мне выпить по чашке чая и рюмке коньячка и поговорить в неофициаль-

ной обстановке.

Во-вторых, Михайлова видела, что я работаю нормально, а приобретенный опыт в МВТУ и на полигоне приучил меня к системности и ответственности. Нина Васильевна с удовольствием участвовала в наших комсомольских мероприятиях и всегда незаметно поднимала мой авторитет среди партийного руководства, я как-то стал частью районной элиты того времени. У неё наверняка были определенные планы относительно моего партийного будущего, но им не удалось осуществиться. Но это совсем другая история.

хотелась бы заниматься в новой
Областной палате.
Но здесь: слово взял главный
инспектор Главного управления

МО по формированию нового со-
става палат Ина Орлова.
Приближается срок оконча-
ния полномочий действующих

**ГОРОДСКОГО ОКРУГА
ВОЙДУТ 45 ЧЕЛОВЕК**

Руководитель местной районной
организации мусульман имам-хатип
Рамиль Фаскудинов

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Наш почётный гражданин

Каждый человек помнит тех, кто был с ним рядом. Но есть люди, о которых знают и помнит очень многие – в городах и сёлах, на предприятиях и в сообществах. Таким человеком была Нина Васильевна Михайлова. Портрет этой, удивительно скромной и вместе с тем решительной и принципиальной женщины, внесшей большой вклад в комплексное развитие края, не сходил с городской Доски почёта в центре Пушкино. Н. В. Михайлова вошла в число первых, кто удостоен высокого звания «Почётный гражданин Пушкинского района».

Делегация Пушкинского
района на 27-й Московской
областной конференции
организаций ВЛКСМ, 1985
год.
В центре – Н. В. Михайлова

Рядом с Ниной Васильевной я, Сергей Владимирович

У нас были и определенные неформальные эпизоды. Например, Нина Васильевна однажды с удивлением узнала, что я разведён, не имею квартиры, живу в гостинице. *«Почему ты мне об этом не сказал?!»* – вызвав меня гневно спросила она. Я-то прекрасно понимал, что узнай она об этом, плакала бы моя карьера, развод – это «аморалка», а с ней, товарищ дорогой, в аппарате делать нечего. Я, разумеется, подстраховался. Перед разводом рассказал все председателю парткомиссии, ортодоксальному коммунисту Петрунину Петру Яковлевичу, секретарю аппаратной парторганизации, в которой состояла и Михайлова. *«Посоветуйте, как старший товарищ, как опытный мужчина, что делать?»* Как ни странно, выслушав все, Петр Яковлевич решительно встал на мою сторону. *«Конечно, разводись и спокойно работай, у тебя ещё всё впереди!»* – напутствовал меня он, что я и сделал.

«Нина Васильевна, я поставил в известность секретаря нашей парторганизации Петра Яковлевича и не счёл нужным отвлекать вас на мои личные проблемы», – спокойно сказал я. Михайлова тут же вызвала Петрунина: *«Ты знал об этом?»* *«Конечно, – сказал он, – а что, есть к Сергею Владимировичу какие-то претензии по работе?»* *«Так, Устименко, идите, и вы, Петр Яковлевич, тоже».*

История получила продолжение. Как-то вызывает Нина Васильевна меня к себе в кабинет, это обычная практика. Захожу. В кабинете председатель Пушкинского исполкома Зи-

нин Валерий Иванович, бывший зав. промышленно-транспортным отделом горкома. *«Вот, – говорит Михайлова, – полюбуйся на нашего комсомольского лидера! Развёлся, мне ничего не сказал, разменял квартиру в Красноармейске и живет в гостинице ИПК лесхоза! Это нормально для первого секретаря и члена бюро горкома?! В общем, Валерий Иванович, подыщи ему нормальную квартиру с балконом, а не то кто-нибудь узнает об этом, стыда не оберёмся!»* Валерия Ивановича я прекрасно знал, он пригласил меня к себе через несколько дней: *«Слушай, Сергей, ты меня загнал в тупик! С одной стороны, я не могу не выполнить указание первого секретаря, с другой – у меня нет никаких законных оснований давать тебе квартиру. Помоги мне, придумай хоть какие-то зацепки! И вопрос сразу решим».*

Основания я нашел, опыт был. К этому времени мне уже удалось «выбить» для работников аппарата ГК ВЛКСМ четыре квартиры, а это очень было непросто. Я разузнал благодаря приобретенным связям, что несколько лет назад для одного сотрудника ЦК ВЛКСМ в Пушкино была, по сути дела, куплена из комсомольского фонда квартира. Потом этот, наверное, ценный работник, получил квартиру в Москве, а прежняя досталась городу. Я с большим трудом нашел необходимые документы, прихожу к Зинину. Показываю. Валерий Иванович сначала чешет голову, потом, улыбаясь, говорит: *«Ну ты даешь! Совсем другое дело. Советую – выбери что-нибудь себе в новостройках в центре!»*

Как-то, это было в то время, когда Володя Степанов, мой друг, замечательный детский поэт, познакомил меня с будущей моей женой Мариной, и мы уже готовились к свадьбе, засиделись у него в доме на Клязьме, естественно, выпили. А на следующий день с утра у нас было какое-то совещание у Михайловой. После него Нина Васильевна говорит (прямо как у Штирлица с Мюллером): «А вас, Сергей Владимирович, я попрошу остаться». Остаюсь: «Сергей, от тебя пахнет спиртным, ты что, пил вчера? Нехорошо!» «Пил, – говорю я, – вместе со своей невестой, журналистом из «Известий». Я женюсь и приглашаю вас на нашу свадьбу!» Тогда не было еще сухого закона, и все разрешилось благополучно. Правда, на свадьбу Михайлова не пришла, но прислала поздравление, а квартира пусть считается ее свадебным подарком. *На счастье!* Мы с Мариной поженились и выбрали квартиру в хорошем кирпичном доме, в котором прожили много прекрасных лет и родили прекрасных сына и дочь.

Но я что-то опять о чём-то банальном. И где же сюжет? А вот он. Это был 1984 год. Март, точнее канун 8 Марта – Международного женского дня. Надо сказать, что были два дня в году – Женский день и день рождения Нины Васильевны, когда мужское начальство района могло без опаски подойти к железной леди и, поздравив её, неформально поговорить о своих проблемах. Но я в суете поздравлений, звонков и разговоров совсем забыл о том, что надо поздравить первого секретаря, это плохо, она же всё-таки женщина. Что

делать? Хорошо, что хоть вспомнил, а лучше бы не вспоминал...

Приглашаю Валентину Желудкову, секретаря комсомольского горкома по школам, надежный и понимающий человек. Неудобно, только что поздравили наших девушек, они приготовили чай, тортики и ждут нас, мужчин. А тут такое. *«Валя, выручай, мы забыли поздравить Михайлову. Есть цветы, но нет подарка. Все эти наши патриотические альбомы, сама понимаешь, не годятся. Не знаю, что и делать. Купи, пожалуйста, хоть что-нибудь подходящее. Рядом, на Московском в универмаге. Ты ведь по-женски поймешь, что надо. Выручай!»* Валентина – замечательный человек, ей не надо было ничего объяснять, хотя понятно, что при ужасном товарном дефиците, да ещё накануне праздника что-то приличное купить – почти что подвиг. Кому ещё его поручить, как не боевой подруге?! Без особой радости один вопрос: *«Где деньги?»* Приглашаю Галю Суханову, зав. сектором учета. Прошу выдать из кассы под мою ответственность рублей тридцать. *«Хватит? – Хватит»*.

Опять суета, поздравляю сотрудниц аппарата, гостей. Съедаю кусочек торта с чаем. Звонки, проблемы. Через полчаса приходит Валя. *«Вот, единственное, что было»*. Белая элегантная коробочка, отлично. *«Спасибо, Валечка!»* – целую в щечку. Девушка краснеет, скромно: *«Не за что»*. А ведь наверняка знала, что действительно не за что!

Беру букет, беру коробочку, смотрюсь в зеркало, при-

даю себе серьезный вид. Пошел поздравлять первого секретаря. Захожу в приемную. Там, естественно, толпа мужчин-начальников, очередь на поздравление Нины Васильевны. *«Здравствуйте, здравствуйте, рад видеть. Руки заняты, даже не могу пожать. Товарищи, извините, еду в Москву областное начальство надо поздравить, я зайду сейчас к Нине Васильевне, хорошо?!»* Возражений нет, молодой, но при регалиях, член бюро горкома партии, о чём речь?!

Захожу в знакомый кабинет. Михайлова, как царица, великолепна и приветлива. Кругом цветы, подарки. Подходит ко мне, пожимает руку, она всегда так здоровалась, никаких объятий, видно, что-то когда-то очень сильно было не так. Вручаю букет, ставлю на стол подарок. *«Добрый день, Нина Васильевна, от имени нашей комсомольской организации поздравляю вас с...»* *«Да ладно, спасибо, поднадоели уже эти речи. Хочешь шампанского?»* *«С вами сочту за честь!»* Сама наливают, невиданное дело. Выпиваем. *«А что ты мне подарил?»* Женское любопытство. Как без него. Берет коробочку, открывает... А там – два аиста, сделанных из кости, держат в клювах ребенка. Нина Васильевна удивлённо вертит в руках странный подарок, потом ставит его на полку. Поворачивается. В глазах её почти слёзы. *«Сергей Владимирович, зачем вы это?»*

Я сам в растерянности бездумно говорю: *«На счастье, Нина Васильевна»*. А сам боком, боком к двери выбираюсь из кабинета. Толпа аудитентов волнуется. *«Заходите скорее, –*

говорю я, – *Нина Васильевна ждёт!*»

Вот такой необычный случай случился. Я об этом никому не рассказывал, даже Желудковой, невольной виновнице, потому что неудобно и стыдно, ведь так неловко получилось.

Работа в комсомоле была интересной и честной. Я по-прежнему вспоминаю ее по-доброму. Даже сейчас, много лет спустя, мы встречаемся со своими комсомольскими друзьями. Но не всё было «идиллическим», когда сталкивались комсомольские и партийные интересы. В те времена существовало несколько неписаных табу. Например, членам ВЛКСМ, как и членам КПСС, нельзя было венчаться в церкви и крестить детей, и вообще посещать храмы. Казалось бы, почему, да и кто бы об этом знал? Знали наши доблестные органы безопасности и регулярно с рвением, достойным другого применения, докладывали – «стучали» в горком. И ещё нельзя было принимать в партию евреев, а горком комсомола давал одну из рекомендаций. С этими табу я был внутренне не согласен, но свое несогласие не афишировал.

У меня в секторе учета работала девушка, армянка, трудолюбивая, вежливая, аккуратная, с незаконченным высшим бухгалтерским образованием, ее звали Карина. Имя редкое, поэтому и запомнил. Она вышла замуж, родила ребенка и ушла в декрет. Однажды меня вызывает первый секретарь горкома партии Михайлова. Дело обычное. И говорит: «*Что же у тебя, Сергей Владимирович, сотрудники аппарата крестят детей? Ты хоть знаешь об этом?*» Откуда я мог об

этом знать, кагэбэшники мне не докладывали. «Разберись, надо её, эту девку (да еще имя какое-то – Карина!), уволить и исключить из комсомола!» Я попытался заступиться. Но услышал: «Ты что, не понимаешь?! Иди».

Пришел к себе в кабинет и задумался. Армения – дружеская республика с христианской культурой. У них древний обычай крещения. Об этом я знал, потому что в свое время закончил так называемый вечерний институт марксизма-ленинизма по тематике «Основы атеизма». У нас, к слову, был настолько замечательный преподаватель, что после его лекций почти все коммунисты стали чуть ли ни верующими. Я много раз бывал в Троице-Сергиевой лавре и сам с друзьями, и с иностранными делегациями. Конечно, относился в вере с уважением. Тем более знал, что бабушка тайком крестила и меня, и брата, и сестру. А любимая тётя Лика давала мне читать старинную Библию. И тут такое. Я сам отец и представляю, какая травма была бы у молодой матери. Это хорошо рассуждать одинокой женщине – уволить! А молодая мать в декретном отпуске, и уволить ее по закону нельзя. Но я нашел выход. У меня, уроженца Северного Кавказа, полностью отсутствовало понятие национализма. Моими друзьями детства были и армяне, и греки, и адыгейцы, и черкесы, и чеченцы, и евреи, уже не говорю об украинцах и татарах. И это чувство, точнее, отсутствие негатива к другим народам, у меня сохранилось на всю жизнь.

Я обратился к одному знакомому директору фабрики из

соседнего Щелковского района, армянину, взять на работу хорошего специалиста. И рассказал ему эту историю. Он согласился, армяне очень дружный и сплоченный народ. Я пригласил Карину и, ничего не говоря о крестинах, сказал, что её очень хотят видеть на работе там-то и там-то. А в горьком особых перспектив, честно говоря, нет. Она с радостью согласилась. Я познакомил её с будущим руководителем, всё срослось, и с легким сердцем подписал ей увольнение «в порядке перевода» и снял с комсомольского учета в нашей организации. *«На счастье!»*

Михайлова как-то вскоре между делом спросила меня: *«Ну ты разобрался с этой, как ее, Кариной?»* *«Да, Нина Васильевна, ее уволили, и в нашей комсомольской организации она больше не состоит»*, – абсолютно честно соврал я. *«Ну, хорошо, смотри внимательней»*. *«Конечно!»*

И еще один сюжет. Была в нашей комсомольской организации девушка Лена Позднякова, освобожденный секретарь комсомольской организации фабрики «Серп и Молот». Там делали мешковину из вьетнамского сырья – джута. Девушка активная, перспективная, симпатичная, со средним специальным медицинским образованием. Кандидат в члены КПСС, вроде как из рабочих. И надо же тому случиться, у неё возник роман с главным энергетиком района Карповым. Серьезный роман, энергетик разводится, чтобы жениться на Лене. Аморалка, ЧП!

Бывшая жена (ее ревность тоже можно понять), как это

водилось раньше, пишет жалобу в горком: «*Так, мол, и так, молодая девка увела моего мужа из семьи*». А дальше соответствующие подробности и эпитеты на двух страницах.

И опять меня приглашает Михайлова. Дает письмо: «*Читай!*» Прочитал. «*Ну, что с твоим секретарём делать будем, какой пример женскому коллективу фабрики? Безобразия, распутство!*» Я виновато молчу, как будто сам соблазнил энергетика, жду. Нина Васильевна негодует: «*А ведь она ещё и кандидат в члены партии, какой позор!*» Я говорю: «*Давайте я попробую эту деликатную ситуацию обдумать и потом вам доложу*». – «*Ну ладно, договорились!*»

Приглашаю Лену официально в горком комсомола. Потом разговор один на один. Все ей объясняю, что будем делать? Плачет: «*Его люблю, и он меня любит!*» Хотел спросить: «*Больше, чем комсомольскую работу, больше, чем партию?*», но, конечно, подобрал другие слова: «*Иди подумай, не переживай*». Как-то все наладилось, я договорился с главврачом горбольницы, и Лена, имея среднее медицинское образование, перешла на работу в порядке перевода на должность заведующей молочной кухни. Снялась у себя на фабрике с партийного учета, а на новом месте не встала. «*На счастье!*» Между делом, выбрав момент, без подробностей сказал Михайловой, что на фабрике избрали нового секретаря комсомольской организации. «*Ну и ладно*».

Вскоре Карпов и Позднякова поженились. Я даже был у них дома на новоселье как дорогой гость и, конечно, стал по-

стоянным клиентом молочной кухни, у нас как раз родились сначала сын, потом дочка.

И еще один случай. Секретарем комсомольской организации крупного НИИ был избран Дима Клячко, Дмитрий Александрович. Работал хорошо, но, как любой научный сотрудник, для своего карьерного роста должен был прижаться к КПСС. Иначе нельзя. Мы с ним были в добрых отношениях. Однажды он приходит ко мне с просьбой – дать рекомендацию в партию. Поясню, что для вступления кандидатом в члены КПСС нужны были три рекомендации от членов партии со стажем, не менее пяти лет. Рекомендация от горкома комсомола приравнивалась к одному из них. Дима уже имел рекомендацию в своем НИИ от партийного секретаря, должен был получить рекомендацию горкома комсомола и просил мою рекомендацию. Я, естественно, согласился. И вот мы с ним сидим у меня в кабинете, заполняем документы, там нужны были Димины паспортные данные. Он дает свой паспорт, а тогда в нем указывалась национальность, и там написано: «еврей». Я, как уже говорил, был полным противником национализма, в том числе и семитизма. Поэтому отнесся к этому абсолютно спокойно. А в партийных документах о национальности ничего писать было не надо.

И вот на заседании партийной комиссии рассматривают дело о приеме кандидатом в члены КПСС Клячко Дмитрия Александровича. Я тоже там участвую в процессе. Председатель комиссии зачитывает рекомендации и с хитрым прищу-

ром говорит мне: «*Так, Устименко, своих подтягиваешь?*» Намекая на общие украинские корни наших с Дмитрием Клячко фамилий. «*Да, а что, уже нельзя?*» – в шутку отвечаю я. Все единогласно проголосовали «за», если бы они, коммунистические ортодоксы, знали, кого я подтянул – еврея, то, наверное, сошли бы с ума. Не знаю, пригодилась ли Диме эта его партийность, осчастливила или навредила? Надо при случае спросить, ведь мы до сих пор с ним дружим.

Как член бюро горкома партии, по должности я видел много всего. Наряду с полезными и нужными для людей решениями случались и другие. Несколько примеров. Серьезного специалиста одного из НИИ в Ивантеевке приглашают на работу в вышестоящую организацию в министерство. Он – член партии. Выносится вопрос на бюро ГК, имеет ли он право покидать район. Чудеса! Умница, ученый, интеллигент. Все члены бюро говорят, что он должен остаться здесь, никто не думает: наш умница будет двигать науку страны дальше. Упрямец против, все равно уйду! Куда ты уйдешь?! Выговор с занесением! Волчий билет в никуда. Кому это нужно?

Можно вспомнить, как директора крупнейшей дорожно-строительной компании осуждали за то, что он в садовом домике позволил себе сделать балкончик. Или выгнали из партии секретаря парткома колхоза, орденоносца, за то, что на свадьбе ее дочери подавали вино через неделю после принятия сухого закона. Я принимал и не мог не принимать уча-

стие в этих комедиях. Когда были совсем гнусные дела, воздерживался, получая косые взгляды соседей – членов бюро. Бюро – французское слово, в Советской России аналога не нашлось.

Почему я об этом решил написать? Потому что я, работая в партийной номенклатуре, видел ее несправедливость, видел, как эта бездушная машина буквально ломала судьбы людей. Станным образом люди, которые работали в партноменклатуре, сами по себе были нормальными, даже добрыми и человечными. Но когда они собирались официально, на бюро, собраниях, комитетах, почему-то сразу перевоплощались в бездушные шестеренки партийной машины. Мне это было омерзительно. И я опять стал думать, как мне изменить жизнь и профессию. Изменил.

7. Противопехотный лепесток

Немного предыстории, иначе совсем непонятно, как я оказался во Владимире. Итак, дело приключилось летом 1986 года во Владимире, городе, в котором я бывал не раз в туристических поездках и всегда восхищался его белокаменной архитектурой. Это знакомо многим, но вот в вышеупомянутое время произошел один случай, который я полностью готов отнести к нестандартным сюжетам, но перед этим предыстория.

Во время своей партийно-комсомольской работы я смотрел вокруг и всерьез заинтересовался новой наукой – социологией. Читал все, что выходило в СССР по этой почти лженаучной тематике. И даже пробовал проводить среди комсомольского актива соцопросы.

И мне повезло! В 1983 году, когда я был первым секретарем Пушкинского горкома комсомола, в Москву приехал дядя Рудик!

Рудольф Григорьевич Яновский. Зам. завотделом ЦК КПСС. Парторг новосибирского Академгородка. Величина, доктор философии, профессор. Причем здесь я и социология? А при том. В 60-е годы прошлого века мой отец Владимир Петрович, секретарь Лабинского горкома партии, пригласил на работу проехавшегося по распределению в Воскресенскую школу учителя истории Рудольфа Яновского. Они

подружились, Рудольф часто бывал у нас дома, любил меня, а я, таская его за чуб, называл дядя Рудик. У него были проблемы с легкими, помню, как он тяжело дышал у распахнутого окна у нас дома. Поэтому по рекомендации врачей Рудольф Григорьевич уехал в более подходящий ему по климату Новосибирск.

Отец, зная о назначении Яновского в Москву замзавом отделом науки ЦК КПСС, написал ему письмо с деликатной просьбой принять меня. До этого они обменивались только поздравительными открытками. Рудольф Григорьевич ответил доброжелательно, передал контактные телефоны, и мы встретились первый раз в ЦК. Он встретил меня как родного, и после этого мы с Яновским стали встречаться часто и у него дома, и в Академии общественных наук, где он стал ректором, и в санатории ЦК в моем Пушкинском районе.

Я чувствовал, что ему было приятно общаться со мной. Он одобрил мои занятия социологией, подарил мне несколько книг по этой тематике, сделал пропуск в прекрасную академическую библиотеку, заставил подписаться на «Вопросы философии» и другие научные журналы. Мы откровенно обсуждали многие неформальные политические вопросы о Горбачеве и Ельцине, о Чернобыле, ускорении, плюрализме, гласности, выборах и т.д.

Мне казалось, что у меня появился надежный и авторитетный старший товарищ. Но оказалось, что не все так просто. Первые мои сомнения закрались тогда, когда «дядя Ру-

дик» обещал, но не приехал на нашу с Мариной свадьбу. Я, конечно, обиделся, потом отнесся к этому с пониманием партийной субординации: кто ОН, и кто я. Наши отношения не изменились, мы не раз говорили о продолжении моего образования. Когда Яновский был назначен ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, я по своей наивности решил, что теперь дорога мне туда открыта. Но реальность оказалась другой. Оказалось, что номенклатурная разрядка не предусматривала обучение слушателей моего «низкого» партийного уровня, а Яновский, при всем желании, не мог нарушить этого правила.

Было решено, что я буду поступать в Московскую высшую партийную школу, что и было сделано. В 1985 году я был зачислен слушателем дневного двухгодичного отделения МВПШ. Причем протекция Рудольфа Григорьевича не потребовалась, я подходил туда в рамках партийной номенклатуры. В отличие от других слушателей, которые пошли на учебу для карьерного партийного роста, я рассматривал партшколу как, с одной стороны, возможность получить высшее гуманитарное образование, с другой – как трамплин для дальнейшей научной работы.

А теперь время вернуться к Владимиру. После первого курса мы, слушатели МВПШ, проходили военные сборы во Владимирском учебном танковом полку. Зачем надо было вести нас, бывших партийных номенклатурщиков среднего звена, на военные сборы – непонятно, мы не могли бы за ме-

сяц стать танкистами или даже политработниками в танковых войсках. Но в армии нет такого слова «непонятно», есть слово «положено», и все! И офицеры полка, и мы, «голубая дивизия», как называли тогда резервистов, понимали правила игры, но делали вид, что играем серьезно.

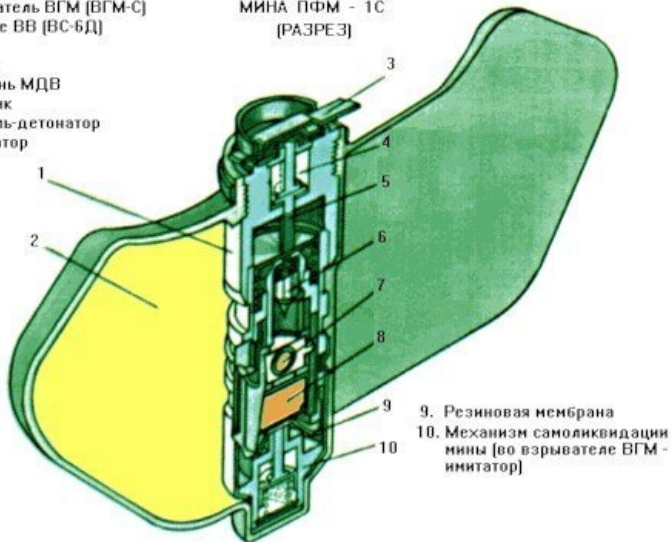
Нам выдали зеленую, чудом сохранившуюся офицерскую полевую форму какого-то послевоенного дохрущевского образца, жаркую, густо пахнущую нафталином, ремни, португали, фуражки и сапоги. Мы, конечно, смотрелись то ли комически, то ли по-идиотски: 35–40-летние майоры, разжалованные в лейтенанты. Нас разместили в солдатской казарме «со всеми удобствами»: без горячей воды и с сортиром «на пять очков», показали места в офицерской столовой и накормили весьма приличным обедом. После этого на собрании нам дали временные офицерские должности от замполита полка до начальника клуба, познакомили с офицерами-кураторами. И служба началась. Полковое начальство сразу намекнуло, чтобы мы четко вовремя приходили в столовую, а в остальное время не болтались по территории полка, деморализуя своим видом и поведением настоящих военнослужащих. Народ у нас был с пониманием, поэтому мы так и делали. Проводили немного времени в полку, а особое внимание уделяли историческим достопримечательностям Владимира и песчаным пляжам на берегу реки Клязьмы.

И вот как-то раз нам предстояла учебная экскурсия в отдельный инженерно-саперный батальон. Командир-подпол-

ковник, грамотный интеллигентный молодой человек, очень интересно рассказал о работе саперов, о выработанной им системе воспитания солдат – подготовке в инженерные вузы. В общем, настоящий отец солдатам. Потом начались показательные выступления саперов. Одно из которых – установка противопехотной защиты с помощью мин-лепестков. Коротко суть в чем. Несколько десятков мин небольшого размера в форме крылышек семян клена небольшим подрывом разбрасывались на приличной площади. Зеленый цвет прятал мины в траве. Если кто-то наступал на них, мина подрывалась и отрывала несчастному часть ноги. (Кстати, этих несчастных я видел гораздо позже в Камбодже, зрелище ужасное!) Но чтобы на мине не подорвались свои, она через несколько часов самоликвидировалась, и все, спокойно проходи! Вот такую «игрушку» нам показали в действии. Подрыв! И десятки зеленых лепестков разлетаются по поляне. Мне как бывшему испытателю – очень понравилось. Конечно, мины были не боевые, без взрывчатки, но с виду их невозможно было отличить от настоящих.

1. Взрыватель ВГМ (ВГМ-С)
2. Жидкое ВВ (ВС-6Д)
3. Чека
4. Каучук
5. Поршень МДВ
6. Ударник
7. Капсюль-детонатор
8. Детонатор

МИНА ПФМ - 1С
[РАЗРЕЗ]

9. Резиновая мембрана
10. Механизм самоликвидации мины (во взрывателе ВГМ-инитатор)

Противопехотный лепесток

В нашей команде был Николай Иванович Головкин, бывший первый зам. председателя исполкома какого-то крупного подмосковного района. То есть по тем временам немаленький начальник. Он занимался распределением жилья и уже, наверное, немало его распределил отставным и полковникам, и даже генералам. Он один из немногих получил форму старшего лейтенанта, так как был таковым в запасе. И еще он хотел и здесь стать каким-то начальником, поэтому со-

гласился на должность «секретчика». Оказалось, что Николай здорово промахнулся: ему пришлось собирать в чемодан наши учебные тетради с секретными записями, печатывать этот чемодан и тащить его в особый отдел, чтобы на следующий день забирать и снова раздавать тетради под расписку. Мы не отличались особой дисциплиной, и «секретчику» буквально приходилось бегать по полку за нашими тетрадками. В общем, старший лейтенант Головкин проклял все на свете со своей должностью и в настроении часто пребывал недовольном. Хотя на самом деле он был человек совсем неплохой, наш приятель.

Так вот этот Коля, после показательного подрыва кассеты с муляжами противопехотных мин, подобрал один из них и положил в карман галифе. Зачем он это сделал, неизвестно, может, машинально, может, хотел привезти такой необычный сувенир семье. Бедные солдатики облазили в поисках макетов мин по несколько раз поляну, но так одного макета и не нашли. К неудовольствию комбата, случай неприятный, утрата учебного имущества.

Казалось бы, банальная история получила совсем неожиданное продолжение. В то время был введен «сухой закон» и даже выпить пива – целая проблема. Но от местных офицеров мы узнали, что в городе существует один неприметный ресторанчик, в котором пиво есть всегда. Вечером, после ужина, мы с двумя товарищами, переодевшись в «гражданку», направились из части по указанному адресу. Пригла-

шали и Николая, но он опять забегался со своим секретным чемоданчиком и обещал подойти попозже.

Мы нашли ресторанчик, заходим. Все хорошо, чистенько, есть рижское пиво, прекрасно, только с местами плоховато. Видим столик, человек на шесть, за которым расположились двое старших офицеров, один полковник-ракетчик, второй – моряк, капитан второго ранга. Выпивают. Мы подходим и вежливо спрашиваем, мол, командировочные из Москвы, нельзя ли присесть? В те годы это было нормально. Видят, приличные люди: *«Конечно, присаживайтесь!»*. Садимся, заказываем официанту по две бутылочки «Рижского» и какую-то рыбную закусочку. Официант неспешно, зная себе цену, приносит нам заказ. А про Николая мы как-то подзабыли. Да и придет ли вообще? Что-то долго его нет.

Коротко знакомимся с соседями, угощаем пивом, чокаемся за здоровье, разговариваем, все душевно. После «тяжелой» службы вечер удался. Собираемся заказать еще пивка.

Вдруг открывается дверь. В зал ресторана входит какой-то человек в странной военной форме, в фуражке, при портупее, в галифе и сапогах, осматривается и направляется к нам. Весь ресторан с интересом и удивлением поворачивается к нему. Да это же Коля в нашей дурацкой форме! Ну и видок! Вспотевший Николай начальственным жестом подвигает себе свободное кресло. Небрежно кидает на стол фуражку. *«Ну, что, уже выпиваете?!»* – в голосе обида и раздражение. – *«Я тут возжусь с вашими погаными секретными тет-*

радками, а они балдеют!» Старшие офицеры с недоумением смотрят на странного старшего лейтенанта. Мы объясняем, что это наш знакомый, наливаем ему оставшиеся полбутылки пива. Соседи недоверчиво смотрят на нас. Дальше – больше. Коля отработанным барским жестом подзывает официанта, тот нехотя подходит, «подумаешь, какой-то старлей». *«Принеси-ка, дорогой, бутылку водочки и десяток холодного пива! Да, и что-нибудь закусить!»*. Официант не спеша уходит. Потом так же неспешно возвращается ни с чем. *«Водку после семи не подаём, а пиво только тёплое»*, – произносит он с заметным издевательством в голосе. Коля озверевает, он вскакивает, лезет в карман галифе, достает муляж противопехотной мины, поднимает его над головой и кричит: *«Суки тыловые, я только что из Афгана, кровь проливал, у меня контузия, и сейчас ударю по столу и разнесу ваш кабак к чёртовой матери!!!»* Наши соседи прекрасно понимают, что держит в руках этот сумасшедший старлей, они медленно начинают сползать с кресел, потом быстро убегают, успев на прощание бросить деньги на стол. Официант тоже стрелой улетает на кухню. Коля, как ни в чем ни бывало, убирает свой противопехотный лепесток в штаны, усаживается и говорит: *«Вот так их учить надо!»*

Напитки и закуски появляются на нашем столе с фантастической быстротой. После обильных возлияний мы с трудом отводим «секретчика» в полк. На КПП дежурный офицер, хотел что-то спросить, но мы сказали: *«Не трогайте*

старлея, он в Афгане контуженный!» Отвели пьяного Николая в казарму. А утром старший лейтенант Головкин опять пошел в особый отдел за ненавистным чемоданом.

Забавно, но не очень. Непонятно кем придуманная в СССР традиция проводить военные сборы студентов, слушателей, резервистов, отвлекала от дел ежегодно громадное число социально активных мужчин. Их надо было одевать, обувать, обучать, кормить, поить. И всё это за государственный счет. Огромные бесполезные расходы. Единственная польза, как в фильме Абдрашитова «Парад планет»: дали взрослым мужикам побыть несколько недель в раю. А ведь многие из нас прошли и срочную службу, и работу в оборонных предприятиях, как я. В стране дефицит, пустые прилавки, голодные дети. А нас, и десятки тысяч таких же, заставляют за государственный счет заниматься таким маразматическим занятием. Так работала бездушно-безумная партийно-государственная машина.

8. Аргентинское танго профессора Петуховой

Это было в 1994 году. Я уже имел некоторый опыт политической коммерции, если так можно назвать участие в ООО «Институт социально-политических технологий» (ИСПТ) в качестве директора, и там дела шли неплохо. Одновременно с этим я продолжал свою преподавательскую деятельность в МГСУ, Московском городском социальном университете (ныне Московский городской заменен на Российский государственный – РГСУ), в качестве доцента на кафедре политологии на полставки.

Немного об университете. После провала августовского путча 1991 года была запрещена КПСС, и всё её немаленькое имущество передавалось в разные руки: и государственные, и частные. Так имущество Московской высшей партийной школы (в последние годы перестройки переименованной в Российский социально-политический институт, но это не помогло) перешло к трем владельцам, приближенным к Ельцину. Юрию Афанасьеву, ректору РГГУ, был передан комплекс зданий на Миусской площади. Гавриилу Попову, который возглавил Американский университет, достался немалый филиал на Ленинградском проспекте. Юридической академии отдали здания на Садово-Кудринской.

Руководство МВПСШ отнеслось к этому грабежу предательски халатно. Ректор, в то время Блинов, первый проректор Вавилов и другие клерки ничего не сделали, чтобы сохранить это элитное учебное заведение, которое уже стало нормальным вузом. Но Бог им судья. Если бы остался ректором партшколы Шестаковский Вячеслав Николаевич, то всё сложилось бы иначе, но он, замечательный организатор и человек, ушел в политику, стал сопредседателем вместе с Анатолием Собчаком демплатформы в КПСС и был уже далек от МВПСШ.

Но возникла инициативная группа по сохранению потенциала МВПСШ, которую возглавил Василий Иванович Жуков, бывший проректор, очень активный и целеустремленный человек. О нём можно много говорить. Это абсолютно неординарный человек, он смог из осколков партшколы воссоздать Социальный университет и стал его ректором-основателем, за что ему честь и хвала. Но через некоторое время у Жукова все отчетливее стали проявляться бонапартистские замашки. Сначала он избавился от всех своих соратников по созданию вуза, потом увлекся коммерцией, и все это закончилось для него очень плохо, но, в общем-то, ничего нестандартного, хотя и небезынтересно.

Так получилось, что я с Василием Ивановичем познакомился случайно. Жуков был приглашён из Воронежского университета в МВПСШ. Приезжает с семьёй, заходит в центральный вход МВПСШ на улице В. Готвальда и не знает, куда

идти. Я случайно увидел это и проявил участие. Помог разместить багаж в гардеробе, показал, где туалет, и проводил в столовую, познакомились и распрощались.

Потом оказалось, что он стал зав. кафедрой партийного строительства, а наша кафедра научного коммунизма, где я был доцентом, находилась рядом, и мы часто пересекались, здоровались, разговаривали и были почти на «ты».

И вот в новообразованном Московском городском социальном университете, где я на полставки работал доцентом, Жуков мне предложил возглавить Центр социальных исследований, потому что бывший руководитель центра Василий Иванович Митрохин назначен первым проректором и рекомендовал меня. Кстати, Митрохин, с которым я находился в товарищеских отношениях, одно время работали на одной кафедре, был очень незаурядным человеком. Он, будучи секретарём парткома МВПСШ, избран на последний съезд КПСС и там выступил против политики Горбачева, за что и был снят с должности.

Руководитель центра – это была, по сути, проректорская должность. Я, конечно, согласился. Но потом, через какое-то время, ввели должность проректора по науке, которым стала Евдокия Ивановна Холостова, моя хорошая знакомая по МВПСШ. Мне это было на руку, я всегда мог как бы отпроситься у неё на свои политкоммерческие дела. В общем, сплошное кумовство!

Имея опыт работы с органами власти, я развернул в цен-

тре активную научно-коммерческую деятельность. Вёл многочисленные переговоры в Минсоцзащиты, которое, кстати, возглавляла Элла Панфилова. Встречался с представителями обществ инвалидов, слепых, глухих и везде стремился заключить финансовые договоры о научно-социальной работе. Дело в том, что государственная монополия на социальную защиту ушла, а новая рыночная не пришла, и наши учёные могли оказать в решении этой проблемы квалифицированную помощь. Мало-помалу удалось договориться о ряде научно-исследовательских проектов. Преподаватели нашего университета с громадным энтузиазмом подключились к этой работе, тем более что профессура и в то время жила небогато, а тут и интересная работа, и живые деньги. Капиталистические отношения заработали. Было создано несколько так называемых ВТК – временных творческих коллективов. Начала создаваться в университете научно-исследовательская система.

Вообще в то время психологическая атмосфера в университете была очень хорошая. Мы победили, мы сохранили вуз, мы растём и развиваемся, всё в позитиве. Преподаватели вместе празднуют праздники, приятное дружеское общение. Ректор Жуков приветлив, доброжелателен, жизнерадостен. Но однажды у нас произошел курьёзный инцидент. Как-то в начале весеннего семестра я провожу семинар по прикладной политологии. Тема – математическая оценка вероятности выбора кандидатов в президенты России. Опре-

деляем со студентами кандидатов: Ельцин, Явлинский, Зюганов, и кто-то предложил: давайте включим нашего ректора Жукова. Включили. Идет обсуждение, группа студентов возбуждена, заинтересована, то, что надо! А в это время Жуков решил сам пройти по аудиториям, посмотреть, как идут занятия. Дело в том, что иногда преподаватели опаздывали, университет ведь расположен в глубине лесопарка Лосиный Остров, и добраться туда было непросто.

И вот мы обсуждаем со студентами шансы Жукова стать президентом России, в эту минуту открывается дверь, заходит сам Жуков. Естественная реакция молодежи – гомерический хохот! Ректор удивился, пожал плечами, осмотрел свой пиджак, брюки и в недоумении вышел. Правда, в перерыве я зашел к Василию Ивановичу, рассказал, в чем дело. И мы оба с ним рассмеялись! Вспомнили, что у нас обоих день рождения 1 апреля.

Да, вот ещё. Жуков – заядлый курильщик, бросил курить. И всех наяр, придумал даже слоган: «Университет – храм науки, а в храме не курят». Борьба с курильщиками в МГУ-СУ приобрела шизофренические формы. Ректор врывался в туалеты, арестовывал нарушителей и выгонял их из вуза. Однажды под раздачу чуть было не попала Наташа, дочь моей знакомой с молодости Татьяны Сурковой. Ректор залетает в женский сортир, видит, что там две девицы курят. В ярости: «*Вы что! Вы кто!*» А тут Наташа, она никогда не курила, и зашла в туалет по естественным человеческим надоб-

ностям. Она оказалась не в то время не в том месте. *«Вон всех из университета!»* У Сурковой трагедия, что делать? Выручай! Надо спасти ребенка. Пошел к Жукову. Объяснил: *«Ну ты понимаешь!?»* *«Понимаю. Ну ладно, только из-за тебя».* Рассосалось. Были и другие сюжеты, но они стандартно-жизненные.

У Центра социальных исследований имелся свой банковский расчетный счет. Распорядителем кредитов был я. Без моей подписи нельзя было провести ни одной финансовой операции. Но всё было абсолютно прозрачно. Люди на кафедрах и факультетах занимались разработкой социальных проектов, после окончания работы получали в соответствии с договором свои деньги, которые до этого аккумулировались на счету Центра. Я тоже участвовал в одном из ВТК, тоже немножко получал, но общие деньги распределялись в соответствии с договорами. Заработал – получил. Всё. Никакой коррупции.

Творческие коллективы возглавляли серьёзные учёные, профессора, доценты, творческие люди. Среди них была профессор психологии Людмила Петухова. Прекрасный специалист, доброжелательная, приятная женщина, её уважали коллеги, любили студенты. У нас с ней, как и с другими руководителями ВТК, сложились хорошие, даже дружеские отношения. Как-то она забегает ко мне в кабинет в жутком расстройстве, а Петухова, как и я, водила машину. Жалуются, как водитель водителю: какой-то придурок на светофоре

врезался в неё и помял зад машины. Что делать? Неприятно, но не критично. Я ее успокоил, напоил кофеём и даже смог выплатить из фонда нашего Центра какую-то невеликую сумму на ремонт. Никогда ничего не имел к профессору Петуховой недоброго, и пусть удача всегда её сопровождает. Но дело совсем не в Петуховой.

Однажды я приехал на работу, сразу зашел в бухгалтерию, должны были прийти очередные финансовые поступления из Минсоцзащиты. И вдруг вижу, наша бухгалтерша Леночка вся в слезах, и все её утешают. Я: *«Что случилось?»* Она сквозь всхлипывания говорит: *«Сергей Владимирович, только что заходил Жуков, велел срочно перевести со счёта Центра 11 тысяч долларов»*. А на счету всего около 20 тысяч в долларовом эквиваленте, по тем временам деньги немалые, и они справедливо предназначались для выплаты ВТК за реализованные проекты. Причём я это планировал сделать сегодня. *«А зачем и куда?»* – недоумеваю я. Леночка: *«На командировку профессору Петуховой. Она едет в Аргентину по обмену опытом!»*. *«Какому обмену? Что, она будет учить нас, как танго танцевать!?»*

Давно живу, многое видел, многое слышал, многое знаю, но фраза «обмен опытом» через МГСУ нищей России с нищей Аргентиной! Да ещё за счёт нашей нищей профессуры, это уже паноптикум! Я все-таки из казаков, поэтому иногда мои поступки опережают мысли, но может, и к лучшему. Из бухгалтерии я влетаю в приемную ректора. Секретарше: «У

себя?» «Да, но занят, говорит по телефону, подождите!» Какой, нафиг, телефон, открываю дверь ногой, захожу. Наверное, моя физиономия источала такое зло, что Жуков сразу бросил трубку. «Здравствуй-те-здравствуй-те». Чего тянуть кота за хвост. Я сразу: «Василий Иванович, случайно заглянул в бухгалтерию, а мне говорят о какой-то командировке профессора Петуховой в Аргентину, да еще за счет нашего фонда. Это такая шутка?» Жуков: «Все нормально, перечисляй, перечисляй!» Я, ведь мы одни: «Слушай, люди работали, люди заработали, они должны получить свои деньги!» Жуков: «Ничего. Подождут. Ждали раньше и теперь подождут. Где бы они были сейчас, если бы я не создал университет. Переводи деньги!» Я, уже в гневе: «Ты, конечно, лидер и гений, но это ещё не даёт тебе права, за счёт наших коллег и друзей самоуправствовать, отправлять неизвестно кого танцевать аргентинское танго!» Жуков: «Не перечислишь? Ну смотри!» Я: «Перечислю!» Жуков: «Ну и договорились».

Я вышел, пришел к себе в кабинет, пригласил всех руководителей наших научных проектов, в том числе профессора Петухову и Леночку, бухгалтера. Попросил оперативно оформить необходимые документы для получения вознаграждения нашим представителям временных творческих коллективов. Через час все документы были готовы. Я проверил, бухгалтер оформила платежные поручения. Я их подписал и отправил Леночку в банк получать деньги. После

обеда все члены научных проектов получили в кассе университета заслуженное справедливое вознаграждение, в том числе и ВТК под руководством профессора Петуховой. Все. Обещал перечислить, перечислил, никаких аргентин. Всё. А на душе беспокойно, что же я натворил...

Поднимаюсь на пятый этаж к Валентине Михайловне Сафроновой, профессору, прекрасной женщине и моему другу. А у неё в кабинете Серёгин Алексей Степанович, учёный секретарь университета, тоже мой хороший приятель. *«Сергей Владимирович! Что с тобой! На тебе же лица нет! Садись, выпей кофе, нет, лучше коньячку!»* Валентина Михайловна налила рюмочку, я маханул и всё им рассказал. *«Ты с ума сошел, он же теперь тебя сожрет! Забыл про Кавригина!»* Кавригин – это наш коллега, профессор-экономист, который вместе с Жуковым боролся за создание университета, стал проректором, а позже в чём-то не согласился с Жуковым и был безжалостно изгнан.

Выпили ещё по рюмочке, начали рассуждать, что делать. Мне, в общем-то, нестрашно. У меня нормально идут дела на политтехнологической ниве, и «урожай» тоже неплохой. Кого-то из преподавателей университета даже привлекаю к этой работе. Наметился ряд перспективных проектов, в том числе с правительством Московской области. Но всё-таки жаль, что работа в Центре социально-политических исследований не доведена до логического состояния – саморазвивающейся научно-коммерческой системы.

Валентина Михайловна: «Да плюнь ты на всё, уходи из университета, занимайся своими делами, тебе с Жуковым не помириться!» А Серегин, мудрый человек, говорит: «Ты ведь пишешь докторскую?» Я, честно: «Ну так себе, не очень». «Неважно, напиши заявление, мол, прошу меня-тебя уволить с должности руководителя Центра социальных исследований, так как хочешь сосредоточиться на написании докторской диссертации». «Правильно, – поддержала Валентина Михайловна, – останешься на полставки на кафедре, будешь заниматься своими делами, и никто не скажет, что ты поругался с Жуковым!» На том и порешили, выпили еще по рюмашке коньячка и разошлись.

Я тут же написал заявление об уходе в творческий отпуск для подготовки докторской диссертации, отнёс в приемную Ректора, положил в папку «На подпись» и уехал домой. На завтра позвонил в управление делами, где мне сказали, что Жуков заявление подписал, и они готовят приказ и прочитали мне проект: «В связи с уходом Устименко С. В. в творческий отпуск освободить его от должности руководителя Центра социальных исследований. Назначить ВРИО руководителя Центра доцента Грознецкого И. М.». Приказ был подписан, в отделе кадров сделали соответствующую запись в моей трудовой книжке. Тем дело и закончилось. У меня сохранились прекрасные отношения со всеми знакомыми в университете, в том числе и с профессором Петуховой, хотя аргентинское танго прошло мимо её. Жуков тоже сделал вид, что

этой истории как бы не существовало, иначе он бы оказался в очень неприглядном свете.

Это из нестандартного, а теперь постскрипtum, уже в мемуарном ключе. Судьба Центра социально-политических исследований сложилась так. Игорь Грознецкий, мой друг и бывший зам, сказал, что без меня он работать не может и не хочет, и я его устроил в аппарат Правительства Московской области. Руководителем центра был назначен профессор Аркадий Маршак, мой приятель, кстати, племянник знаменитого советского поэта Самуила Маршака. Аркадий, абсолютный гуманитарий, превратил центр в придаток по написанию научных отчетов. Научно-коммерческая деятельность прекратилась, а банковский счет Центра Жуков на всякий случай закрыл.

Потом были уволены первый проректор Василий Митрохин и проректор по науке Евдокия Холостова. Они поссорились с Жуковым, о причинах не помню, но Жуков систематично избавлялся от своих бывших соратников. И Митрохин, и Холостова попробовали создать свои коммерческие вузы социального направления, тогда это было модно, но не выдержали конкуренции с Социальным университетом Жукова, с повинной через несколько лет вернулись к нему.

Теперь о себе. Уход в творческий отпуск не превратился в формальность. У меня уже было несколько научных работ по выборной тематике, в том числе книга «Технология избирательной кампании» 1993 года издания, написанная в соав-

торстве с моим другом и коллегой Володей Амелиным. Это была, по сути дела, первая в России книга по выборной тематике, теперь она раритет, но до сих пор часто цитируется. Алексей Васильевич Федотов, царство ему небесное, удивительный человек, в прошлом профессиональный разведчик, объехал весь мир под прикрытием журналиста, дважды доктор наук, в то время профессор кафедры политологии. Он буквально силой заставил меня писать диссертацию и стал моим научным консультантом. Редактировать мне помогал ныне покойный замечательный человек, добрый профессор Евгений Николаевич Тарасов. Философский «оттенок» моей политологической диссертации был необходим, и его помогли мне придать Владимир Николаевич Амелин и Василий Иванович Митрохин, которым я тоже очень признателен.

Я «пахал» полтора года, подготовил и защитил докторскую по политической философии. Называлась она «Политическое представительство, сущность и формирование. Политико-философский анализ». Дело в том, что в 1996 году еще не было ученых степеней ни по социологии, ни по политологии. Поэтому я – доктор философских наук, хотя по сегодняшним меркам диссертация чисто политологическая. Кстати, скажу без ложной скромности, она была признана ВАК лучшей диссертацией 1996 года в области гуманитарных наук. Но это был какой-то научно-марафонский забег. Второй раз я бы его, наверное, не выдержал. Поэтому меня всегда раздражают упоминания о заказных диссертациях,

хотя в те и последующие годы их было написано немало, в том числе для депутатов, предпринимателей, чиновников. Я, естественно, знаю и авторов, и исполнителей этой псевдонаучной «заказухи», но отношусь к ним неуважительно.

Защита диссертации прошла напряжённо. Всё шло нормально, пока в ходе дискуссии один из членов Учёного совета не задал вопрос: *«Чем философия политики отличается от политической философии?»* Я, как мог, вынужден был что-то придумывать, чтобы сказать аргументированно «об общем и особенном» и еще о какой-то философской «мути». Хотя до сих пор считаю, что никакой разницы между этими понятиями нет. Но автор вопроса начал умничать, что он, мол, якобы специально изучал этот вопрос, а я ответил на него неправильно, хотя признал, что диссертация хорошая. Я получил два «черных шара» и восемнадцать «белых шаров». Сначала немного обиделся: кто эти оппортунисты? Но со временем понял, что они молодцы, потому что стопроцентная диссертация всегда подозрительна. После защиты Жуков пожаловал на банкет и произнес хвалебную речь о новом талантливом докторе наук, т.е. обо мне. Ему тоже важно для статистики, чтобы в университете появился ещё один доктор наук.

А вот и нестандартный сюжетец, в продолжение этой темы. Прошел год после того, как ВАК утвердил мне присвоение докторской степени. Теперь у меня были все формальные основания претендовать на звание профессора. Я под-

готовил соответствующие документы, написал в Ученый совет университета заявление. Хочу, понимаешь, ты! И жду. И вот меня приглашают. Раньше я и сам был членом этого совета и сегодня вроде как не чужой. Одновременно должны были рассматривать вопрос об еще одном профессоре, Галине Осадчей, моей хорошей знакомой, которая работала на кафедре Жукова еще в МВПШ, а сейчас была зав. кафедрой социологии.

И вот начинается заседание совета, председатель – ректор Жуков, задерживается, ведет совет первый проректор Митрохин. Вопрос о присвоении ученого звания профессора доктору философских наук Осадчей. Совет голосует – единогласно. Следующий вопрос – о присвоении профессора мне, снова – единогласно. Потом вопрос о заведующем кафедры физвоспитания, он что-то там натворил – выговор ему.

И вот входит улыбающийся Жуков. Важно садится в президиум. Смотрит повестку дня заседания совета, хмурится. *«Вот тут у нас присвоение профессорских званий Осадчей и Устименко. Галина Ивановна, я считаю, достойна, а Сергею Владимировичу ещё рановато!»*

Митрохин: *«Василий Иванович! Совет уже проголосовал!»* Жуков, с уверенностью: *«И как?»* Митрохин: *«И за Осадчую, и за Устименко – единогласно! Решение ученого совета утверждено».* По лицу Жукова пробежала недовольная, злая гримаса, но он всё-таки выдавил из себя: *«Хоро-*

шо, поздравим новых профессоров». Раздались аплодисменты. Аплодировала вместе со всеми и профессор Петухова!

Дела давно минувших дней. Я проработал в Социальном университете до 2013 года. До пенсионного срока 60. Но дело не в этом. Может быть, и дальше бы там оставался. Я любил студентов, они подпитывали меня молодой энергией, а я их – своими знаниями. Но пришли требования из Минобрнауки, с которыми я согласиться не мог. Документально доказать, что я не педофил, не туберкулезник, не дезертир. Этого я, профессор, преподаватель с тридцатилетним стажем, майор запаса, вынести не мог. Написал открытое письмо декану, ректору, министру и ушел. Ректором региональной партийной школы «Единой России», и опять почти не жалею, почти, студентов РГСУ жалко...

9. Перекушенная уздечка и коломенские трамваи

Это была необычная избирательная кампания, и интересная, и трагикомичная. 1993 год. Первые выборы в Государственную Думу. Коломенский избирательный округ. Наш кандидат – Сергей Григорьевич Скорочкин, человек трудной и трагичной судьбы. Но об этом уже многое написано, масса материалов в Сети, поэтому речь пойдет не совсем о нём. Два необычных сюжета, которые никогда больше не повторялись в моей немалой политтехнологической практике.

Избирательная кампания Скорочкина, которую я конструировал вместе с командой, поначалу развивалась по классическому сценарию, описанному в нашей книге «Технология избирательной кампании», вышедшей полгода назад. Стратегия, штаб, полевая структура, социологический мониторинг и т.д. Несмотря на то, что мы работали против административной машины, я не видел в этом ничего особенного. Во-первых, эта машина была слаба, особенно после расстрела Белого дома 4 октября; во-вторых, у нас была сильная, креативная, дружная и азартная команда; и в-третьих, наш кандидат, настроенный только на победу, пусть политически неопытный, но успешный предприниматель, перепробовавший много бизнесов, и сейчас хозяин водочного

завода «Радуга». Финансовых ограничений не было. Он как губка впитывал наши советы и рекомендации. Так получилось, что для Скорочкина я был непререкаемый авторитет, мы с ним много общались, и он мне полностью доверял и слушался, что тоже важно для успешной кампании. И ещё, устоявшегося избирательного законодательства в это время не существовало. Не было понятий «подкупа избирателей», «незаконной агитации» и т.д., что развязывало нам руки, экспериментировали по полной. Идеальная избирательная кампания!

Почти все работники штаба жили и трудились в огромном доме Скорочкина, расположенного на окраине Зарайска. Дом был особенный, по ночам там раздавались какие-то завывания, шаги и постукивания, как будто просыпалась нечистая сила, понятно, что они были связаны то ли с водопроводом, то ли с отоплением, но всё равно было жутковато и некомфортно. Кроме того, Скорочкин, деревенский парень, почему-то недооценивал городские удобства. В доме была только холодная вода, да и та в одном кране. И ещё, я знал, в какой комнате и в каком шкафу было припрятано скорочкинское оружие. Бандитские девяностые были тогда совсем не шуточными.

Психологом кампании у нас был Юрий Пелипенко, вроде бы надёжный парень, бывший преподаватель Высшей школы милиции, кандидат наук, майор.

Работа психолога со Скорочкиным была очень важна и от-

ветственна, его требовалось быстро подготовить к встречам с избирателями и соперниками, научить публично выступать перед разными аудиториями, работать на телекамеру и многое другое. Поэтому Пелипенко попросил меня в помощь взять в штаб его жену, тоже психолога. Я, посоветовавшись с командой, согласился, тем более что финансовые возможности вполне позволяли. Как же мы пожалели об этом!

Итак, кампания была, что называется, выстроена, механизмы взаимодействия отлажены, работаем на победу. На несколько дней мне надо было отъехать по делам в Москву, я ведь работал в Социальном университете. И вот утром, как сейчас помню, 5 декабря, в день рождения нашей дочери Ритки, раздаётся звонок из Зарайска. Звонят из нашего штаба. Главный политтехнолог Володя Амелин тревожным голосом говорит: *«Сергей, у нас проблемы. Скорочкин никого не слушается, его полностью подчинил себе Пелипей!»* Я попросил не паниковать, продолжать работать, обещал поговорить с психологом. Но не дозвонился.

Проходит несколько часов, опять звонок от Амелина, напряжение растёт. *«Сергей, тебе надо приехать! Скорочкин срывает запись выступления на телевидении, не хочет открывать избирательный счёт, начал пить с Пелипенко!»* Я пообещал на следующий день приехать, понимая, что дело серьёзное.

Вскоре новый звонок: *«Мы тут все собрались и требуем, чтобы ты приехал немедленно, иначе катастрофа,*

вся кампания разваливается!» Пришлось оставить праздничный стол и срочно выезжать. Дело, которому я посвятил столько времени и сил, кампания, в которой участвуют десятки человек, – под угрозой срыва. Машины у меня тогда почему-то не было, пришлось добираться, что называется, на перекладных. А путь из Пушкино до Зарайска не ближний, около двухсот километров. Но доехал. Захожу в штаб. И не узнаю свою команду. За столом сидят абсолютно деморализованные и растерянные наши ребята. Обрадовались моему приезду, оживились.

Выяснилось следующее. Пелипенко и его жена оказались не только хорошими психологами и большими сукиными детьми. Жёнушка придумала, а муженёк пошёл на поводу. Во время тренингов со Скорочкиным, они внушили ему, что наша команда всё делает неправильно, что хотим от него только денег, с нами он обязательно проиграет. И только они, психологи, знают, как его избрать, и это будет гораздо дешевле! В общем, с «помощью» психологов наш кандидат превратился в зомби, никого на слушает, всех считает предателями, полностью подчинен Пелипенкам. Завтра последний день, когда Скорочкин может открыть избирательный счёт. Иначе – сушим вёсла!

«А где он сейчас? – Наверное, с Пелипеем в техникуме в бане». «Едем! – Куда? – В баню!»

Приезжаем всей толпой в техникум, время позднее, но баня и бассейн работают, да и кто откажет Скорочкину, водоч-

ному королю! Узнаем у охраны, они здесь, охранник как-то смущенно говорит, что нам туда заходить не стоит. *«Ладно, сами разберемся!»* Я, конечно, не готов ни к какой бане, но раздеваюсь и в семейных трусах захожу в дверь бассейна, в руках у меня почему-то оказалась бутылочка итальянского ликера «Амаретто». Друзей прошу, кто хочет, раздеваться, но меня подождать, не заходить.

Дальше предо мной предстает незабываемая картина. Рядом с большим бассейном на возвышении стоит столик с закусками и бутылками. За столом, накрывшись простынями, сидят почти голые Скорочкин и Пелипенко в хорошем подпитии. Вокруг них крутятся несколько молодых девушек в купальниках. Оргии Калигулы, да и только! И тут я, в семейных трусах и с бутылкой. Какой-то сюрреализм. Дальше то, что называется немая сцена «Не ждали», Скорочкин увидел меня. Его и без того круглые глаза стали ещё круглее и едва не выскочили из орбит: *«Ты это откуда, Владимирович?!»* Пелипей начал молча сползать со стула, его испуганные глаза, наоборот, стали как щёлочки. Попался гад! Я, как ни в чем не бывало, сажусь к ним за столик, ставлю свой ликер: *«Да вот, проходил мимо, решил с вами выпить»*, разливаю всем сладкий, коричневый, подделанный в Польше напиток. *«За встречу! Ура!»* Мужики выпивают, приходят в себя. А я объясняю, что много пить не будем завтра, у нас серьезные дела. Хватит развлекаться. *«Ты извини, Владимирович, я... мы... Конечно, работаем!»* – извиняющимся тоном говорит

Скорочкин. А Пелипей видит, что он попался и его мерзкий план провалился, денежки уплыли мимо него с жёнушкой, с горя наливает и выпивает залпом бокал водки. Голые девушки что-то надевают на себя.

Я открываю дверь и приглашаю своих друзей. Пелипей понимает, что его сейчас могут побить, плюхается в бассейн. Потом видит, что его никто не собирается убивать, все внимание переводит на какую-то девуцу. Как позже выяснилось, преподавательницу техникума. Начинает к ней приставать, она не принимает его пьяных ухаживаний. Скорочкин приглашает всех к столу. Обнимается, извиняется. Не зря же мы здесь оказались, идем в сауну, потом плаваем в бассейне, девушки куда-то исчезают.

Собираемся и едем домой к Скорочкину. Ехать недалеко. Скорочкин садится за руль, я рядом. Сзади пьяный Пелипей с девицей, которая просит завести её домой. Скорочкин требует от психолога не приставать к девушке. Едем медленно между домов. Слышу сзади какую-то возню, поворачиваюсь, и тут... Девушка открывает дверь и выпрыгивает из машины, хорошо, скорость небольшая, за ней выпрыгивает Пелипей, орет: «Убью!!! Сука! Аааа!» Я тоже выбегаю из машины, этой радости нам только не хватало! Пелипей почти догоняет девушку, я догоняю его, сбиваю с ног в сугроб. Девушка убегает, а я вижу, что изо рта Пелипея идет кровавая пена и он продолжает бессвязно орать. Отвозим его домой к Скорочкину и передаем в руки любезной жёнушки. Получай

свой подарок! Позже выясняется, что этот «Ромео» начал в машине насильно целовать девушку, которую, кстати, Скорочкин хорошо знал. А она, я не знаю, как, защищаясь, откусила ему так называемую уздечку, сухожилие под языком. Награда нашла героя!

Наутро жуткая картина. Пелипей с громадного похмелья. Язык у него опух, превратился в такую котлету. Говорить он не мог, только мычал. Мне стало жалко его, я послал водителя в магазин, и он привез страдальцу бутылку шампанского. Пелипей чуть ли не залпом выпил её. Я «поблагодарил» супругов за проделанную работу, пожелал больших заработков в другом месте. Жёнушка смотрела на меня испепеляющим взглядом, опохмеленный Пелипей что-то пытался сказать. Может, попросить прощения, может, покаяться, об этом я уже никогда не узнаю. Скорочкин не вышел их провожать. Пелипенки собрали вещички, сели в машину, и водитель подвез сладкую парочку до ближайшей железнодорожной станции. Больше я их никогда не видел.

Скорочкин показывает мне свое водочное предприятие

У меня состоялся очень серьезный разговор со Скорочкиным, я объяснил все его ошибки, пригрозил бросить кампанию. Он извинился, говорит, не понял сам, как попал в лапы этих проходимцев. Бунт на корабле был погашен. Дальше избирательная кампания вернулась в классическое русло. Выспавшийся и посвежевший Скорочкин под нашим руководством открывает избирательный счёт в банке, переводит сра-

зу на него необходимую сумму, потом мы едем на местное телевидение и записываем интервью кандидата. Потом... потом всё нормально. Полномасштабная классическая избирательная кампания с предсказуемым исходом – победой. Кстати, спасибо Пелипенкам, они неплохо научили Кандидата работать на камеру, и не только этому.

И вот конец предвыборной эпопеи. Декабрь, пятница, темнота, гололед, мы с кандидатом едем из Зарайска в Коломну. Скорочкин за рулем своей черной «Волги», нас то и дело таскает по дороге, слава богу, машин почти нет, да и водитель классный. Что нас понесло в такую рискованную поездку? А вот что. У нас были сильные соперники, против Скорочкина был весь административный ресурс, и главы, и милиция, и избиркомы. И всё-таки мы смогли это преодолеть. Глава Коломны – Валерий Шувалов, мой хороший знакомый, к назначению которого я приложил руку, поддерживал другого кандидата, прокоммунистического журналиста из «Правды». Они были абсолютно уверены в своей победе. Еще бы, все СМИ, почти все администрации на их стороне.

И вот в пятницу вечером, за день до голосования, Шувалов приглашает меня и Скорочкина якобы на дружескую чашку чая. На самом деле ему важно убедиться, чтобы мы в день тишины, в субботу, когда агитация запрещена, не устроили бы какую-либо неожиданность для него. А мы и не собирались, так получилось...

Нам тоже очень интересно выведать у главы ситуацию в крупнейшем городе избирательного округа. В общем, кто кого перехитрит.

И вот мы в Коломне. наших плакатов и листовок нигде не видно, все зачистили, зато всё заклеено агитками шува-ловского протеже. Проезжаем мимо трамвайных путей, обгоняем какой-то полусонный трамвай, и вдруг видим, что он сворачивает в депо. А давай-ка заглянем туда, посмотрим, как они, работники транспорта, готовятся к выборам в Госдуму! Сонный охранник, глядя на наши красные «корочки», зевая, пропускает нас на машине в трамвайное депо. Ни листовок, ни плакатов, никакой агитации, никто не готовится к выборам.

В депо рядами стоят десятки трамваев, в некоторых из них возятся рабочие-ремонтники. Мы дружелюбно здороваемся, представляемся рабочему классу, научились хорошо контактировать за время кампании. Им тоже интересно, что нам, таким начальникам, здесь надо на ночь глядя? А мы и сами не знаем.

И тут меня осеняет идея! У нас в багажнике лежит неизрасходованная пачка агитационных плакатов АЗ с большой фотографией и яркой фамилией Скорочкина, скотч для наклейки и дежурный ящик качественной водки. Проводим агитационную кампанию! Я объясняю бригадире, что надо в каждом трамвайном вагоне на окнах расклеить плакаты, причём так, чтобы они были двусторонние, их должны ви-

деть и пассажиры, и прохожие, и водители. Гонорар за работу – пол-ящика водки – производит впечатление! Бутылка всегда в России была ходовой валютой. Но это еще не все! Через час мы приедем и примем работу, если плакаты расклеены – еще пол-ящика. Бригадир возбуждается, собирает работяг и тут же проводит инструктаж. Я представляю: *«Вот ваш кандидат в Госдуму Сергей Скорочкин, вот он на плакате. Он вам нравится?»* Сергей произносит краткую убедительную речь. Но гонорар еще убедительнее. Тогда помогайте, за работу, братцы!

Приезжаем в администрацию Коломны. Время – полдвенадцатого ночи. Заходим к главе. Валерий Иванович, улыбаясь, идет нам навстречу. Дружелюбно здороваемся, братаемся! Политика. Действительно, столик с чаем накрыт, суетится секретарша, пирожное, бутерброды, как ходоки у Ленина. Кроме нас еще первый зам, лысый учёный-экономист. Пьем чай, беседуем. *«Ну как прошла избирательная кампания? Не надо ли чем помочь?»* – участливо интересуется Шувалов. *«Трудно, – жалуюсь я, – да чем уже сможешь, всё, что можно, сделали, через двадцать минут – суббота!»*. Поговорили об экономике города, о программе нашего кандидата. *«Вы неплохо порепетировали»*, – хитро говорит глава, намекая, что программу для его кандидата писал первый зам, учёный, кандидат наук. Я говорю о наблюдателях на участках, об экзитполе, о наших людях во всех комиссиях. Тоже намекаю, что подтасовка результатов не прокатит. И тут на-

стенные часы бьют полночь. Ну всё, день тишины настал! Шувалов не может скрыть своей радости: никаких коварных неожиданностей от нашей команды нет, он уверен в своей победе! Достает коньяк, произносит тост за президента, за губернатора, за дружбу. Я понимаю, что в Коломне мы первое место не займем, административный ресурс не перебить, но и сильно не проиграем. Я знаю результаты своего социологического мониторинга, а Шувалов их не знает. Он забыл, что социология – наука, а не манипулирование цифрами, когда я помогал ему в назначении главой.

Скорочкин не пьёт, не только потому, что за рулем. Мы договорились, что после истории с Пелипенками первую рюмку он выпьет, когда будут подведены итогов выборов. Тепло прощаемся с главой и замом, расстаемся, уверенные каждый в своей победе.

По дороге вспоминаем, что нам надо ещё заглянуть в трамвайное депо. Там всё в порядке, Скорочкин красуется на всех вагонах. Слегка подвыпившие рабочие улыбаются. Мы благодарим их, выполняем свое водочное обещание и просим проследить, чтобы никто не повредил плакаты. Прощаемся, едем домой в Зарайск.

Суббота. Утро. Из коломенского трамвайного депо неспешно выходят вагоны и разъезжаются по всему городу. На пассажиров и прохожих с плакатов глядит приветливый Сергей Скорочкин и предлагает проголосовать за него. Чиновники спят, надо набраться сил, ведь завтра выборы и бес-

сонная ночь. А трамваи идут и идут по городу. Агитация перед днем выборов в разгаре, но всё по закону, плакаты ведь были размещены до дня тишины и могут оставаться на своих местах.

Несложно представить, как топал ногами на своих подчиненных Глава, как возмущался его кандидат, как спешно срывали скорочкинские плакаты и грозили снять с работы начальника депо. Но поздно, наша игра сделана!

На следующий день, в воскресенье состоялись выборы. Победил в округе Сергей Скорочкин и стал депутатом Госдумы, независимым депутатом. Правда, в Коломне он занял второе место, хотя социология прогнозировала третье. Может, помогли трамваи?

Очень жаль, что жизнь Скорочкина, безусловно, талантливую и перспективного политика, трагически оборвалась через два года.

10. Умные верблюды

Одной из самых замечательных полносемейных поездок было путешествие по Тунису в 1999 году. Мы все вместе – я, жена Марина, дети, Артемий-Гуся и Маргарита-Девка, – провели там прекрасные полмесяца. Не знаю, как сейчас, но тогда дореволюционный Тунис предстал перед нами светской, доброжелательной, типичной средиземноморской страной. Тунисцы очень старались понравиться как в курортном, так и в туристическом амплуа, и им это вполне удавалось. Прекрасный отель, море, бассейны, аттракционы, в общем, всё примерно как в Турции или Греции. Что касалось еды, то у нас произошел один забавный, но, наверное, типичный сюжет. Как-то вечером, оставив детей за шведским столом в отеле, мы с Мариной решили сами поехать поужинать в какой-нибудь шикарный ресторан.

Как мы логично рассудили, такие рестораны должны быть в крупном городе Сусс, в двадцати километрах от нас, и мы поехали туда. Город оказался не очень: кроме старой крепости и множества невзрачных отелей, ничего интересного. Все попытки найти какой-нибудь приличный кабак ни к чему хорошему ни привели. То грязно, то шумно, то дымно, то дурно пахнет. Вино везде местное, кислое, подозрительное. В конце концов нам это надоело, сначала мы хотели вернуться на ужин в свой отель, но потом, поймав такси, предприня-

ли последнюю попытку и попросили водителя отвезти нас в самый лучший находящийся по близости ресторан, если такой, конечно, есть. *«Есть!»* – радостно сказал по-французски пожилой таксист. – *«Лучший ресторан в нашей стране! Недалеко!»* Поехали. Выезжаем из города. Темно. Но почему-то дорога нам кажется знакомой. Точно, вот и весёлый порт Эль-Кантауи, где мы гуляли с детьми сегодня, а это что впереди? Да это ведь наш отель! Куда он нас привез?! *«В этом отеле самый лучший ресторан»*, – убедительно по-французски сказал пожилой таксист. Покатались...

Убедившись, что дети спят, а шведский стол уже закрыт, идем в знакомый нам с виду приличный гостиничный ресторан. В нем подозрительно пусто. Заняты три-четыре столика. Играет живая музыка. И вдруг к нам подбегают приветливые интеллигентные официанты, усаживают на лучшие места, начинают рассказывать, какая у них самая свежая рыба, какие есть креветки, мидии, устрицы, гребешки, маслины, манго и т.д. Оказывается и французское «Бордо», и ещё много всего. Заказываем еду, напитки. Трое официантов весь вечер выются вокруг нас, меняя блюда, подливая вино. Всё невероятно вкусно, праздник для гурманов! Вечер удался, не обманул пожилой таксист. Но в глубине сознания возникает мысль: а сколько это стоит, есть 200 долларов, не пора ли бежать в номер ещё за баксами?

И вот конец застолья, просим счёт, слегка напряжены. И три официанта торжественно и таинственно на подносе

несут счет: «*Ну что, господа, попались!*» Берем счёт, открываем с опаской – 55 долларов! Даем \$5 чаевых, официанты кланяются, очень довольны. Мы на радостях заказываем еще бутылку вина! Действительно, прекрасный ресторан! Но это так, к слову о тунисской еде.

Мы любим пляжный отдых, но не очень и недолго. Через два-три дня мы обязательно должны пуститься в путешествия. Так и сейчас. Побывать в Тунисе и не увидеть Сахару? Выбираем двухдневную экскурсию и отправляемся на автобусе в глубь пустыни. Все очень необычно. Вот остановка в поселении древних жителей Сахары – берберов. Они живут в пустыне в прохладных глиняных, незаметных со стороны колодцах. Нас, туристов, встречает в колодце какая-то колдунья с черными татуировками на руках и лице и её внучка. Они рассказывают, как живут простые берберы, показывают свое весьма комфортабельное жилище, здесь и телевизор, и холодильник, и видеомаягнитофон, и картины. Тут Гуся произносит свою знаменитую фразу: «*А они понимают, что к ним возят?*» Тонкий намек на показуху!

Ещё мы видели местную свадьбу. Толпа людей несла на руках в кабинке невесту навстречу жениху. Кое-кто видел мираж, я не понял, мираж ли это или самообман. Оазисы, плантации финиковых пальм, поселки, похожие на наши гаражные кооперативы, бескрайние соляные озёра с кристаллическими цветами и, конечно, дюны и барханы. Всё интересно, необычно, но стандартно: «*К ним возят!*». Но мы ещё

не знали, что нас вскоре ожидает.

Апогей путешествия – поездка на верблюдах в глубину пустыни. Мы подъехали к одинокому, довольно большому отелю – последнему жилому месту в тунисской Сахаре, южнее – бескрайняя, безжизненная пустыня. Около отеля суэта. Туристов немало, из разных стран. Все хотят развлечения на верблюдах и получают её. Каждому вручают верблюда, готового к поездке, проводников к верблюду, разного возраста; арафатку, как мы ее называли, – матерчатый длинный шарф, и резиновый обруч на голову. Все смеются, вскарабкиваются на верблюдов, фотографируются. Караванчики, комплектов по 10–12 (верблюд, турист, погонщик), один за другим уходят в светлую дорогу между высокими барханами. По программе: полчаса туда, полчаса обратно. Голливуд, да и только!

В нашей семье все непросто. Девка категорически отказалась ехать. Не потому, что ей не нравились верблюды или арабы, наоборот. Она что-то почувствовала опасное. «*Не поеду, и все*». Взяла наши вещи, фотоаппараты, камеру и пошла в отель. Заселяться. Умная девка, самостоятельная. Гуся, наоборот, лихо взобрался на сидящего верблюда, верблюд встал, и наш сын поехал вперед в одном из караванчиков, который вскоре исчез за барханами. Я тоже залез на верблюда, у него был мальчишка-погонщик, и тоже поехал неизвестно куда, но не так быстро, как Гуся. Марина, как стало известно потом, вначале тоже поехала в пустыню, но затем заставила проводника ехать обратно и вернулась в отель.

Вся семья разбрелась по Сахаре.

И вот мы едем на верблюдах по тропе между барханов, светит солнце, но совсем не жарко, тишина, спокойствие. Верблюд покачивается, поэтому у него около горба привязана палка, за которую надо держаться, чтобы не упасть. Особенно не посмотришь по сторонам. Но все равно красивые золотистые горы песка, барханы или дюны. Едем полчаса. Верблюды идут за погонщиками бодро. И, вдруг я случайно оборачиваюсь назад и вижу: на весь горизонт и высотой до кромки неба черная стена, которая быстро движется на нас. Наверху стены – черные вихри и зловещая тишина. Я понимаю, что это – песчаная буря, в которую мы сейчас попадем. Она буквально летит на нас. Я кричу, все оборачиваются, людям страшно. Погонщики показывают, как надо завязать на лице арафатку, в два слоя закрыть рот, нос и уши, оставить щелки для глаз. Иначе всё забьет песок. Оказалось, что арафатка совсем не сувенир, а вещь, без которой в пустыне можешь пропасть.

И вот стена песка налетела на нас. Сразу стало темно и шумно. Сильный порывистый ветер, песок забивает все щели, которые остались у человека незакрытыми. Верблюды идут вслед за погонщиками, но все медленнее утопая копытами в песке. Постепенно привыкаю к ситуации: темно-то, но что-то видно, песок забил не все глаза. Весь в волнении, где Гуся и Марина? Положение никак не зависит от меня, а погонщики идут как роботы. Песчаная буря не утиха-

ет. Ветер усиливается. Слышатся раскаты грома, молний не видно сквозь песок. Неожиданно пошел дождь, редкие, но огромные капли ударяют в нас, вот уж чего невозможно было ожидать в Сахаре. Но самое страшное началось, когда барханы, эти громадные горы песка, начали двигаться, медленно и жутковато. Ветер сдувал с них песок, и они наступали на нас, как ужасные исполины. Казалось бы, надо остановиться или повернуть назад, иначе можно сгинуть среди этих барханов. А эти идиоты-погонщики всё идут и идут вперед.

И тут произошло неожиданное. Верблюды оказались умнее погонщиков и стали сами ложиться на песок. Я запомнил, где залег мой корабль пустыни, и бросился искать Гусю. Оказывается, все верблюды такие умные, все легли пережидать бурю в пустыне. Это мне помогло без особого труда найти моего сына. Он тоже уже успокоился и присел около своего верблюда. Но что делать дальше? Никто не знает, когда закончится буря, я вспомнил, что она может длиться несколько дней, можно умереть от жажды и жары. И тут проводники-арабы, в это трудно поверить, начали продавать напитки и сувениры, для них буря, не буря, баксы дороже. Я на всякий случай скупил несколько бутылочек кока-колы.

Это сейчас хорошо вспоминать, а тогда все было тревожно и даже очень. Сумерки, несется песок, забивает глаза. В критической ситуации память работает быстро. Откуда, не помню, но где-то читал, как вести себя, чтобы выжить в такой буре. Я уложил Гусю рядом с верблюдом с подветренной

стороны, хорошо обмотал ему лицо шарфом, велел обнять верблюда за шею, взять кока-колу и так пережить бурю. Гуся все сделал, а я пошел к своему верблюду, он оказался недалеко. Прошло полчаса или час, а буря не стихала, песок начал засыпать и верблюдов, и людей. Что делать, непонятно. Идти пешком, куда? Ничего не видно. Арабы-погонщики ничего не понимают, сидят и молчат. И опять произошло неожиданное. Верблюды сами начали, как по команде, вставать. Засыпанного наполовину Гусю, обнявшего своего верблюда, теперь уже спасителя и друга, верблюд вытащил из песка. Потом сел, дал возможность оседлать себя и пошёл. Я жестами приказал погонщику, чтобы мой сын был рядом со мной, и животные сами, без всяких погонщиков, двинулись вереницей в обратный путь. Верблюды как будто знали, что буря утихает, барханы останавливаются, светлеет. Через час они привозят нас к отелю.

Марина и Девка уже здесь. Испуганные встречают нас, ведут в номер, и мы начинаем смывать с себя песок. Вода идет еле-еле, а в песке все волосы, нос, уши, зубы, все. Песок мелкий, как пыль. Вымываться не хочет. Ну да ладно, главное, всё обошлось.

Запомнился прекрасный утренний восход солнца над Сахарой. Жуткой песчаной бури как будто и не было. Потом дорога, посещение сказочного городка Али-Бабы и сорока разбойников. Ещё запомнился внезапно обрушившийся на пустыню ливень. Все песчаные русла рек превратились в бур-

*ные потоки, пустыня стала напоминать болото. Вот и всё,
а в остальное «возят».*

11. Три дня в семизвездочном коммунистическом раю

В начале 2000 года мы с Мариной путешествовали по острову Бали. Прекрасное, восхитительное путешествие. Тысячи индуистских храмов, мощные океанические течения, обезьяны, действующий вулкан, сады диковинных птиц и рептилий – в общем, все интересно и замечательно. Но, как все в жизни, и эта красота тоже кончается, две недели пролетели как мгновение, пора улетать из Бали домой, в Москву. Вот мы уже в аэропорту Денпасар, сдаем в багаж чемоданы, идем налегке к пограничному контролю, стоим в очереди, размышляя о долгой и нудной воздушной дороге длиной в 20 часов. Как вдруг мимо нас проходит летящей походкой наш экипаж. Загорелые стюардессы, улыбаясь, о чем-то шепечут с элегантными отдохнувшими пилотами. Мы рады за них, праздничное настроение экипажа кампании «Домодедовские авиалинии» заражает радостью пассажиров, полет уже не в тягость... А зря радовались и те, и другие.

Садимся в ИЛ-76 и чувствуем в салоне сильный, даже очень сильный запах керосина. Кажется, шелкни какой-нибудь дурак зажигалкой, и лайнер взорвется к чертовой матери. К счастью, таких дураков не нашлось. Пассажиры нервничают. А летчики включают двигатели и выруливают ма-

шину к взлетной полосе. Пассажиры возмущаются, кричат стюардессам: в чем дело? Те бегут к пилотам, самолет останавливается у ВПП, и командир объявляет, что по техническим причинам вылет задерживается и мы должны будем подождать вылет в аэропорту. А дело было под старый Новый год, поэтому наши пассажиры особенно не расстроились, кафе, дьюти-фри, вино, шампанское, коньячок. В общем, не скучая, ждем новой посадки в самолет.

Проходит час, другой, народ начинает напрягаться. А народ, надо заметить, серьезный: депутаты, предприниматели, чиновники, все высокого полета, таких простых, как мы, немного. Начинаются звонки в Россию: *«Форс-мажор, вылететь не можем, самолет сломался»*. Стали пытаться понять, что будет дальше. И тут появляется командир экипажа, представляется: *«Летчик первого класса такой-то»*. Собирается собрание пассажиров, и командир объясняет обстановку. Оказывается, из-за влажного тропического климата на Бали вышел из строя стартер одного из двигателей. *«Поэтому, – предлагает командир, – мы заведем остальные двигатели, снимем один из стартеров, перекинем его на смену неработающего, запустим двигатель и полетим, на счет необходимой техники договоримся с руководством аэропорта»*. Все прекрасно, как в каком-то русском гараже, где местные умельцы заводят сломавшиеся «Жигули». Посыпались вопросы от разгоряченных пассажиров, среди которых нашлись и специалисты в авиационном деле. *«Вы что,*

предлагаете нам лететь 20 часов на аварийном самолете?»
«Почему бортинженер за две недели ни разу не прогред двигателя, а развлекался со стюардессами на пляже?» Всем понятно, что даже если двигатель автомашин не заводить несколько недель, то будут проблемы, а это самолет. Разговор на высоких тонах затягивается. Командир стоит на своем, но большинство отказывается лететь. Толпа пассажиров быстро превращается в коллектив единомышленников, попавших в беду. Находится и лидер, спокойный молодой человек с женой и двумя детьми. Он пытается найти для всех рациональный выход из этой экстремальной ситуации. К нему начинают прислушиваться, на него надеются.

Командир сбивчиво пытается спорить, мол, не впервой, долетим, самолет надежный. Вот ведь человек, ради своего реноме и сэкономленных для компании долларов он готов идти сам и вести на смертельный риск полторы сотни людей! В общем, технический фактор перерастает в человеческий.

Наш лидер приводит со знанием дела последний убийственный аргумент. Оказывается, наш самолет должен сделать для дозаправки промежуточную посадку в пакистанском городе Карачи, где, как известно, высокая террористическая опасность. Поэтому дозаправка происходит следующим образом: все присутствующие в самолете остаются на своих местах, двери закрыты. Самолет по периметру окружают пакистанские автоматчики: если кто-то из экипажа или пассажиров высунется из самолета, они будут стре-

лять. Подъезжает автозаправщик, закачивает керосин, и самолет должен лететь дальше. А наш славный лайнер со славным экипажем лететь не сможет. Попробуй объясни пакистанцам, что нам надо перекидывать стартер с одного двигателя на другой, они хоть и азиаты, но эту глупость понять точно не смогут.

Дальше рисуется в воображении пассажиров и экипажа следующая картина. Мы, как заложники, будем вынуждены сидеть неизвестно сколько времени в Пакистане в самолете без воды, без еды, без сортира, в страшной духоте. *«Командир, вы что, с ума сошли?! Вызывайте другой исправный самолет!»* *«Может, нам с Урала привезут исправный стартер?»* – пытается что-то сказать скорее самому себе командир, он и сам впервые попал в такой переплет. В ответ решительно: *«Только новый самолет!»*

Ночь. Все устали, хотят спать. Все одновременно и взбудоражены, какой там Новый год. Звонки, жалобы в Домодедово, угрозы экипажу: *«Гнать вас за такую работу в шею!»* Правда, наш вождь подошел и тихо объяснил командиру, что нужно делать. Они куда-то ушли, а через час ситуация разрешилась так. К аэропорту подъехали несколько автобусов, мы без багажа поместились в них и поехали в какой-то отель с одной мыслью – поскорее лечь поспать. И действительно, минут через двадцать нам уже дают ключи от номеров, куда-то идем, заходим в какой-то номер и засыпаем, уже расцветает.

Утром мы с Мариной не сразу понимаем, где находимся. Огромная кровать, огромная комната, все стены и мебель из красного дерева. Встаем, выглядываем в окно величиной с полкомнаты, видим прекрасную пальмовую рощу, через которую пробиваются лучи солнца. Начинаем исследовать наши апартаменты. Оказывается, номер состоит из трех роскошных комнат, опоясанных лоджиями, нескольких телевизоров и двух холодильников-мини-баров, что впоследствии нам очень пригодилось. Выходим на территорию отеля и понимаем, что мы живем на втором этаже прекрасного коттеджа. Все вокруг утопает в цветах, поют птицы, бегают белки и еще какие-то зверюшки – рай, да и только. Встречаем наших соотечественников, обмениваемся восторгами: *«Это не пять звезд, это семь или восемь!»* Наш вчерашний лидер сообщает, что поблизости в ресторане нас ждет бесплатный завтрак. Отлично, завтрак оказался вкусный, в тон отелю. После ночных переживаний, отдыха и еды история со сломанным самолетом кажется неестественной, сюрреалистичной.

Идем из ресторана и оказываемся на берегу лазурного океана. Бегут необычайно длинные волны, растекаясь по белоснежному песку пляжа. Недалеко огромный бассейн с изумрудной водой. Солнце припекает. Вода зовет! И тут мы с Мариной понимаем, что все наши вещи остались в багаже, в самолете. У нас только гостиничные халаты и теплая одежда, летим-то в зимнюю Москву. Валюта на исходе. Это понима-

ем не только мы, но и все наши пассажиры. Что делать?

Как и в любом отеле, здесь должны быть магазинчики. И точно, есть! Мы находим там какие-то женские купальники и мужские плавки-шорты до колена непонятного цвета. Стоит все три или пять долларов. Выбирать и мерить некогда, уже выстроилась очередь наших россиян. Предприимчивые продавцы сразу поняли причину ажиотажа и начали буквально вздувать цены. 10, 15, 20, 30 долларов за шмотки. А что делать? Отпускники тратят последнее.

И вот через некоторое время на роскошном пляже появляется непонятная публика: десятки мужчин и женщин в одинаковых странных и даже страшных купальниках. Остальные отдыхающие смотрят с опаской, но вроде бы сообщений о побеге из тюрьмы нет, и фешенебельные господа и дамы потихоньку успокаиваются.

Наш отдых неожиданно продлевается на неопределенное время. Нас бесплатно кормят, хотя напитки продают за деньги, но находчивые соотечественники спешно опустошают содержимое мини-баров. Платить все равно нечем. Вот тут-то игодились наши холодильники.

Вождь сообщает, что исправный самолет за нами должен прилететь в ближайшие дни, когда – неизвестно. Некоторые соотечественники, опаздывающие безмерно, отправляются в обратный путь самостоятельно. Большинство, человек сто, не имеет для этого ни возможности, ни желания. Мы с Мариной тоже не имеем желания, хотя в заднем кармане ее джин-

сов неожиданно находятся три сто долларовые бумажки, на билет все равно не хватит. Из самолета нам привозят багаж. Все налаживается, и все бесплатно. Правда, не для всех, не для «Домодедовских авиалиний», которые оплачивают наш неожиданный комфорт.

Так прошли три дня. Океан, бассейн, массаж, прогулки, развлечения. И всегда у нас была информация, что предстоит сделать. Наш лидер на доске объявлений отеля, интернета тогда еще не было, «открыл» нашу страничку. Были еще всякие мелочи. Нас попытались переселить в какой-то более дешевый отель, но не получилось. Вождь доказал администраторам, что никто от этого ничего не выиграет.

На четвертый день за нами прилетел исправный самолет. Это был громадный аэробус, в котором растворилась наша заметно поредевшая группа. Экипаж чувствовал свою косвенную вину перед нами: мы из-за «Домодедовских авиалиний» застряли в этой дыре на краю света. Нас кормили двойными порциями, предлагали неограниченное количество вина, включали советские кинокомедии, разве что не вытирали сопли. В общем, мы долетели прекрасно. Кстати, дозаправка была не в ужасном Карачи, а в гостеприимном ночном Баку. Наш лидер снова превратился в обычного пассажира и ничем не отличался от других. Мне очень хотелось предложить ему избраться в какую-нибудь власть, но я постеснялся, боясь этим обидеть его.

Что стало со сломавшимся самолетом и его экипажем

– неизвестно, скорее всего, им привезли исправные запчасти, помогли починить стартер и отпустили восвояси, а может, уволили с работы. А как они проводили свое время эти четыре дня, мы не знаем, в нашем семизвездочном коммунистическом раю их не было.

12. Болезнь гениев и королей

Так называют подагру. Но это неправда. Я не гений, не король, а она всегда со мной. Я не люблю публично говорить о своих болячках, тем более писать. Для этого есть другие люди – врачи. Сейчас достаточно набрать в поисковике «подагра», и вам расскажут о ней. Теперь, когда я тоже о подагре знаю все или почти все, не как медик, конечно, а как пользователь этой зловредной болезни, могу подтвердить, что вылечить ее невозможно, но с ней можно договориться и жить. Но какими нестандартными путями я дошел до этого понимания, мне кажется, будет интересно.

Впервые я столкнулся со своей теперь родной подагрой, а тогда мне незнакомой, где-то в середине девяностых годов (прошлого века!). Подагра очень коварна. Идешь себе по ровной дорожке, ни о чем плохом не думаешь, и вдруг палец ноги пронзает жуткая боль, как будто ты ударил, как в фильме «Осенний марафон», со всего размаху по кирпичу. Потом начинаешь прыгать на одной ноге, как воробей, с трудом добираясь домой. Нога краснеет и опухает. Никакие обезболивающие не помогают, как говорится, хоть на стенку лезь. Но через какое-то время, это может быть несколько часов или дней, все эти муки сами по себе очень быстро исчезают. И ты, абсолютно здоровый, в недоумении: что это было? И так до следующего неприятного сюрприза, который

случается в самый неподходящий момент. То на лекции, то за рулем, то в гостях. Так продолжалось многократно, надо было что-то делать.

Однажды, мы тогда жили в подмосковном Пушкино, я собирался ехать, как всегда, на машине на занятия в университет. Вдруг, как всегда, неожиданно, приходит моя родная подагра, на сей раз в район берцовой кости, где у меня есть небольшой костный нарост. Когда-то в детстве меня ударили при игре в футбол. Хорошо, что недалеко от нашего дома располагалась так называемая железнодорожная поликлиника, и моя теща, Маргарита Ивановна, как медик и как постоянный пациент, хорошо знала врачей этой поликлиники. Она договорилась с грамотным женщиной-хирургом, и я поковылял на прием. Мне сделали рентген, внимательно осмотрели, ничего не нашли и чуть не объявили меня симулянтом. Я идти не могу, а мне говорят: *«У вас ничего нет, вы здоровы, поезжайте на работу»*. И вроде врачи нормальные, и я не с улицы пришел. Какие-то чудеса. Какая там машина. Конечно, я никуда не поехал, а через несколько часов приступ прекратился. Теперь я уже знаю, почему рентген ничего не показал, он и не мог показать. Настолько мала и неприметна причина этого явления. Врачи, как ни странно, просто не понимали, что у меня подагра.

Я тоже ничего не понимал, как и моя жена. А может, у меня рак кости? Уже всякие предположения лезут в голову. Записался в Институт онкологии на Каширке. Приезжаем,

оплачиваю, сдаю анализы крови, и пока мою кровь исследуют, поднимаюсь в хирургическое отделение на прием к профессору. Меня осматривают несколько человек врачей, целый консилиум, все почему-то армяне. Я рассказываю про болевые приступы, про последний на костном наросте. Совещаются, смотрят рентгеновские снимки и выносят вердикт. *«Вам нужно срочно делать операцию, вырезать часть берцовой кости, там, где находится нарост».* *«А как же приступы боли в других местах?»* – пытаюсь понять я. *«Эти все воспалительные процессы из-за деформации кости в связи с наростом, – с умным видом безапелляционно заявляют мне врачи-армяне, – если не вырезать часть кости, воспаления будут продолжаться и это приведет к развитию онкологии».* *«А как же я буду ходить без кости?»* *«Ничего особенного, – заявляют медицинские светила, – будете ходить с палочкой, получите вторую степень инвалидности, у многих так!»* Этим профессорам даже в голову не пришло, что у меня подагра. Они даже не дождались результатов анализа крови, сказали, что надо прийти еще раз. У меня хватило ума спуститься в лабораторию. Оказалось, что женщина-врач, гематолог, специалист по крови, уже посмотрела мои результаты. *«Поздравляю, вы не наш клиент»*, – сказала она. Я вздохнул с облегчением. Рака кости нет. Мы с женой уехали с противоречивым чувством радости и недоумения.

Можно, конечно, говорить о том, что мафия армян, врачей-непрофессионалов, хотела заработать на мне деньги и

превратить меня в инвалида, но это скорее типичная история для здравоохранения тех лет. Я хорошо отношусь к армянскому народу и поэтому оставляю эту тему без обсуждения.

Но надо как-то понимать, что делать дальше. Ожидать каждую минуту болевой шок – это не жизнь, пришлось даже прекратить вождение машины, передав эту функцию Марине. По какой-то, уже не припомню, серьезной протекции я попадаю в знаменитый ЦИТО, Центральный институт травматологии и ортопедии, известный как место, где собирают разбившихся спортсменов. Сразу приходит на память история нашего великого спортсмена Валерия Брумеля. Никаких денег не плачу. Встречает меня женщина, профессор-травматолог. Уверенная, доброжелательная, русская. Я рассказываю ей свою историю, показываю снимки, результаты анализов. Она издевательски смеется над бездарностью своих «коллег» из Каширки. *«Кто же сейчас так поступает? Мы из инвалидов делаем здоровых людей, а они хотят сделать из здорового человека инвалида! В общем, так, никакой кости вам вырезать не надо. Мы отрежем ваш нарост, а чтобы укрепить кость, поставим на шурупах титановую пластинку!»* В общем – готовься к операции, резать этот отросток к чертовой матери! Так уверенно, так напористо, что трудно не лечь немедленно на хирургический стол. Но что-то меня в этой уверенности смутило. Я решил подождать, приступов никаких пока нет, будут – приду. И опять даже

ни слова, ни предположений о подагре. Профессора, понимаешь!

В это время в Левково, в соседнем с нами коттедже, поселился Анатолий Тарасович Можин, бывший заведующий травматологическим отделением 20-й больницы в Бабушкино. Его сын Николай, предприниматель, переехал жить в Испанию, а дом отдал отцу с матерью. Мы с Тарасычем быстро подружились, его очень волновали политические темы, а мне было что сказать. Вообще он был очень добрый и отзывчивый человек, бывший юнга, офицер, боксер и врач от Бога. Его очень любили и уважали в больнице и коллеги, и больные, он даже был неосвобожденным секретарем партийной организации – коммунистический, то есть начальник главврача. Я как-то рассказал Тарасычу о своих мытарствах. Он посмотрел мою ногу, снимки и сказал, что с костью все в порядке, резать ничего не надо, дождись обострения. И вроде бы как забыли про этот разговор.

Анатолий Тарасович, врач от Бога

Прошло какое-то время. Приходит моя старая знакомая незнакомая подагра со всеми своими прелестями. За ночь нога распухла, красная, болит. Утром Тарасыч говорит, чтобы я немедленно собирался, едем в больницу. Марина нас привозит. Я хромаю, Тарасыч ведет меня под руку. Заходим сначала к замглавврача, травматологу, другу Тарасыча. Представляет меня – уважаемый человек, профессор, политик, сосед и друг. Надо помочь. Советуются, что со мной

творится. Вроде что-то с суставами, а что – непонятно, повреждений вроде нет. Ну, давай обследоваться, говорит зам, и дает соответствующие распоряжения. Одно слово Тарасыча, и мне немедленно делают рентген в разных проекциях, собирают консилиум травматологов, бывших его коллег и учеников. Предположений много, но определенно никто диагноз поставить не может, разводят руками. Ну хотя бы резать никто не предлагает. Сходятся в одном: нужен специалист-ревматолог. И тут кто-то вспоминает, что в учебном отделении преподает одна женщина, Каневская, ревматолог, недавно докторскую диссертацию защитила, правда, еврейка и стерва необыкновенная... Надо попробовать к ней попасть. Через начальство договариваемся, к счастью, Каневская в больнице.

Долгими переходами из корпуса в корпус Тарасыч ведет меня, хромого, к этой Каневской. Все врачи и медсестры с ним здороваются, улыбаются, Тарасыч тоже рад, в своем родном доме, всем меня представляет, улыбается. Наконец приходим в учебный корпус, находим нужный кабинет. Заходим. За столом сидит довольно молодая женщина с ярко-рыжими выющимися волосами, в очках, остроносая, взгляд недобрый. *«Вам звонили»*, – говорит Тарасыч. *«Звонили, звонили, кто здесь больной? Вы?»* – Это мне. – *Раздевайтесь до трусов. А вы что стоите?»* – Это она Тарасычу. – *Нечего здесь стоять, подождите за дверью!»*. Оскорбленный Тарасыч зыркнул глазом из-под густых седых бровей –

«стерва, еврейка»! Но промолчал, вышел.

Каневская велела мне лечь на смотровой жесткий стол. Посмотрела на мою ногу, ничего не спросила, только сказала: *«Все понятно»*. Тут она открывает дверь, и в кабинет входят десятка полтора молодых людей и девушек в белых халатах, как я понял, студенты, а перед ними лежу я, профессор, почти голый. *«Так, – строго говорит Каневская, – начинаем занятие. Перед вами типичный случай подагрического артрита в стадии обострения»*. Я оказался для нее очень полезным, вовремя оказавшимся наглядным пособием. Дальше она рассказала студентам, а заодно и мне, природу подагры. Болезнь связана с врожденным нарушением обмена веществ, которое приводит к увеличению пуринов и, как следствие, повышению концентрации мочевой кислоты. В обычном состоянии болезнь никак себя не проявляет, но при достижении концентрацией этой кислоты порога кристаллизации происходит образование кристалликов, как правило, в суставах ног. Это приводит к мгновенному порезу суставной сумки, что вызывает болевой синдром и последующее воспаление, повышение температуры в области поражения сустава, что и наблюдается сейчас у меня. Как только концентрация мочевой кислоты снижается, кристаллик растворяется, и приступ подагры прекращается.

Студенты с интересом разглядывали и щупали мою больную ногу. Хорошо, что я смог перед отъездом принять душ и приятно пахнул. Потом Каневская расспрашивала меня про

питание, про образ жизни, объясняла студентам и мне, что нельзя и что можно есть и пить. То есть о диете, не содержащей пуринов. Занятие закончилось, я оделся. Каневская спросила, все ли я понял, и рассказала о программе лечения. Лечение заключалось в строжайшей диете: не есть жирное, красное, фасоленое, грибное, цветную капусту и т.д., и т.п. Пить можно только водку и белое вино. Принимать аллопуринол, снижающий концентрацию мочевой кислоты, при обострении – колхицил. *«Все, с вас пятьдесят долларов, через неделю показаться».*

Я вышел, на скамейке в коридоре сидел сердитый, обиженный Тарасыч. *«Ну что?»* *«Сказала – подагра, прописала лечение, толковая тетка»*, – сказал я. *«Посмотрим»*, – буркнул Тарасыч и сказал что-то недоброе в адрес еврейского народа.

Вот и все. После приема лекарства все прошло. Правда, через неделю опять приступ, я созвонился и пошел к Каневской. Как же так, я принял все, что вы прописали, а ничего не помогло? *«Не один раз принимать, а каждый день по две таблетки»*, – строго сказала она. *«И долго ли пить?»* *«Всю жизнь! С вас пятьдесят долларов за прием»*. Один раз я попробовал сделать перерыв в приеме аллопуринола, побереечь печень. Моя любимая подагра не заставила себя ждать – явилась во всей красе через неделю. Больше я таких экспериментов не провожу. Никогда, и пока все нормально.

Вот так и живу много лет в согласии со своей подагрой.

Не гений, не король, не царь и не герой. Пока без палочки, с неотрезанной ногой. Благодарен и Тарасьчу, и Каневской. Вылечить подагру нельзя, но жить с ней можно! У меня было немало друзей и знакомых, которым я помог преодолеть этот недуг. Даже на старости лет у самого Тарасьча разыгралась подагра, и мы ее так, со знанием дела преодолели, правда, он умер от сердечного приступа. Царствие небесное этому святому человеку!

13. Лос-Анджелес, вино и пиво

Летом 2007 года мы с Риткой путешествовали по городам Соединенных Штатов. Ритка была уже взрослой, ей шел 21 год, прекрасно говорила по-английски. Нам надо было как-то отвлечься от грустных мыслей: недавно мы похоронили Маргариту Ивановну, любимую мною тещу и Риткину бабуленьку. Уже не помню, как и кем была организована наша поездка, но она получилась очень впечатляющей. Америка и американцы предстали в необычном для нас свете. Но речь не об этом, это не совсем предсказуемо. А что нестандартно? Да почти все! Выберу только один сюжет, связанный с Лос-Анджелесом и проживавшей в нем нашей родственницей, двоюродной сестрой моей жены Марины, Ани Сеницыной.

Мы не были, несмотря на родственность с Аней, лично знакомы. Почему-то не попали к ней на свадьбу в Москве, потом Аня с мужем-евреем и его родителями переехала в США. Там ее семейная жизнь не сложилась, но она преодолела немислимые трудности и стала вполне уважаемой гражданкой Америки. И она, и мы ждали встречу с нетерпением.

Прилетев в Лос-Анджелес, поселившись в прекрасной гостинице «Хилтон», в районе Беверли-Хиллз, мы с Риткой отправились на такси к нашей родственнице. Русскоговоря-

ший водитель оказался почти копией американского таксиста из фильма «Брат 2». Он нес какую-то чушь про Россию, Америку, их президентов, но привез нас правильно, а по дороге помог нам приобрести пару бутылок хорошего калифорнийского вина.

Встреча с Аней и ее бойфрендом Мишей (до иммиграции одесским евреем) была очень душевной, приятной, интересной. Мы даже не заметили, как за ужином и разговорами неспешно уговорили три бутылочки вина.

Наша родственница Аня Синицына в Калифорнии

Анечка уже много лет жила в Америке, давно получила гражданство, воспитывала дочь Диану. У нее все удачно сложилось с работой. Полученная еще в СССР специальность оказалась очень даже востребована, и наша родственница работала дизайнером по швейным делам в престижном бутике. Она снимала двухуровневую квартиру в центре Лос-Анджелеса рядом с аллеей голливудских звезд. Я говорю об этом для того, чтобы подчеркнуть, что Аня чувствовала себя в Штатах абсолютно уверенно.

Вечер нашей по-родственному теплой встречи подходил к концу. Мы с Риткой стали собираться в отель. Я спросил у Ани: *«Как у вас здесь принято, вызывать такси по телефону или ловить на улице?»* Она сделала удивленное лицо: *«А зачем вам такси? Я сама вас отвезу»*. Я попытался возразить: *«Но ведь мы прилично выпивши?!»* *«Не волнуйтесь, все нормально»*, – спокойно подтвердил бойфренд Миша. Нам ничего не оставалось делать, как спуститься в подземный гараж, сесть в Анину громадную спортивную «Тойоту» и поехать по ночному Лос-Анджелесу.

Мы уже имели представление об американских «гаишниках». Их обычно не видно, но если кто-то из водителей что-то нарушает, полицейские появляются как будто из-под земли и наказывают нарушителей очень крепко. Дорога по городу проходила так, что на каждом перекрестке приходилось тормозить у светофоров. Я, конечно, переживал, что вдруг

нас сейчас остановят и Аню проверят на «допинг», мысленно представлял, какие бы последствия были у нас в России. Но никто из встречных «копов» на нас не обращал ни малейшего внимания. Мы благополучно добрались до отеля, попрощались и договорились завтра ехать на океан. Через полчаса я позвонил Ане и, только убедившись, что она уже дома, успокоился.

А с алкоголем в Америке все непросто. Пить любые спиртные напитки, даже самые легкие, можно только после 21 года, это касается не только граждан США, но и всех, кто в этой стране оказался. То есть служить в армии, рисковать жизнью, проливать кровь за родину можно с 18 лет, но никто из защитников не имеет права выпить даже глотка пива до 21 года. Молодые люди тоже имеют право заключить брак с 18 лет, но упаси бог, если жених и невеста выпьют у себя на свадьбе бокал шампанского, если им нет 21 года.

Нельзя пить в любых общественных местах, в том числе на пляжах, пикниках, в парках, в лесу, в горах. В машинах нельзя провозить алкоголь, кроме как в багажниках и в упакованном виде. Причем все эти нормы носят ранг федеральных законов, обязательных во всех штатах. Если решать вопрос о применении смертной казни может каждый штат и некоторые применяют, то сделать какую-то слабину с алкоголем нельзя.

На следующий день Аня с дочкой Дианой приехали за нами в отель, и мы направились в сторону океана. По дороге я

спросил нашу родственницу: *«Как же, при всех строгостях у вас с алкоголем, ты вчера спокойно ехала за рулем, неслабо выпивши?»* Аня спокойно ответила: *«Но я ведь ничего не нарушала, поэтому полиция не имеет права меня остановить»*. Я понял, что для нее, и не только для нее, по крайней мере в Лос-Анджелесе, это нормальная практика.

Мы заехали в какой-то магазинчик купить продуктов на пляж и выпить кофе. Купили каких-то чипсов, соков, еще чего-то. Я решил взять несколько баночек «Будвайзера», американского пива. Но Аня строго предупредила меня, что пиво нельзя пить ни в магазине, ни в машине, ни на пляже, а надо его положить в упаковке в багажник, иначе штраф 500\$.

Я по наивности предложил выпить пиво на пляже из кофейного бумажного стаканчика с крышкой через пластмассовую трубочку. На что Аня сказала: *«Если полицейские узнают, что ты еще их хочешь обмануть, штраф будет уже на 500, а 1000\$!»* Я не особенно поверил, а зря.

<http://vkumov.tourbina.ru>

Пляж в Лос-Анджелесе тянется на много километров

Мы подъехали к великолепному океанскому пляжу. Оставили машину в метрах трехстах от пляжа на стоянке. Взяли что надо. Пиво я, естественно, оставил в багажнике. Лазурные волны, белый песок тянутся на много миль вдоль побережья. Купаемся, загораем, все прекрасно, но солнце припекает. Жарко. Я наблюдаю пляжную жизнь. Мимо отдыхающих голых тел на квадроциклах то и дело проезжают полицейские в шортах. Вдоль кромки берега кружатся небольшие полицейские вертолеты. А на берегу, через каждые две-

сти-триста метров, стоят вышки со стеклянными будками, в них тоже полицейские, иногда с биноклями. *«Какая у вас замечательная забота о безопасности отдыхающих! Здесь, наверное, невозможно ничего ни украсть, ни взорвать, ни утонуть!»* – делюсь я своими, так сказать, наблюдениями. На что получаю от Анечки разъяснение: *«Они следят, чтобы никто не курил, не пил ни вина, ни пива. Остальное их мало интересует!»*

Наблюдаю повнимательнее. Действительно, полицейские очень пристально вглядываются, что пьют отдыхающие. Иногда квадроциклы останавливаются, пляжные полицейские подходят к людям и о чем-то беседуют. О чем были эти беседы, можно только догадываться, к нам они не подходили, наверное, правильно поняли, что мы ничего не нарушаем: не пьем, не курим, толерантно называем негров афроамериканцами.

Но пива надо выпить. Я уже знаю, как. Это целая нестандартная операция. Беру ключи, иду к машине, открываю капот, как будто что-то ремонтирую. Открываю багажник, делаю вид, что что-то ищу. На самом деле откупориваю баночку еще прохладного пивка и пью, посматривая, нет ли по близости копов. Нет, я никому не нужен. Ну и ладно. Довольный, возвращаюсь на пляж. И такие манипуляции провожу неоднократно и всегда результативно.

Кстати, еще к теме. Ритке в это время в июле не было 21 года. Но у нее в водительских правах стояла дата рождения

05.12.1987, что по-русски 5 декабря, а по-американски – 12 мая. Поэтому проблем с алкоголем у Ритки не было, но она этим и не злоупотребляла.

В Соединенных Штатах мне пришлось побывать несколько раз, во многом благодаря нашему другу Кемерону. Не могу сказать, что американцы не любят русских, они никого не любят, кроме себя, а мы им, скорее, безразличны, ну мне так показалось.

14. Птицы Пномпеня

Теперь о Камбодже. После нашего многодневного путешествия в 2009 году по Вьетнаму мы с Мариной ненадолго заехали в Камбоджу, не ожидая ничего особенного, но оказалось все нестандартным. Чудо света – пирамиды Анкор-Ват, плавающие деревни рыбаков, великолепная природа, последствия кровавой истории с красными кхмерами, дешёвые драгоценные камни. Все это подсказывало: надо в эту страну приехать не на полтора дня, а по-настоящему, что мы и сделали через год с друзьями Черноусовыми и дочерью Риткой.

Это была серьёзная поездка. Мы подробно разрабатывали маршрут. Дело в том, что Камбоджа очень разная. Она тянется на сотни километров, меняя ландшафт и историю. На севере – знаменитый затерянный на много веков в джунглях древний город Анкор-Ват. Столица Камбоджи – Пномпень – примерно в центре страны, а на юге, на берегу Сиамского залива, – город Сиануквиль.

Страна бедная и несчастная. Она перенесла несколько войн, на маленькую Камбоджу американцы сбросили больше бомб, чем было сброшено за всю вторую мировую войну. Красные кхмеры устроили страшный геноцид, в результате которого были убиты несколько миллионов камбоджийцев, почти треть населения. До сих пор ежегодно тысячи человек

погибают от мин, которыми буквально нашпигованы местные джунгли. Но это страна прекрасная, неповторимая, а наше путешествие – одно из самых интересных путешествий по юго-восточной Азии.

Необычный случай произошел с нами в столице. Пномпень, несмотря на наши предположения, оказался вполне цивилизованным городом с двухмиллионным населением, построенный еще французами. Колорит ему добавляли буддийские храмы и дворцы. Мы приехали под вечер, поселились в неожиданно прекрасном отеле, перекусили и пошли погулять, без особых целей и маршрутов. И ноги сами нас привели на центральную площадь города, где расположен королевский дворец.

А в это время Камбоджа переживала траур по скончавшемуся несколько недель назад королю Сиануку. В буддийских государствах к смерти особое отношение, это не горе, а перерождение души человека в другое живое существо, в какое – неизвестно, может, в зверя, может, в птицу. У Сианука, как бы поделикатней сказать, была непростая политическая судьба. Там были и иммиграции, и предательства, и победы. Но, как бывает в таких случаях, народ его все равно обожал. Но это предмет для историков, а мы – туристы. Короля еще не похоронили, ожидали окончания строительства мавзолея. Поэтому на королевском дворце находился огромный портрет Сианука, а дворец и площадь были украшены соответствующим моменту образом – огнями и иллюминацией.

По площади бродили многочисленные туристы, смотрели на необычное зрелище. Их развлекали мальчишки лет 10–12. Развлечение было специфическим. У каждого из них была большая клетка с птицами. Птиц в клетке много, они такие набольшие, беленькие. Так вот, мальчишки предлагали туристам за доллар выпустить из клетки на свободу одну птичку, якобы это означало что-то в память о душе усопшего короля. Что именно, было непонятно, поэтому птичий бизнес на площади шел не слишком бойко.

Ритка всегда была равнодушна ко всякой живности, а тут – птицы в клетках, веганская душа просто разрывалась. Птицы требовали свободы! Когда к ней подошел мальчишка с предложением выпустить за доллар птичку, Ритка начала вести с ним переговоры на каком-то непонятном англо-индонезийском языке. *«Папа, у тебя есть десять долларов? Я договорилась, что он за это выпустит всех своих птичек!»* – радостно сообщила она. Долларовая бумажка, у меня, конечно, нашлась. Ритка показала ее пареньку, тот открыл дверцу клетки, и стая птиц взлетела над королевским дворцом. Доллары перекечевали в руки довольного паренька. Все были в восторге, но тут обнаружили, что поторопились.

К нам уже выстроилась очередь из мальчишек с клетками, которые, наверное, подумали, что эти сумасшедшие туристы за свободу птиц каждому подарят по десять баксов, что совсем не входило в наши планы. Ритка пыталась им что-то объяснить, что это только ему, показывая на первого маль-

чика. Но не тут-то было. Какой-то парнишка из очереди уже открыл дверцу клетки, и вторая стая поднялась в небо. Мы раскрыли рты от неожиданности, а парень с чувством выполненного долга подошел к нам и стал требовать свои десять долларов. Очередь из мальчишек была готова последовать его примеру. Но мы совсем не собирались таким дурацким образом разбазаривать валюту, поэтому развернулись и пошли прочь с королевской площади. Маленький негодяй бежал за нами и орал благушей на весь Пномпень, все более настойчиво требуя свои «законные». На любые наши слова он не обращал внимания. Потом он начал взывать к общественности. Дело в том, что мы хотели покататься по ночному городу на тук-туке. Около площади стояли с десятков этих маленьких машин в ожидании пассажиров. Когда мы подошли к ним, наш преследователь начал что-то говорить водителям, показывая то на нас, то на свою пустую клетку. Заметив недобрые взгляды кхмеров, мы отказались от поездки и двинулись в сторону отеля. Мальчишка не отставал, продолжал орать и размахивать руками.

Я уже было предложил откупиться, отдать ему эти несчастные 10 долларов, чтобы он отстал от нас, но мои спутники категорически отказались: *«Нельзя поощрять его глупость и наглость, покажем принципиально, что с нами этот номер не пройдет!»*

По дороге нам попался полицейский патруль, мальчишка бросился к ним, опять показывая свою пустую клетку и

гневно тыча пальцем на нас. Не хватало нам еще связываться с полицией! Но Ритка объяснила полицейским, что птиц мальчик выпустил сам, а теперь у нас вымогает деньги. После этого стражи порядка потеряли интерес и к нему, и к нам. Но наш преследователь не отставал и так бежал за нами до самого отеля, где его прогнал охранник.

Но на этом неприятности не закончились. Мы расположились на балконе нашего неожиданно прекрасного номера в прохладной тишине ночного Пномпеня, Черноусов достал в качестве сюрприза бутылку русской водки, а я – селедку, завернутую в газету «Правда». Выпили, закусили. Начали обмениваться впечатлениями о произошедшем. Вдруг Володя заволновался, пошел в свой номер, вернулся и доложил, что в этой суете с птицами пропала его кредитная карта. Романтический вечер был нарушен. Стали думать, что делать. Нас предупреждали, чтобы мы очень внимательно следили за кредитками, потому что наглые камбоджийские преступники легко взламывают их и воруют деньги. В наглости и настойчивости этой публики мы уже не сомневались! Решили, что карточку надо срочно заблокировать. Оказалось, что карточка служебная, заблокировать ее могут только сотрудники фирмы, Черноусов не смог с ними связаться, в общем, дело приобретало неприятный оборот. Все были расстроены.

Вдруг раздался деликатный стук в дверь, за дверью стоял сотрудник отеля и через Ритку-переводчика поинтересовался, не потерял ли господин Черноусов свою кредитную кар-

точку, и протянул пропажу ему. Володя был готов расцеловать швейцара, но ограничился презентом в двадцать долларов, что, по камбоджийским меркам, немало. На радостях выпили еще.

Позже знающие люди нам рассказали, что эти птицы Пномпеня ручные. Мальчишки отдают их за доллар туристам, те их выпускают якобы на волю. Но воли птички не хотят и вечером возвращаются на кормежку в свои же клетки. И так происходит каждый день. Вот такой круговорот перерожденных душ.

Сиануквиль тоже оказался прекрасным местечком с чистейшим теплым морем, белоснежным песком и вкуснейшими морепродуктами. Многие наши соотечественники приезжали сюда, жили месяцами, а некоторые и годами, наслаждаясь волшебной и дешевой камбоджийской жизнью. Мы им даже немного позавидовали. Но не миллионеру Полонскому, который устроил здесь инцидент с пограничниками, был арестован и посажен в тюрьму. Камбоджийцы – приветливый и доброжелательный в большинстве своем народ, но нельзя этим злоупотреблять.

15. Предвыборный парад, или Заговор трех генералов

На самом деле это был заговор, в общем-то, хорошем смысле слова. То есть не планировалось никаких политических катаклизмов, переворотов, свержений кого-либо, просто шла избирательная кампания.

Главным претендентом на пост главы Пушкинского района Московской области в 2005 году был Владимир Иванович Башкирцев, генерал-майор МЧС, бывший начальник учебного центра спасения – Центроспаса, а в то время исполняющий обязанности главы района. Конечно, Владимир Иванович не по своей воле совершил такую «рокировку», для этого были определенные обстоятельства, но это отдельная тема, весьма типичная и стандартная для российской политики. Безусловно, наш кандидат был необычным генералом. Он был человеком творческим, об этом говорил порядок в руководимом им Центроспасе, где солдатам, служившим там, на завтрак подавались самые настоящие йогурты, где в питомнике служебных собак содержался самый настоящий волк, а в глубине центра, в сельскохозяйственном подсобном хозяйстве, кроме коров и свиней жил самый настоящий медведь. Центроспас МЧС был при Владимире Ивановиче небольшим самодостаточным городком в городе Ногинске.

В этом городке в образцовом порядке было все – от тренировочных площадок, где спасатели отрабатывали навыки борьбы с авиа-, железнодорожными и прочими катастрофами, до территории, где дорожки, например, не просто очищались от снега, а отброшенный снег утрамбовывался в виде ровных высоких поребриков.

Я, как руководитель штаба этой необычной избирательной кампании, сам не раз был в этом, не скрою, интереснейшем месте, еще и потому, что посещение представителями общественности Пушкинского района Центроспаса было одним из тактических ходов нашей кампании. Дело в том, что мне, как начальнику штаба Башкирцева, надо было найти ответ на главный вопрос: «Зачем рекреационному Пушкинскому району нужен «варяг» из Ногинска, да еще и генерал МЧС?». Было сломано немало копий на «мозговых штурмах», ничего путного не давали ни экспертные опросы, ни социология.

Мне, человеку, для которого Пушкинский район был хорошо знаком, я там работал и жил много лет, вырисовывались главные архетипы имиджа кандидата. Первое – «спасатель». Казалось бы, кого спасать в тихом подмосковном районе? Есть кого. В районе находится каскад водохранилищ, связанных с каналом имени Москвы, построенным много десятилетий назад. Защитные земляные дамбы давно устарели, и это грозит возможными прорывами и катастрофическими наводнениями. Как тут без спасателя? Второе – гене-

рал наведет порядок с коррупционерами и преступниками. Тем более что за Башкирцевым стояла фигура самого Сергея Кожугетовича Шойгу, очень уважаемого в народе. И наконец, надо показать, что наш кандидат – умелый хозяйственник.

Для этого и были избраны поездки пушкинской общест-венности в Центроспас. Генерал сначала показывал гостям свое замечательное хозяйство, потом кормил вкусным обе-дом прямо в солдатской столовой и в заключение рассказы-вал о том, какие необходимы преобразования в Пушкинском районе. Вдохновленные участники этих экскурсий – учителя, врачи, пенсионеры, предприниматели, – вернувшись рас-сказывали своим знакомым и родственникам о необычно-венном генерале.

В. И. Башкирцев

Генерал Башкирцев был человеком креативным. Мы в ходе избирательной кампании долго думали, как привлечь на нашу сторону ветеранов Отечественной войны и их родственников, что им подарить на шестидесятилетний юбилей Победы. Предложения были разные: чайные сервизы, пледы, постельные наборы и т.д., и т.п. Все как-то не то. И вот Владимир Иванович объявил: *«А давайте подарим ветеранам термосочки. Сидит ветеран в очереди в администрации, попивает чаек, и не так противно и скучно»*. Купили небольшие термосы, по форме напоминающие артиллерийский снаряд, выгравировали не каждом: *«Спасибо Вам за Великую Победу! Генерал В. Башкирцев»*. И не важно, что он генерал МЧС и родился через десять лет после окончания войны, фронтовикам получить этот подарок, да еще в дополнении с продуктовым набором, было приятно. Наверняка ветераны и их родственники вспомнят об этом в день выборов главы района и проголосуют за генерала В. Башкирцева.

В общем, приятно было работать с таким интересным кандидатом. Его не надо было учить работать на большую аудиторию, выступать на телевидении, завоевывать душевным разговором избирателей.

На территории Пушкинского района, в этом нет никакой тайны, находились бригада внутренних войск МВД и воинские части войск противоракетной обороны. Многочислен-

ные офицеры этих подразделений были жителями района и соответственно избирателями. Для них Башкирцев тоже придумал подарки ко Дню Победы – какие-то необычные швейцарские ножи. Сотрудники избирательного штаба купили их с большим трудом. Но это стоило усилий. Представьте себе: старший лейтенант, или капитан МВД, или ракетчик, семейный, небогатый, получал такой полезный и престижный сувенир, который он не мог позволить себе купить, да еще и с гравировкой: «От генерала В. И. Башкирцева». Конечно, и он, и его жена вспомнят об этом в день голосования и проголосуют за такого главу района, с надеждой на новые подарки.

Приятно было работать с таким кандидатом, хотя, как в любой избирательной кампании, были свои проблемы. Первоначальная неуправляемость кандидата, капризы спонсоров, пестрый состав штаба со своими внутренними интригами, непростые соперники и т.д., но это, опять-таки, вещи обычные, стандартные, которые мне приходилось решать, и я их решал. Кампания как кампания, но кандидат интересный.

Владимир Иванович был человеком харизматичным, его не надо было учить, как говорить с избирателями, не зря он успешно водил гуманитарные конвои, в том числе в воюющую Югославию, и везде находил общий язык с разными людьми. Совершенно естественно, что для него не было проблем наладить отношения с командирами вышеупомя-

нутых подразделений – генералом МВД и генералом ракетных войск. Не помню их имена, могу только догадываться, какие были у генералов тусовки, знаю результат – Башкирцев их уговорил и убедил. Так возник заговор трех генералов – провести военный парад. Их можно понять. Ежедневная рутинная служба, неустроенность и безденежье офицерских семей, вечные проблемы с техникой, со снабжением. Пусть у военных людей хоть теперь будет праздник. Согласовать с начальством? Зачем? Мы в своем районе. Мы командиры и генералы, в конце концов! Решено.

Башкирцев сообщил, а он, напомним, главное должностное лицо в районе, что в День Победы в городе Пушкино военный парад. Жители этого небольшого, тихого подмосковного городка никаких таких парадов никогда не видели, да и зачем? Москва рядом, полчаса на электричке, и ты почти в центре столицы. Переубедить генерала отказаться от этого сомнительного мероприятия было невозможно. Во-первых, говорил он, может, это для многих ветеранов войны последний юбилей, они заслужили необычный праздник. Во-вторых, командиры дали согласие привезти и показать настоящую современную военную технику. В-третьих, это ничего не будет стоить районному бюджету, а резонанс среди избирателей будет огромный.

Я могу сказать, что Владимиром Ивановичем двигали разные чувства. Он, как человек патриотический, искренне хотел необычного праздника для ветеранов. Он также хотел са-

моутвердиться среди жителей города как глава, как руководитель, как хозяин. И наконец, может быть, это первый и последний парад генерала Башкирцева.

Взвесив все плюсы и минусы, избирательный штаб не стал возражать против военного парада, тем более что в этом случае возражать было бесполезно. Заговор трех генералов приобрел реальные черты. Наступило 9 мая 2005 года. День Победы. Город украшен флагами, цветами, играет оркестр, на центральной площади – трибуна, на трибуне – ветераны, гости – политики, и конечно, командиры-генералы в парадной форме. Необычайно много вдоль Московского проспекта жителей города. В общем, пока все предсказуемо. Речи, поздравления, ответные слова, хорошая погода, праздничное настроение.

Начинается военный парад. Его открывают военнослужащие Центроспаса, красивые ребята в оранжевых беретах с аксельбантами. Они демонстрируют строевое шоу с перестроениями, разворотами, перебежками, при этом ловко манипулируют автоматами. Публика в восторге, генералы сияют. Дальше – больше. Провинциальное Пушкино наполняется гулом мощных моторов. На площадь выходит военная техника ВС МВД. Не спеша едут военные автомашины, потом БМП и БТР, колонны милиционеров. С флагами, командиры подразделений в парадной форме, в белых перчатках отдают честь генералам. Все не хуже, чем на Красной площади. Апофеоз парада. На площадь выдвигаются стратеги-

ческие ракеты. Маленький городок стал, кажется, еще меньше от громадин двухкабинных тягачей-«ураганов» и исполинов-ракет. Впечатление потрясающее! Все в восторге, вот это действительно праздник! Как смогли эти махины проехать по нешироким улицам Пушкино, для меня по сей день остается загадкой.

Торжественные мероприятия и военный парад окончены, начинаются народные гуляния. Теперь все как обычно, все предсказуемо. В здании администрации традиционный прием для ветеранов, гостей-политиков и местного начальства. Рюмки наполнены, кое-кто уже выпивает и ест бутерброды, а генерала Башкирцева, и.о. главы, все нет, нет и других генералов, главных героев сегодняшнего торжества. Публика волнуется, недовольно перешептывается, наверное, решили выпить по-генеральски без нас. Наконец появляется Владимир Иванович. Несмотря на парадную форму, выглядит не совсем празднично, мрачен. Но произносит тост за Победу, за ветеранов. После третьей рюмки лицо его веселеет, тосты, шум, все хорошо. А командиров нет, но это мало кого интересует, а зря.

Только потом стало известно, и то немногим, чем закончился заговор трех генералов. В то время в Москве тоже были торжества, Президент, политическая и военная элита, также были приглашены ветераны и гости, в том числе и зарубежные дипломаты, и военные атташе. Была и одна важная иностранная делегация из страны, входящей в НАТО.

Мы тогда еще дружили с Западом. Вдруг эти люди получают информацию, что, по данным спутниковой разведки, с северо-востока по Ярославскому шоссе в направлении Москвы движутся какие-то непонятные воинские подразделения, техника и даже ракеты стратегического назначения. Высшее начальство, пережившее путч августа 1991-го и почти гражданскую войну октября 1993 года, нервничает.

В Пушкино немедленно выезжают генералы спецслужб, у которых звезд на погонах побольше, чем у наших заговорщиков. Не знаю, какой состоялся генеральский разговор, но после него никто наших командиров больше не видел. Правда, и раньше они не были особенно известны жителям.

Что касается генерала Баширцева, то на его карьере это событие отразилось неплохо. Несомненно, он, как организатор праздничного заговора, тоже получил свою пилюлю от начальства. Но избиратели Пушкинского района на выборах проголосовали за него. Владимир Иванович отделался от приставки «и.о.» и стал законным главой. Военный парад 9 Мая тоже сыграл свою роль, пусть и не главную, но значительную. А в памяти участников тех событий надолго останется тот единственный грандиозный военный парад в подмосковном городке Пушкино.

16. Змеи Вьетнама

Есть на свете такие места, в которых ты побывал и почувствовал: нужно здесь обязательно побывать еще. Их немного, я не говорю о своей родине, большой и малой, о близких сердцу святынях, скорее речь идет о туристических маршрутах. Во Вьетнаме интересно, но не обязательно, я считаю, нужно приезжать еще раз.

Вьетнам оказался совсем не такой, как мы думали. С некоторыми вьетнамцами мне приходилось общаться довольно основательно в советские и постсоветские времена. Об этом я должен рассказать для последующего понимания сюжета.

У нас, в интернациональной группе, в 1985–1987 гг., в МВПС учился Буй Бо Бинь, как выяснилось, помощник генсека вьетнамской компартии. Это был старательный, общительный и доброжелательный парень, прекрасно говорил на русском языке. Но он все время интересовался, где в Москве спрятано такое множество тюрем, ведь всех сажают? Когда мы пытались ему объяснить, что их немного: Бутырка, Лефортово, Матросская тишина, товарищ Бинь недоверчиво слушал, а потом философским тоном произносил: *«Да, Москва большая...»* Дальнейшая судьба моего приятного одноклассника мне неизвестна, но это и не важно. После окончания Московской высшей партийной школы он уехал к себе на родину, а в России в это время началась перестройка.

Я был оппонентом на защите докторской диссертации у еще одного высокопоставленного партийного вьетнамского деятеля, Фан Суан Шона, уже в конце девяностых годов (кажется, в 1998 году). Тоже очень старательного, аккуратного, улыбчивого и умного человека. Кстати, с ним связана уж точно нестандартная история. Через несколько дней после защиты своей докторской диссертации товарищ Шон пригласил на дружеский ужин во вьетнамский ресторан небольшую компанию: Алексея Васильевича Федотова, своего научного консультанта, двух доброжелательных товарищей из вьетнамского посольства, официальных оппонентов диссертации, в том числе и меня.

Банкет проходил на севере Москвы в местечке, которое называлось «Красная река». Здесь, где некогда существовал секретный НИИ, расположились тысячи вьетнамцев, они тут жили, ели, пили, и главное торговали всякой всячиной. Грязь, вонь были несусветные. Но среди этого бедлама, как ни странно, оказался чистенький уютный ресторанчик. Товарищ Шон, чувствовалось, был здесь авторитетным человеком, поэтому нас уже ожидали стол и всякие экзотические блюда, сменяющие друг друга: жареные улитки, побегии бамбука, бобовые ростки, фаршированная черепаха, рулетики из мяса змеи, обернутые в рисовую бумагу, и прочие вьетнамские деликатесы. Все это взбадривалось вонючей рисовой водкой под тосты, соответствующие событию – успешной защите докторской диссертации товарищем Шоном, ко-

торая была посвящена социально-экономической политике компартии Вьетнама. Надо сказать, что академик нескольких академий Федотов, мой коллега, товарищ и учитель, был необычным человеком. Алексей Васильевич он же полковник КГБ и дважды доктор наук, объездил весь мир и неоднократно бывал во Вьетнаме. Поэтому он знал местные обычаи и даже немного говорил на вьетнамском языке.

Во время нашего банкета это знание вьетнамского улучшалось по мере совместного питья с вьетнамскими друзьями рисовой водяры. Естественно, Алексей Васильевич, будучи главной звездой вечера, вкусил немало. Меня он не слушал: *«Мы, Сергей, здесь гости, так принято»*. Против дипломатического протокола и академика не попрешь...

Банкет подходит к концу, всем хорошо, весело, но пора, как говорится, и честь знать. И тут, по команде товарища Шона, знатному гостю – академику Федотову – приносят подарок. Это средних размеров завязанный холщовый мешочек, в котором что-то шевелится. Товарищ Шон со словами благодарности передает подарок дорогому гостю и что-то ему говорит. Алексей Васильевич со словами благодарности принимает этот понятный ему и не понятный нам подарок, и все вместе провожаем академика Федотова до такси, он уезжает. Мы, бывшие оппоненты и дипломаты, возвращаемся к столу. Выпиваем на посошок, тепло прощаемся с вьетнамскими друзьями и тоже разъезжаемся по домам. Что же здесь необычного, скажете вы? А вот что.

Академик Федотов сел в такси, сказал домашний адрес, ему надо было ехать через МКАД на Кутузовский, и немного задремал. Проснулся он от ужасного крика водителя. Оказалось, что уважаемому гостю вьетнамцы подарили ценный, по их вьетнамскому разумению, подарок – живую кобру. Что собирался делать со смертельной змеюкой Алексей Васильевич, жарить или дрессировать, неизвестно. Известно другое. Хитроумная рептилия каким-то образом выбралась из завязанного мешка в салон машины и стала соображать, где она и что ей делать. Для этого она решила, что лучше всего забраться на руль и посмотреть вперед в лобовое стекло, и сделала это. Когда ничего не подозревавший таксист увидел перед собой морду кобры, которая обвиняла баранку, он дико заорал, как-то остановил машину у обочины и бросился бежать. Проснувшийся академик Федотов увидел перед собой ужасного змея и тоже выбросился прочь из машины.

Другие подробности этой истории следующие. Вьетнамская кобра выбралась из такси и не спеша поползла в направлении ближайшего Подмосковья, что случилось с ней потом, неизвестно. Известно, что перепуганный и взбешенный таксист вышвырнул из машины портфель академика, сказал все, что он о нем думает, захлопнул перед носом дверь и умчался. Алексей Васильевич как-то добрался домой, а наутро проклинал все на свете, особенно вьетнамскую гостеприимность, змеюку кобру и рисовую водку. Так было.

Когда мы в 2010 году оказались во Вьетнаме в туристи-

ческом путешествии с нашими друзьями Черноусовыми, то с удивлением обнаружили, что почти все вьетнамцы очень маленького роста, не улыбочивые и молчаливые. Но они прекрасные воины. Их малогабаритность позволяла во время войны с французами и американцами прорывать узенькие подземные ходы, куда враги никак не могли бы пролезть. Они ходили по дну реки Миконг в свинцовой обуви и дышали через соломинки от тростника. Если их убивали из американских самолетов, мертвецы так и оставались стоять в мутных водах Миконга.

Во Вьетнаме, где мы путешествовали с Черноусовыми, было еще немало экзотики, но об этом Владимир Иванович сделал фильм, там тоже есть сцена нашего знакомства со змеей, если кому интересно, покажу. Но не все пошло в кадр. А дело было так. Нам сказали, что если вы во Вьетнаме не полакомились местной змеей, то, значит, вы Вьетнам не видели и не поняли. Ведь это не просто очищение крови и омолаживание организма, но еще и интересный ритуал. Естественно, мы клюнули на эту удочку. Через русскоговорящих вьетнамцев, а таких было немало среди старшего поколения, мы развели, как поест змею. Это оказалось непросто – дело в том, что официально сделать этого нельзя: то ли кобры занесены в местную «красную книгу» или еще что-то, мы не поняли, но поняли, что не совсем легально отведать рептилию – можно.

Поздно вечером мы приехали из нашего города в какую-то

деревню, спрятанную в джунглях. В ней оказалась корчма: и жилье, и кафешка, и гостиничка. Нас уже ждали, предложив чего-то выпить, что мы и сделали. Сразу, без долгих объяснений, необычно рослый вьетнамец повел нас в комнатку с бетонным полом. Там на полу стояли такие сеточки, в которых у нас продают лук, и в них кто-то шевелился. Оказалось, что это и есть змеи. «А у них этот бизнес поставлен на поток», – решили мы и ошиблись, потому что на церемонию убиения змея собралась куча народу: и дети, и мужчины, которых трудно отличить от мальчиков, и женщины с грудными младенцами, и мы. То есть для них этот ритуал был или редким, или очень интересным. Наш вьетнамец жестом показал – выбирайте! Черноусов ткнул пальцем в ближайший мешочек: «Какая разница!» Вьетнамец взял сеточку, разрезал ее острым ножом около головы смертельно опасной змеи. Несчастная змеюка высунулась оттуда, но не вся, а только мордой, голова ведь у кобры широкая. Вьетнамец ловко, как фокусник, завязал морду змеи цветной веревочкой. Теперь она никого не укусит. И извлек ее за хвост из сетчатого мешочка. Змея оказалась огромной, больше роста этого маленького парня. Толпа вьетнамцев визжала от восторга, а мы (по крайней мере я) пришли в смятение – смотреть на убийство живого существа было отвратительно (только в молодости на охоте я убил нескольких уток и глухаря, да еще повсеместно убивал ос, правда, это другое дело). Бедная, приговоренная нами на смерть змея словно чувствовала свою

судьбу. Она извивалась, пытаясь вырваться, но мастер-палач знал свое дело туго. Он отсек ножом кобре голову, бросил в миску. Потом выжал из дергающегося тела змеи в пивную кружку кровь. Затем распорол обезглавленной кобре живот, вытащил оттуда бьющееся сердце и синюю желчь и бросил их в другую пивную кружку. Затем, под радостные крики толпы, отсеченную голову с цветной ленточкой и еще извивающееся тело змеи передал повару. И тот гордо понес это на кухню, что-то готовить. Вьетнамец взял кружки со змеиными веществами и повел нас в кафешку. По дороге мы увидели корзину с черепаками. Женщины воскликнули: «*А можно еще суп черепаший?!*», наверное, вспомнив песню Людмилы Дорониной: «*Я твердила о морях и кораллах. Я поест мечтала суп черепаший*». Ритуал со змеей надо довести до конца достойно! Ну почему же нельзя супа? Вьетнамец жестом показал на черепах: «*Выбирайте!*» Женщины выбрали. Так мы стали участниками двойного убийства...

Потом... Потом вначале было интересно. Вьетнамец подал нам бокалы. Змеиную кровь разбавил рисовой водкой. И объяснил, что желчь и сердце надо проглотить и запить кровью для омоложения организма. Женщины омолаживаться отказались и потребовали красного вина. Владимир Иванович, напротив, омолодился по полной. Он проглотил желчь и сердце, запил водкой с кровью или кровью с водкой. Довольно улыбаясь, погладил себя по животу, там еще билось сердце убиенной кобры. Я выбрал средний вариант. Взял бо-

кал с жидкостью, но попросил какую-нибудь закусочку, никто не понял. *«Сил ву пле, битте зер, плиз, лемон!»* Вьетнамцы только глупо улыбались и кивали, не производя никаких действий. А, была не была, выдохнул, проглотил красную жидкость, занюхал рукавом. Ух, омолодился!

Еду принесли быстро. Из змеи получилось блюд шесть или семь. Какие-то рулетики в рисовой лепешке, жареное мясо, салаты и «семечки» из кобриного капюшона. Кушанья были так себе, напоминали костлявого цыпленка. Зато суп из черепахи получился отменный, пусть завидует Дорони-на! Под закуску водочка с кровью побежала веселее, омоложение организмов продолжалось. После банкета заплатили двести долларов и уехали на такси к себе в отель.

А утром все не так, нет того веселья. У всех возникло жесточайшее угрызение совести. Ну ладно, погубили ядовитую змею, хотя и это, конечно, подло. Но зачем мы убили черепаху?! Она жила двести лет, ела травку, ничего никому плохого не сделала, а мы хуже зверей! Владимир Иванович посредством змеиных желчи, сердца и крови омолодил свой организм до младенческого состояния и всю ночь провел на унита-зе. Поэтому утром он не пошел на завтрак, зато в обед под «дабл виски» съел по ошибке «догстейк», мясо ни в чем не повинного пса – тема убийства продолжалась.

Я отделался легче, съел на завтрак йогурт, выпил сок манго. Не то чтобы я особенно переживал наутро об уби-енных животных, хотя их тоже было жаль, я подумал:

какие же мы дураки, что мы делаем, и больше не трогал в жизни никого, кроме ос и комаров.

Женщины подались на местный рынок. Пока они занимались шопингом, я выпил прекрасного пива «Тайгер» – тигр, и звериная тема как-то отошла на второй план, правда, тяжелый осадок остался.

17. Венская музыка и Черноусов

Одной из наших интереснейших поездок с Володей и Ирой Черноусовыми и Риткой было путешествие по Австрии. Зальцбург, Баден и, конечно, красавица Вена. Меня поразили величественные дворцы, выполненные в монументальном классическом стиле, чувствуется, что это была столица мощной империи. Хотя моим спутникам венская архитектура показалась слишком помпезной и тяжеловесной, ну тут дело вкуса, это нормально. Хотя все согласились, что императорская летняя резиденция, и особенно дворец Шенбрунн, – это потрясающе!

Вена, как известно, музыкальная столица Европы, и побывать в ней и не окунуться в ее волшебный музыкальный мир просто невозможно. Я вспоминаю, как моя любимая теща, Маргарита Ивановна, мечтала побывать в Венской опере и послушать «Сказки венского леса» Штрауса. К сожалению, ее мечта так и не исполнилась, хотя могла бы, поживи она немного подольше...

В самую государственную Венскую оперу мы почему-то не попали, то ли не было билетов, то ли подходящего в это время репертуара, не столь важно. В Вене много прекрасных концертных залов, не зря говорят, что здесь везде летает музыкальный дух, и мы, как люди, неравнодушные к музыке, нашли место, где можно по полной программе оку-

нуться в него. Это место – великолепный концертный зал Musikverein.

Представление состояло из двух частей. Первая – фрагменты из балетов, и вторая – фрагменты из опер и оперетт. Все было прекрасно. И предшествующие концерту бесплатные бокалы шампанского, и замечательная публика, в основном иностранцы: белые, желтые, черные, но все любящие музыку. Я уже не говорю о замечательном оркестре и гениальных артистах. Не буду даже пытаться рассказать о той необыкновенной музыкальной атмосфере, в которой мы оказались, это неопишимо, по крайней мере мной, но, в общем-то, ожидаемо. А что же тут могло быть нестандартное? А вот что.

После первого отделения антракт. Мы вышли из прекрасного зала в прекрасное фойе, восторженно обмениваемся впечатлениями, выпиваем еще по бокалу шампанского, теперь уже за деньги. Расплачиваться решил Черноусов. Антракт заканчивается, мы возвращаемся в зал, садимся в свои кресла. Надо сказать, что поездка в Австрию позволила мне немножко вспомнить немецкий язык, которым я в молодости неплохо владел. Но не до такой степени, чтобы я сразу мог понять разговорные фразы. Ритка, напротив, хорошо понимала именно разговорную речь. Я это говорю вот почему. Публика уже на месте, выходит ведущий и что-то говорит, я понимаю, это не относится к концерту. Спрашиваем у Ритки, о чем речь? *«Да, – говорит она, – какой-то разъява*

потерял в фойе крупную сумму денег, и его просят подойти к администратору».

Черноусов судорожно шарит по карманам, вскакивает и мгновенно исчезает за дверью зала. Мы волнуемся. Начинается концерт, через пять минут появляется Володя, довольно улыбаясь, пробирается на свое место, садится. Музыка нас полностью поглощает, и мы уже не думаем о произошедшем эпизоде.

Концерт заканчивается, аплодисменты, «браво!». Выходим из зала и вспоминаем о случившемся. Черноусов рассказывает, что, когда расплачивался за шампанское, случайно уронил деньги и не заметил этого. После объявления ведущего он вышел из зала, подошел к официантам и объяснил ситуацию. Его спросили, какая была сумма и в каких купюрах. Он объяснил, что были шесть купюр по 500 евро. Официанты говорят, что все правильно, и передают взволнованному Черноусову деньги. И все. Ирина, конечно, ругается, нечего таскать с собой столько денег. А я предлагаю подойти к честным официантам, поблагодарить их и угостить хотя бы тем же шампанским. Подходим, Ритка произносит слова благодарности и предлагает в знак признательности за их поступок выпить с потерпевшим по бокалу шампанского. Официанты улыбаются, но от угощения отказываются, ничего особенного, с каждым может быть! *«Спасибо! Danke zer!»*

Вот такая венская музыка! По дороге в отель мы долго рассуждали, а как бы поступили у нас в России в таком

случае, наверное, по-другому или так же нестандартно?

18. На Гоа со сломанной рукой

В конце 2004 года на Земле произошла катастрофа – цунами, под волнами которого погибли сотни тысяч людей на побережьях Океании, Юго-Восточной Азии, Индии и в других прибрежных местах. Громадной волной был уничтожен и отель на тайландском острове Пхукет, где мы жили год назад до смертельного катаклизма. Очень тяжело было представить набережную с пальмами, пляж с золотым песком, уютные ресторанчики и магазинчики, красивую гостиницу с прохладным бассейном. Все это унесло беспощадное цунами. Особенно жалко было погибших тайцев, очень приветливых, доброжелательных и трудолюбивых, и конечно, туристов, ничего не подозревавших об ожидавшей их страшной катастрофе.

Через много лет мы опять несколько раз были в тех местах Таиланда, в местечке Као Лаг, тоже пострадавшего от цунами, и эти страшные следы природного катаклизма сохранились до сих пор. Деревья с фотографиями погибших и указатели, куда бежать при приближении цунами. Выброшенные на берег военные катера, сломанные прибрежные дома.

Но вернемся в 2005 год. Надо было выбирать между ставших у нас традиционными новогодними путешествиями. Мы решили ехать в Гоа, провинцию Индии, бывшую португальскую колонию, расположенную на западной стороне

полуострова Индостан, той, которую не затронуло цунами. Наши друзья отговаривали, настолько все были потрясены недавней катастрофой, но мы решили: два раза снаряд в одну воронку не попадает, да и один раз уже не попал. Летим на Новый, 2005-й, на Гоа. Казалось, нас ожидал типичный пляжный отдых в экзотической стране. Все так и получилось, но не совсем.

Началось с того, что за три дня до отъезда я сломал руку, как говорится, на ровном месте, по глупости. В те дни в Москве стояла бесснежная погода с легким морозцем. Коегде на тротуарах были редкие кусочки льда, и вот на такую ледяную линзочку меня нелегкая угораздила угодить, поскользнуться, а дальше, как в «Бриллиантовой руке»: очнулся, закрытый перелом, гипсовая лангета. Рентген показал, что у меня сломались без смещения две косточки около кисти левой руки (в правой я держал при падении портфель), как написал хирург из Центра профилактической медицины, накладывавший гипс, «в типичном месте». Еще он сказал, что куда-либо ехать нежелательно, а если уж ехать, то беречь руку, никаких напряжений. *«Купаться? Да вы что, с ума сошли?!»* Перспектива с поездкой на океан представлялась неважнецкой. Расстроенный, я зашел на Старую площадь к своему другу Сергею Юдакову, он тогда работал в руководстве аппарата Московского областного правительства. Выпили, поговорили, настроение улучшилось, и я даже поехал с ним на новогоднюю корпоративную вечеринку исполкома

«Единой России» в какой-то ресторан. Марина очень расстроилась, ведь было цунами, а может, перелом – это недобрый знак? Может, действительно отменить поездку?

На следующий день я пришел к своему другу, соседу Тарасычу, поздравить его с днем рождения. Это он помог мне разобраться с подагрой, а Марине – со сложным переломом в стопе. Травматолог от Бога, царствие ему небесное. Я пожаловался, что поездка на океан испорчена. Он, как бывший юнга, посочувствовал мне, а как травматолог, расспросил, что у меня с рукой, посмотрел лангетку, попросил принести снимки. *«Знаешь, – резюмировал он, – кости, конечно, должны быть зафиксированы, но это можно сделать по-другому»*. Он достал эластичный бинт, намотал мне на руку, отрезал нужную длину. Потом уверенно срезал гипс с моей руки и сделал повязку из бинта, закрепив его на ладони. Удивительно, но мягкий бинт сделал мою руку абсолютно жесткой. Вот что значит талант Тарасыча! Потом, после такого мастер-класса, Тарасыч заставил меня несколько раз самому повторить эту технологию. Когда у меня все стало получаться, урок был закончен, и мы выпили за его день рождения и за мою удачную поездку. *«Делай так, – инструктировал меня Тарасыч, – перед купанием снимаешь повязку, рукой не греби, умеешь грести одной рукой и лежать в воде на спине?»* Я, как человек, научившийся плавать на горной реке Лаббе, умел переплывать ее, гребя одной рукой, а в другой – держать сухую свернутую одежду. Вопрос отпал сам

собой. *«Водные процедуры и солнце тебе будут только полезны. Потом сделаешь жесткую повязку, и все!»* Я все так и сделал, и все получилось. Я продемонстрировал Марине полученную от Тарасыча технологию, и мы с легким сердцем полетели на Гоа. Все? Остальное должно быть стандартно: солнце, море, пальмы, пляж. Все так, но опять не совсем.

Сели в самолет. Взлетели. Поздний вечер. Марина задремала. Мне не спалось, я вообще не люблю спать в самолетах. По соседству через проход сидел человек, познакомились, у меня оказалась фляжечка коньячка «Мартель», у соседа еще что-то, выпили за наступающий Новый, 2005-й. Выяснилось, что сосед – протезист из Сергиева Посада. Возникло много интересных для меня медицинских тем. Тихонько беседуем, выпиваем. Я, извините, пошел в туалет. Только закрыл за собой дверь, как в нее раздался резкий стук. Что случилось? Пожар, авария, тревожно, в самолете все может быть! Открываю. Передо мной рослый молодой парень в летной форме. Может, у него понос или что-то такое? Проходите. А он мне грубо говорит: *«Вы почему курите в туалете?»* *«Я не курил».* *«Курили, курили, сработал пожарный датчик!»* Огонь в глазах. Поймал злого нарушителя, чуть не спалившего лайнер. *«Понюхайте, – говорю я, – где дым?»* Пассажиры слышат шум, начинают просыпаться. Проснулась, слыша мой голос, и Марина: *«Что там происходит?»* *«Да вот молодой человек утверждает, что я курил в туалете».* *«Да ты же не куришь, и вообще ты инвалид, посмотрите на его*

руку».

Парень видит, что не прав, а я разозлился, машу перед его носом своей перебинтованной рукой: *«Если бы я врывался к тебе в туалет?! Ты что себе позволяешь! Ты нарушаешь мои права человека! Фамилия, должность!»* Парень на глазах становится ниже ростом, что-то лопочет: *«Стюард такой-то...»* Я записываю. Пассажиры на моей стороне, шумят. *«Я вернусь в Россию и подаю в суд на вашу «Трансаэро»!* Парень видит, что дело принимает серьезный оборот, и исчезает. Я с гордым видом следую в сортир!

Возвращаюсь, выпиваем с соседом, успокаиваюсь. Вдруг ко мне подходит еще один человек в форме. Представляется: *«Второй пилот, такой-то! Я приношу от имени компании «Трансаэро» извинения за нашего сотрудника-стажера. Он ошибся в показаниях датчика. Примите в знак примирения от «Трансаэро» наш новогодний подарок».* Достает бутылку дорогого французского шампанского «Вдова Клико», дает мне и Марине бокалы, открывает пробку, наливает. Я примирительно говорю: *«Ладно, инцидент исчерпан, спасибо за подарок».* Пилот: *«Я бы сам с удовольствием выпил с вами, но служба!»* Козыряет, мы жмем руки, пилот уходит. Пассажиры засыпают. А нам что делать, дорогая бутылка открыта, придется выпить, хитрый пилот! Марина пригубливает и засыпает, а мы с соседом-стоматологом доводим дело до конца.

Прилетаем из московской зимы в индийское лето. Раннее

утро. Нас встречает водитель, едем в отель, а ехать километров сто с лишним. Я не выспался, хочу пить, воды у водителя нет. Магазины все закрыты. Вспоминаю недобрым словом «Вдову», положенную на «Мартель». Ну ладно, делать нечего. Приезжаем в шикарный отель. Идем к рецепции. Там очередь, небольшая, но дежурные индусы работают как сонные мухи, куда-то уходят, приходят. Мне это, конечно, не нравится. Трубы горят. Я кладу свою забинтованную руку на стойку рецепции, громко говорю: *«У вас пятизвездочный отель? Вы бы хотя бы предложили нам воды!»* Дежурный индус смотрит на мою забинтованную руку, вскакивает, куда-то звонит. Забывает про всех, кроме нас. Забирает наши паспорта, выдает ключи, вызывает носильщика. Мы собираемся идти в номер, и тут появляется человек с тележкой, полной напитков. Я с удовольствием выпиваю два стакана сока. Другие туристы тоже радуются, пьют, благодарят меня.

Дальше все было замечательно – пальмы у океанического пляжа, невероятной силы отливы, вода уходила на сотню метров, открывая идеально ровное дно. Сказочные закаты, медитирующие йоги, пожилые хиппи: оказывается, с 60-х годов Гоа – это своеобразная Мекка хиппи. Интересные жилища на деревянных сваях, священные коровы и свиньи, многочисленные ресторанчики с вкуснейшей едой, все прекрасно, но стандартно.

Нет, не все. Оказалось, у индусов особенное отношение к таким переломанным людям, как я. В чем это заключалось.

Вот идем мы по пляжу, подыскивая ресторанчик для обеда. Я в шортах, майке, шляпе и с забинтованной рукой. Индусы мне кланяются и приглашают меня на кухню, показывают все морские припасы, и свежие, и замороженные. Рассказывают, что у них сегодня можно приготовить из этих морепродуктов, предлагают самому выбрать, рыбу, лобстера, лангустинов и т.д. Причем никого из других туристов они сюда не приглашают. Я для них особенный, типа неприкасаемый. Сначала я удивлялся и немного стеснялся от такого внимания. Потом пообвык и начал привередничать: то рыба маленькая, то лобстер – «бэби», но всегда находил самое лучшее и вкусное.

Однажды я иду вдоль берега океана по тропинке, ведущей сквозь джунгли. Иногда попадаются торговцы всякой всячиной, сувенирами, полудрагоценными камешками, напитками. И вот за поворотом тропинки я останавливаюсь и вижу такую картину. Впереди торговец овощами и фруктами, на латках у него всякие там бананы, киви, дураны, маракуйи и т.п. Вдруг ко все этой роскоши не спеша направляется священная корова. Тошная, черная, острые рога, а вымени нет. Этих коров индусы не едят, не доят, их даже трогать запрещено, машины уступают им дорогу. И вот это божественное создание подходит к лоткам и начинает небрежно поедать ананасы, бананы и другое добро. Продавец в панике, что делать, трогать-то корову нельзя, а товар ужасно жалко. Он озирается по сторонам, видит, что никого нет, хватается здо-

ровую палку и как даст по заднице священному животному. Корова убежала, и тут появляюсь я, да еще с перевязанной до локтя рукой. У торговца ужас в глазах. Он что-то бормочет в свое оправдание, потом встает передо мной на колени и кланяется. Тут я понимаю, что он умоляет меня никому не говорить, какой он совершил страшный грех. Я великодушно приказываю ему встать, улыбаюсь и подношу палец к губам. Несчастный торговец встает и долго-долго провожает меня взглядом, все еще кланяясь.

В отеле меня с первого дня все индусы узнают, здороваются, прижимают руки к груди: «Намасте!», и все время угощают всякими напитками. Вот что делает на Гоа сломанная рука! А может быть, надо просто обмотать себе что-нибудь эластичным бинтом? Рекомендую. Хотя нет, обманывать – это грех.

19. Петр и Феврония, Дмитрий и Маргарита

Неожиданности нас подстерегают даже в самых типичных, казалось бы, ситуациях. Наша дочь Маргарита сегодня уже не Ритка, не Малая и не Девка, а взрослая замужняя женщина, но мы ее продолжаем называть по-детски. Она давно проявляла стремление к самостоятельности, поэтому то, что после окончания обучения в Лондонской школе экономики и политических наук в 2009 году дочь решила делать карьеру за границей, нас не удивило. Хотя мы, как родители, конечно, волновались, но не препятствовали такому стремлению. Маргарита (для нас Ритка) к этому времени побывала во многих странах. Она путешествовала и с нами, и в других компаниях, знала несколько иностранных языков, у нее были друзья во многих государствах. Она успела поработать в Гаагском международном трибунале, и у Севы Новгородцева на «Русском Радио», и во Всемирном Банке Реконструкции и Развития в Лондоне. Участвовала в организации конкурсов «Мисс Мира» в Великобритании и в Китае и еще во многом. Другими словами, она чувствовала себя человеком мира русского происхождения. На сегодняшний день ее поиски, после работы в Фонде Наталии Водяновой «Обнаженные сердца», где Ритка работала в лондонском офисе, она,

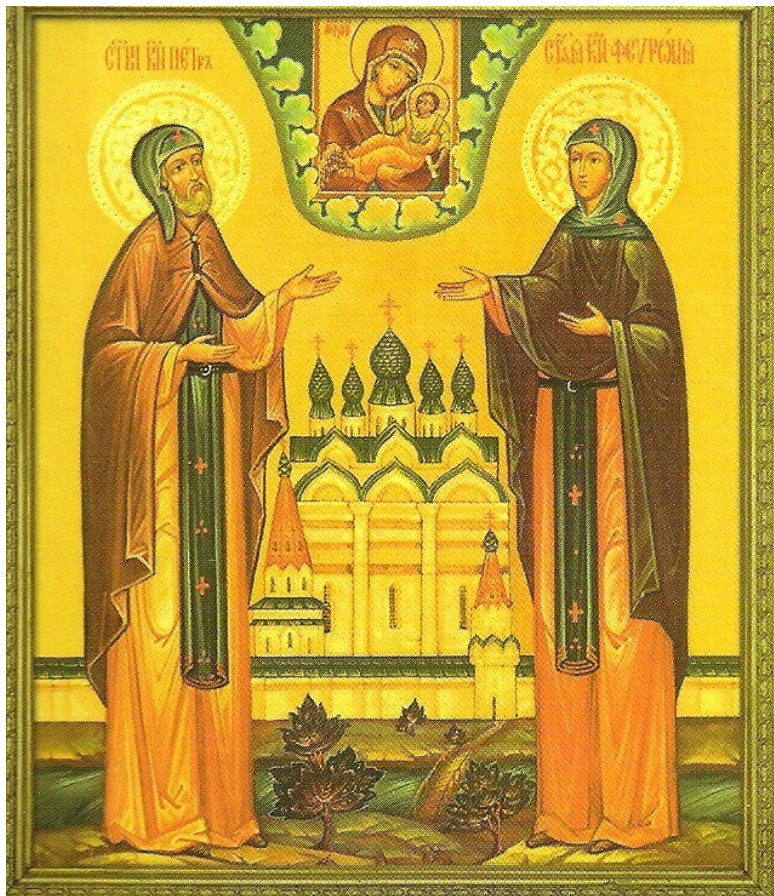
к великой своей радости, перешла в Фонд защиты прав животных «Пета». Она приезжает в командировки и в отпуск в Москву. Мы тоже часто приезжали к ней, уже и не припомню, сколько раз я был там, в Британии. У наших молодых все нормально, правда, коронавирус достал и Англию, но что с этой заразой поделаешь!

Нормально, что многие молодые люди из России пробуют раскрыть себя за границей. Также нормально, что у Ритки появился в Лондоне молодой человек по имени Дима, с которым они встречались несколько лет, но не спешили обременять себя брачными узами. Так поступают сегодня многие. С Димой мы тоже были знакомы. Он нам нравился, интеллигентный, умный. Был влюблен не только в Маргариту, но и в Лондон, который прекрасно знал, и много интересного рассказывал и показывал нам. Дима не только успешно профессионально рос как экономист-аналитик в Лондоне, но и увлекался музыкой, прекрасно играл на гитаре, сочинял свои произведения.

Шло время, но о свадьбе речь все как-то не заходила. Мы уже перестали об этом и думать. Ребята взрослые, сами разберутся. Все равно Дима для нас уже как родственник. И вот однажды, в начале 2014 года, когда Ритка была в Москве, мы решили вместе с нашими друзьями Черноусовыми попутешествовать вместе с ней по средней Волге, в местах, где еще никогда не были: в Нижнем Новгороде, в пушкинском Болдино. Также места этого путешествия были преисполне-

ны православными традициями: Муром, Арзамас, Дивеево. Очень интересная, заслуживающая специального жизнеописания, но все-таки предсказуемая поездка. (Ритка с Чернусовыми очень дружна. Первая совместная поездка по Южной Африке, потом на Борнео, в Камбоджу и еще, и еще, крепко их сблизила.)

Мы начали путешествие в древнерусском городе Муроме. Надо сказать, что в советские времена это был закрытый оборонный объект. В Муром, в отличие от городов Золотого кольца, не пускали ни отечественных, ни иностранных гостей и туристов, спрятав от них не только военные тайны, но и все древние достопримечательности. Нет худа без добра, в Муром не попали и те воинствующие атеисты, разрушавшие многочисленные соборы, монастыри и церкви по всей России. Поэтому все древнее богатство сохранилось. Сохранился в Муроме и Свято-Троицкий Новодевичий монастырь, где сегодня в Троицком соборе находятся мощи святых Петра и Февронии Муромских, покровителей семьи, любви и супружеской верности. Мы, конечно, посетили эту замечательную святыню, приложились к мощам святых, поставили свечи. Маргарита еще долго стояла перед чудотворной иконой святых и о чем-то с ними разговаривала. Казалось бы, вполне обычный обряд. Мы посетили немало святых мест во время нашего путешествия. Конечно, посещение Свято-Троицкого монастыря тоже запомнилось. И это нормально, для этого и путешествуем.

Святые

Прошло полмесяца после поездки. Ритка уехала в Англию, мы в Москве. И вдруг однажды вечером – звонок. Звонит Дима из Лондона, первая мысль – тревожная, что-то случилось, мы с ним всегда созванивались, если у Ритки были какие-то проблемы. *«Сергей Владимирович – говорит Дима, – у меня к вам короткий, но очень для меня важный, даже жизненно важный вопрос».* *«Конечно, говори!»* *«Я хочу просить у вас руки вашей дочери Маргариты».* Тревога сменилась радостью: вот так Петр, вот так Феврония! Но говорю сдержанно и спокойно: *«Дима, ты любишь Ритку?»* *«Да, конечно!»* *«Будешь ее беречь?»* *«Буду!»* *«Но тогда у меня есть тоже короткий ответ – да!»*

Так произошло первое чудо. С другой стороны, может быть, просто пришло время, и молодые пришли к решению, что пора жениться. А если бы я почему-то сказал: *«Нет»*, ничего не изменилось. Ребята взрослые, сами бы разобрались. Конечно, я и Марина были рады, тем более Дима интеллигентно задал и ей такой же вопрос и получил такой же ответ – да!

Началась подготовка к свадьбе. А тут уже все нестандартно. Во-первых, молодые решили так. Регистрация брака состоится в Лондоне, это возможно и даже полезно для дальнейшей жизни там. Венчание произойдет в Москве, первый свадебный банкет – в Москве, второй – в Лондоне, затем –

свадебное путешествие. Решить-то решили, но тут неожиданно невеста (от радости, что ли?) сломала себе на ноге палец и оказалась в гипсе и с костылями, и это накануне регистрации. Ну ладно, недаром говорится – до свадьбы заживет: все вовремя срослось. Дальше – больше: мы должны были с Мариной лететь на регистрацию в Лондон, но у нее возникли неожиданные проблемы с задержкой визы. Поездка отменилась. Я поехал один.

Регистрация браков иностранцев в Лондоне – отдельная уже нестандартная история. Мы приехали с Риткой в мэрию, это, по-нашему, примерно префектура. Там нас пригласили в красивый старинный зал, где за красивым старинным столом Ритке учинили получасовой допрос. Недружелюбная, несимпатичная костлявая чиновница замучила вопросами: *«Откуда она, кто родители, что она здесь в этой Англии забыла (Англия ведь не резиновая!), кто жених, когда познакомились?»* и т.д. и т.п. И все записывала в тетрадь. Я наблюдал это со стороны, из зала, иногда вставал, волновался, читал на стенах всякие надписи и даты, рассматривал старинные портреты. Ритка, улыбаясь, спокойно отвечала на все вопросы на своем прекрасном английском. Наконец допрос был окончен, чиновница разулыбалась Ритке. Но оказалось, что это не все. Мою дочь позвала другая чиновница, сидевшая за столом, веселая толстушка. Как пел Высоцкий: *«И опять пошла морока про коварный зарубеж!»*, но диалог был покороче. Затем тетрадь с протоколом допроса чиновницы по-

ложили в портфель, запечатали его и куда-то отнесли. После этого нас пригласили на регистрацию.

Потом я узнал, что перед этим подобной экзекуции был подвергнут мой будущий зять Дмитрий, и прошел ее тоже достойно. Молодцы!

Регистрация 22 апреля проходила скромно. Те же чиновницы совершили обряд бракосочетания молодоженов, но одно «но». Каждый родитель по английской традиции должен был сделать литературно-художественное посвящение молодым. Я прочитал заранее подготовленный и согласованный с Мариной монолог Принцессы из прекрасного фильма «Обыкновенное чудо». Родители Димы еще что-то. Потом фотосессия, затем развязное распитие шампанского на крыльце мэрии. Никто из англичан не выступал, кроме одного пикетчика, который, стоя недалеко от нас, требовал, чтобы убрали какой-то вентилятор под окнами его квартиры.

Потом мы пошли пешком по изумительному скверу вдоль живописного канала. Молодые были прекрасны. Родители и свидетели – восторженны. Старая добрая Англия, для нас не чужая страна! Зашли в старинный паб, разместились в небольшом зале, в котором, кстати, любил работать писатель Джордж Оруэлл и там написал свой знаменитый «Скотный двор». Банкет, тосты, слезы радости и т.д.

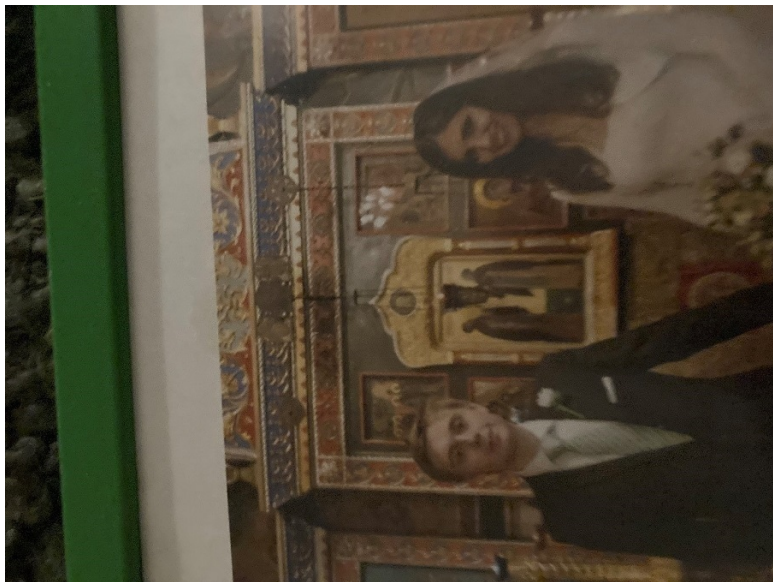
Молодые приготовили для нас в этот день нестандартные сюрпризы. Неожиданную прекрасную поездку на кораблике по Темзе в Гринвич, потом ужин в ресторане наверху

небоскреба с панорамой на ночной Лондон. Я там чуть было не потерял свой планшетник, но его вернули внимательные лондонцы. Не забуду вид озаренной огнями столицы из туалетной комнаты и многое другое.

Все боюсь сбиться на написание романа об этом замечательном событии – свадьбе Ритки и Димы. Но это действительно заслуживает более талантливого пера, чем мои нестандартные заметки. Однако к делу!

Мы прилетели в Москву. Венчание молодых происходило 27 апреля в небольшом старинном храме Вознесения Господня на Большой Никитской. Почему там? Потому что святыней, особо почитаемой в храме, была икона святых благоверных князя Петра и княгини Февронии Муромских с частицами их святых мощей. Приносящих семейное счастье и уже принесших его начало для Маргариты и Дмитрия.

Я первый раз в жизни присутствовал на венчании. Скажу, что это был красивейший и очень волнующий обряд. Об этом остались фотографии и видеозаписи, но самое главное, я уверен, никто из многочисленных участников этого священнодействия не остался равнодушным и не забудет о нем. Я был одним из основных действующих лиц после молодых, потому что вводил в храм Невесту и торжественно передавал ее Мужу. Венчание проводил молодой интеллигентный, в очках, очень доброжелательный батюшка. Конечно, молодые подошли к иконе Петра и Февронии, по православным правилам приложились к ней, поставили свечи.

Дмитрий и Маргарита после венчания на фоне ико-

ны

Петра и Февронии

После окончания церемонии батюшка даже предложил всем присутствующим сфотографироваться, в качестве исключения, около алтаря, даже разрешил мужчинам прилечь, как на старых фото (правда, желающих не нашлось), и сам сделал несколько снимков. Потом молодых обсыпали моне-

тами, которые горстями собирали «случайно» оказавшиеся рядом «нищие». Затем еще много было прекрасных, в зеленых веганских тонах, моментов. Шампанское в сквере около нашего дома на Брюсовом, фотосессия молодых, историческая экскурсия для гостей по Большой Никитской, во время которой мы со сватами заглянули в несправедливо пропущенную экскурсоводом знаменитую рюмочную напротив театра Маяковского. Воскресенье, мало людей, прекрасный весенний день, свежая листва, праздничное настроение. Экскурсия закончилась на углу Большой Никитской и Садового кольца около итальянского ресторана, в котором и состоялся свадебный ужин.

А здесь все тоже было необычно. Зеленые веганские тона украшения зала, зеленые веганские элементы одежды гостей, вкусная веганская еда. В общем, настоящий праздник в стиле веганцев-молодых. Прекрасным и необычным был танец жениха и невесты, точнее, уже мужа и жены. Дело в том, что музыку к танцу, которую исполнял камерный оркестр, написал сам Дима, а танцевальную композицию придумала Маргарита. И опять не обошлось без Петра и Февронии. Наши друзья Дорофеевы подарили молодым икону с изображением святых и произнесли соответствующие пожелания.

Одиннадцатый час. Свадебный вечер подходил к концу. Мы проводили в Питер старших сватов. И вышли проводить молодоженов к машине, которая должна была их доставить в наш загородный дом, подарки были размещены любезным

водителем в багажнике. Молодые попрощались с родителями, сели на задние сиденья черного лимузина BMW 7 и поехали. Мы вернулись в зал к гостям, веселье продолжалось...

Проходит буквально несколько минут, и вдруг звонит мне Дима. Невозможно вспомнить точно слова, которые он сказал, но смысл был ужасным: *«У нас беда, приезжайте скорее, мы стоим на Садовом в левом ряду, напротив магазина «Азбука Вкуса»!»* Радость свадьбы сменяется тревогой, не знаем, что и думать. Хмель мгновенно исчезает. Мы, родители молодых, сын Артемий с женой Владленой прыгаем в машины и едем. Через несколько минут останавливаемся около названного магазина. Перед нами предстает следующая картина. В левой полосе Садового кольца около небольшого разделительного газончика стоят машины с мигалками. Скорая помощь и гаишники. Между ними стоит заблокированная с аварийными огнями машина, на которой поехали наши дети. Справа и слева от стоящих машин на большой скорости проносятся потоки автотранспорта. Мы не успели ничего понять, но видим, что дети, Ритка в белом платье со шлейфом, Дима в свадебном костюме, стоят около машин. Живы и здоровы! Самое главное! Но мы еще не знаем, что произошло.

На самом деле хронология событий такая. После того как мы отправили молодоженов и они поехали по Садовому кольцу в сторону проспекта Мира, водитель разогнался, у «бээмвухи» мощи будь здоров, стал в левый ряд. И вдруг

после того, как проехали тоннель под Маяковкой, машина стала тормозить и остановилась в своем ряду. Дети понимают: что-то произошло с водителем, он без сознания. Дима проявил себя с самой лучшей стороны. Не запаниковал. Перелез с заднего сиденья на переднее, включил аварийку, не стал выходить, а открыл окна и принялся руками показывать другим машинам – помогите! Мир не без добрых людей! Затормозили, заблокировали. Дима вызвал скорую, гаишников и хозяев автомашины. Позвонил мне.

Подлетевшие врачи из скорой помощи констатировали смерть водителя, он так и остался сидеть, уткнувшись лицом в баранку. Ему было 53 года. Я до сих пор не пойму, почему скорая не предприняла попытку спасти его, ведь до института Склифосовского – пять минут езды. Я также не могу понять, как он, умирая, смог затормозить машину и не вылететь из своего ряда, по сути, спас здоровье и жизнь нашим детям. Это чудо! Трудно даже вообразить, что было бы, не случись этого. Все закончилось бы ужасной трагедией. Наверно, какая-то божественная сила вела его даже после смерти. А может быть, находившаяся в машине икона святых Петра и Февронии?

Что было дальше? Все стандартно. Долго ждали следователя, гаишники раскалили свои мобильники, не могли вызвать. А без него уезжать было нельзя – труп. Пришлось подключить спасительного Руслана с его неформальными связями. Приехал на «мерсе» недовольный, сонный, здоровый

детина, долго писал всякие протоколы, потом заставил молодоженов ехать в отделение, на Малую Дмитровку. Наверно, думал, что дети нарочно все это подстроили, чтобы завладеть дорогим автомобилем!

Зато владельцы машины примчались мгновенно. Несчастливого водителя поместили в труповозку и отправили. Молодцы гаишники. Очень по-человечески вели себя. Всячески старались помочь. Перекрывали, когда надо, шестиполосное движение на Садовом. Когда мы стояли около «Азбуки вкуса», а дети в свадебных нарядах около машин в левой полосе, многие водители, притормаживая, спрашивали: «*Это что, кино снимается?*»

Молодоженов и подарки, в том числе и чудотворную икону, отвезли на своей машине Артемий с Владленочкой в загородный дом. И только на следующий день мы осознали, какое произошло чудо.

Теперь я всегда ношу нательный крестик, а когда я прохожу по Большой Никитской мимо храма Вознесения Господня, крещусь и обязательно подаю нищим, даже если это здоровые, с красными мордами мужики.